

В. Б. Буглай

ДОКТРИНЫ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

В. Б. Буглай

ДОКТРИНЫ
НАДНАЦИОНАЛЬНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

БУРЖУАЗНАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор Н. П. ШМЕЛЕВ;
кандидат экономических наук Ю. А. САВИНОВ

Буглай В. Б.

Б90 Доктрины наднационального регулирования экономических отношений: буржуазная теория и практика. — М.: Междунар. отношения, 1984. — 168 с. — (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма).

Книга посвящена критическому разбору взглядов буржуазных экономистов по основным проблемам регулирования и координации международных экономических отношений развитых и развивающихся стран. Предметом анализа являются буржуазные концепции наднационального регулирования в рамках региональных экономических союзов, теории, возникшие как ответ на требования развивающихся стран об установлении нового международного экономического порядка, а также на основе разработки глобальных моделей развития. Большое внимание уделено разбору политических аспектов этих теорий, обосновывающих правомерность сохранения неравенства в международных отношениях.

Для ученых — специалистов в области мировой экономики, лекторов-международников, преподавателей вузов.

Б 0604010000—032 30—84
003(01)—84

ББК 65.5

ВВЕДЕНИЕ

Перенесение в сферу мирового хозяйства основных противоречий капиталистического способа производства привело к невиданному ранее обострению общего кризиса капитализма. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось: «Что касается мира капитализма, то мы являемся свидетелями значительного углубления всеобщего кризиса этой общественной системы. Все более теряют эффективность методы, с помощью которых капитализму удавалось поддерживать относительную стабильность своего развития в послевоенный период»¹. Эта характеристика государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики в равной степени относится и к сфере международных экономических отношений.

Расширились порождаемые кризисом ограничения торгово-экономических связей, участились случаи применения жестких дискриминационных мер против развивающихся и социалистических государств. Кризис поразил не только сами мирохозяйственные связи, но и систему межгосударственных норм, на которых основывались на протяжении послевоенных лет международные экономические отношения в области финансов, торговли, услуг.

Обобществление производства, интернационализация хозяйственной жизни привели к сдвигам в регулировании; предпринимаются попытки вывести его на межгосударственный уровень. Такой переход отражает кризисное состояние, в котором оказались в настоящее время установившиеся формы государственно-монополистического регулирования международных экономических отношений. Обострение противоречий капиталистического производства ведет к изменению буржуазных экономических теорий.

Рыночные модели регулирования международных экономических отношений капитализма, которые еще относительно недавно являлись идеалом буржуазной экономиче-

ской науки, становятся все более непримлемыми, несоответствующими реальным тенденциям экономического развития. Появляется необходимость в новых теоретических построениях.

Таковыми новыми экономическими разработками, призванными, по мысли их создателей, изменить «перекося» мировой капиталистической системы, прежде всего в отношениях между развитыми капиталистическими и развивающимися странами, стали в последнее время модели наднационального регулирования международных экономических отношений. В условиях нарастания напряженности в международных экономических отношениях, когда обостряются экономические дискуссии, буржуазные исследователи прибегают ко все более изощренным приемам, пытаются доказать тезис о якобы имеющейся эффективности в деятельности международных экономических организаций, способных урегулировать в будущем существующие противоречия на наднациональном уровне.

Западноевропейские и североамериканские экономисты предпринимают попытки разработать многочисленные программы создания глобальных и региональных моделей. Модели и программы такого рода весьма разнообразны как по сфере охвата (включают вопросы внешней торговли, финансов, передачи технологии), так и по степени и возможности влияния на действия национальных правительств.

Буржуазные исследователи занимаются также подготовкой рекомендаций практического характера, пытаются модифицировать и приспособить деятельность уже существующих межгосударственных организаций к изменяющимся условиям международных экономических отношений развивающихся стран. Сохраняя в неизменности основополагающие нормы и принципы деятельности этих институциональных структур, западные экономисты разрабатывают программы создания на их основе глобальных институтов, регулирующих международные экономические отношения в рамках всего капиталистического хозяйства на наднациональной основе.

В условиях резкого обострения идеологической борьбы буржуазные теоретики прибегают ко все более утонченным, разнообразным и замаскированным приемам пропаганды возможности достижения «международной гармонии» на глобальном уровне. Наднациональность моделей формально призвана обеспечить ломку старых внешнеэкономических связей в интересах «всеобщего блага».

Рекламируя подготавливаемые модели, буржуазные авторы пытаются представить их в качестве универсального средства, способного ликвидировать пороки капиталистической системы.

Поставив перед собой задачу исследовать цели и сущность моделей наднационального регулирования международных экономических отношений, автор стремился показать отношение традиционных буржуазных экономических теорий, прежде всего теорий интеграции, к вопросам наднационального регулирования экономических отношений; рассмотреть основные нормы и принципы, а также рекомендации буржуазных исследователей по проблемам развития существующих межгосударственных организаций развитых капиталистических и развивающихся стран; проанализировать и выявить взаимосвязь между наднациональными глобальными экономическими моделями и имеющейся теорией и практикой меж- и наднационального регулирования основных форм международных экономических отношений.

Проведенное автором исследование буржуазных концепций наднационального регулирования в важнейших сферах международных экономических отношений показывает, что своими корнями они связаны с традиционными буржуазными теориями интеграционного развития и базируются на абсолютизации норм и принципов уже действующих межгосударственных организаций развитых капиталистических стран. Задача такого рода моделей не достижение гармонии и равноправия, как это пытаются доказать их составители, а лишь некоторое подновление основ современной системы капиталистических мирохозяйственных связей, закрепление на неопределенный период неравноправной системы международного капиталистического разделения труда.

ТЕОРИИ ИНТЕГРАЦИИ КАК ОСНОВА БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

1. НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ШКОЛА И ЕЕ РОЛЬ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ЦЕЛЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Уже в самом начале своего зарождения классическая школа, представленная одним из основоположников английской политической экономии А. Смитом, недвусмысленно высказала свое негативное отношение к тем формам наднационального управления колониальной экономикой, которые в тот период были представлены торгово-ростовщическими компаниями. Эти компании, обладавшие определенной независимостью не только от колониальной администрации, но и правительства страны-метрополии, имели в своем распоряжении производственные и складские помещения, торговый и военный флот, вооруженные силы и фактически выполняли функции по насильственному привязыванию экономики колониальных стран к производственной базе метрополии.

Наиболее ярким примером такого рода явилась созданная в 1600 году и просуществовавшая вплоть до 1858 года английская Ост-Индская торговая компания. Ее деятельность подвергалась резкой критике со стороны А. Смита, считавшего основным недостатком Ост-Индской компании предоставление ее членам монопольного права на торговлю с колониальными владениями, что ведет к искажению предопределенного природой международного разделения труда между странами, участвующими во внешнеторговом обмене. Отмена же монопольных прав компании на торговлю с колонией должна была стимулировать поставку товаров из других стран на основе принципов свободной конкуренции — идеала классической концепции.

Однако, резко критикуя меркантилистскую направленность экономической политики компании, А. Смит в отдельных случаях оправдывал и позитивно оценивал ее дей-

ствия в качестве политического руководителя и управляющего. «В интересах Ост-Индской компании, рассматриваемой в качестве государя, чтобы европейские товары, привозимые в ее индийские владения, продавались там возможно дешевле и чтобы индийские товары, доставляемые оттуда, приносили туда наибольшую выручку или продавались по возможно более высокой цене. Но ее интересы как купца прямо противоположны этому»¹, — писал А. Смит в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов».

Такая непоследовательность и противоречивость в оценках была не случайной. Выступая за расширение обмена на основе либерализации торговли, английская промышленная буржуазия, последовательным идеологом которой показал себя А. Смит, стремилась сохранить общее политическое руководство в колониях, что должно было быть обеспечено за счет деятельности компании как органа, в руках которого находилось управление колониальной территорией.

Подчеркивая наличие непримиримых противоречий между интересами руководства компании, заинтересованной лишь в экономическом грабеже колониальной территории, и потребностями туземного населения, А. Смит, в частности, отмечал: «Что это вообще за странное правительство, если каждый член его администрации стремится поскорее уехать из страны и, следовательно, по возможности скорее расстаться с правительством, если каждому члену администрации на другой же день после того, как он уехал и увез с собой состояние, совершенно безразлично, что вся страна будет уничтожена землетрясением»².

Причина складывавшегося положения связывалась А. Смитом со стремлением руководства компании использовать вне рыночные формы монополистического воздействия на внешнюю торговлю, что противоречило интересам не только Индии, но и самой Англии, где началось формирование класса промышленной буржуазии.

В последующих исследованиях неоклассиков интерес к проблемам наднационального регулирования резко снизился. Причину этого следует искать в абсолютизации неоклассиками законов «свободной игры» рыночных сил, не стесненных какими-либо формами вмешательства. В условиях рыночного хозяйства никаким формам регулирования или контроля как на национальном, так и на наднациональном уровне места не находилось. Постулаты класси-

ческой буржуазной политической экономии исключали возможность его осуществления, рассматривая регулирование лишь как нарушение рыночной гармонии.

Попытки пересмотреть отношение к наднациональному регулированию международных экономических отношений вообще и внешней торговли в частности наблюдаются после окончания второй мировой войны. Объективной предпосылкой этого явилось развитие общего кризиса капитализма и стремление капиталистических государств выйти из него на основе экономической интеграции с созданием органов, выполняющих качественно новые функции.

В конце 50 — начале 60-х годов был создан ряд интеграционных группировок, в результате чего важнейшие элементы внешнеторговой, а в отдельных случаях и внешнеэкономической политики передавались вновь формируемым органам.

Подписанная в 1959 году так называемая Стокгольмская конвенция знаменовала собой создание совместного совета, куда было передано решение вопросов, связанных с внутриинтеграционным регулированием внешней торговли (снижение таможенных пошлин, количественные ограничения) стран-участниц.

Представители Скандинавских стран, подписавшие в 1962 году так называемое хельсинкское соглашение, предусмотрели ряд мероприятий по координации торговой, валютной, финансовой сфер национальной экономики.

Весьма своеобразную форму приняла североамериканская интеграция. Несмотря на отсутствие институциональных форм совместного регулирования, были резко расширены американо-канадские «интеграционные зоны», охватывающие отдельные отрасли производства двух стран, управляемые на основе внутрифирменной стратегии из единого центра — штаб-квартиры фирмы.

В 1957 году шесть наиболее крупных стран Западной Европы подписали так называемый Римский договор, знаменовавший собой создание «Общего рынка». Межнациональные органы по регулированию международных экономических отношений внутри интеграционного Сообщества, создаваемые в рамках «Общего рынка», в процессе своего развития приобрели отдельные черты наднациональности.

Своеобразием отличались попытки решения вопроса меж- и наднационального регулирования в процессе формирования интеграционных сообществ развивающихся стран, возникновение которых относится к концу 50 — началу 60-х годов.

Создание подавляющей части интеграционных группировок развивающихся стран, в отличие от аналогичных структур развитых капиталистических государств, имело место в условиях отсутствия необходимой производственной базы, то есть при минимальном объеме товарооборота и экспорта капитала между странами. Поэтому задача меж- и наднационального регулирования интеграционного развития развивающихся стран заключалась не только и не столько в закреплении уже сложившегося разделения труда, а скорее в «насаждении» его сверху, в результате чего происходила насильственная ломка унаследованной от колониального прошлого структуры межгосударственных связей.

Для интеграционного регулирования межгосударственных экономических отношений развивающихся стран характерны увеличение элементов наднациональности, использование волевых решений, объединение в одном органе выполнения ряда функций по координации и регулированию. Так, например, в рамках Латиноамериканской ассоциации свободной торговли регулярно проводились совещания для выработки соглашений как по торговым вопросам, так и по кооперационным соглашениям в промышленности. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии одновременно с торговой либерализацией активно проводила в жизнь совместные проекты в области рыболовства, сельского хозяйства, лесоводства и т. д.

Региональные экономические группировки африканских стран одновременно с рассмотрением вопросов таможенного налогообложения в процессе своей деятельности постоянно занимались проблемами совместного управления отдельных отраслей хозяйства интегрируемых регионов.

В сложившихся условиях естественными стали попытки неоклассической школы, как имеющей наиболее глубокие традиции и опыт теоретических исследований, одной из первых обосновать реалии экономического развития мирового капиталистического хозяйства.

Как известно, неоклассическая теория, включавшая в качестве своего важнейшего элемента положения А. Смита о свободе торговли, исходит из предположения, что распределение «факторов производства» на межгосударственном уровне наилучшим образом осуществляется в том случае, если регулируется исключительно законами свободной конкуренции без какого-либо государственного воздействия, носящего национальный или наднациональный характер.

Сравнивая между собой зону свободной торговли, характеризующуюся отменой пошлин и количественных ограничений, и таможенный союз, где в дополнение проводятся мероприятия по созданию единого внешнего таможенного барьера, унификации налоговой политики, неоклассики однозначно отдавали предпочтение зоне свободной торговли как более прогрессивной форме интеграционного развития, что связывалось с необходимостью надгосударственного регулирования при переходе к созданию таможенного союза. «Нарушения, вызываемые таможенным союзом, намного более опасны и вредны по сравнению с теми, которые имеют место в зоне свободной торговли: причина заключается в том, что они будут усиливаться под воздействием наднационального экономического планирования»³. Этот тезис однозначно противоречил практике, которая свидетельствовала о расширении полномочий в сфере международных экономических отношений наднациональных или межгосударственных органов по мере интеграционного развития.

Буржуазные исследователи неоклассического направления предприняли попытку разрешить складывающееся противоречие путем признания целесообразности наднационального регулирования как меньшего из двух зол в связи с необходимостью добиться ликвидации национальных форм регулирования экономики. Именно такой подход характерен для первых неоклассических теорий интеграционного развития, появившихся в 50-х годах.

В качестве примера неоклассического подхода к созданию наднациональных органов в процессе капиталистической интеграции можно сослаться на исследование Ж. Вайера, попытавшегося выделить основные этапы интеграции⁴.

На первом этапе имеет место широкое использование средств координации и межнационального регулирования с целью нахождения оптимальных, наиболее приемлемых общих форм регулирования. Это этап поиска форм более или менее тесной координации внешнеэкономической деятельности.

На втором этапе — интегрируемые национальные хозяйства в большей или меньшей степени ставятся в зависимость от решений, носящих межтерриториальный, межнациональный и даже наднациональный характер. По существу на этом этапе происходит добровольная и сознательная координация и унификация внешнеэкономической политики.

Наконец, третий этап, оцениваемый как «равенство шансов», предполагает создание свободной от всех ограничений зоны, внутри которой осуществляется свободное передвижение и функционирование «факторов производства».

Таким образом, исследование Вайера было одной из первых попыток связать интеграцию с вопросом межнационального регулирования. Межнациональное и наднациональное регулирование, действующие на первых двух этапах интеграции, выполняют прежде всего функцию ликвидации существующих национальных ограничений, мешающих свободному передвижению товаров, капитала и рабочей силы. Вследствие того, что национальные различия элиминируются, надобность в меж- или наднациональной координации отпадает. Третий, заключительный, этап развития экономической интеграции характеризуется отменой всех форм надгосударственного регулирования и переходом к «свободной игре» рыночных сил.

Схема Вайера носит исключительно теоретический характер, являясь еще одним примером склонности представителей классической школы к абстрактным построениям. Даже самое общее ознакомление с практикой интеграционных сообществ говорит о том, что прекращение деятельности их органов ведет к распаду сообщества, а развитие интеграции означает усиление и расширение функций интеграционных институтов.

Примером неудачной деятельности интегрированного сообщества может быть договор о создании Восточноафриканского сообщества (ВАС), когда вследствие политических и экономических трудностей распад механизма ВАС по существу привел к прекращению деятельности Сообщества. В то же время практика развития существующих в настоящее время интеграционных группировок типа Европейского экономического сообщества (ЕЭС), Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и ряда других однозначно свидетельствует об усилении их регулирующего механизма.

В качестве еще одного примера, характеризующего подход неоклассиков к межгосударственной координации, можно привести взгляды профессора Йельского университета Р. Купера⁵. Купер исходит из примата рынка над производством. Рост рынка, утверждает он, обеспечил расширение сферы эффективного контроля со стороны национальных правительств. Само формирование таких государств, как Англия и Франция в XVI столетии, Соединен-

ных Штатов в XVIII, Германии и Италии в XIX столетии, неразрывно связано с ростом рынка. В настоящее время рост рынка продолжается, выходя за сферу национального контроля и требуя расширения юрисдикции государств. Происходит эрозия некоторых элементов национальной экономической политики. Выход Купер видит в разработке своеобразного «кодекса поведения» мобильных факторов, под которыми подразумевается капитал и рабочая сила. Отсутствие такого кодекса, считает Купер, приведет к падению «общего благосостояния» вследствие «менее эффективного» использования факторов.

Следовательно, по мнению Купера, «кодекс поведения» и контролирующие его претворение в жизнь наднациональные органы должны следить за свободой передвижения «факторов производства», нивелируя воздействие национального государства.

Противоречащим реальной обстановке, однако, является тезис Купера о наличии аналогии между созданием национальных государств в XVIII и XIX столетиях и развитием интеграционного сообщества во второй половине XX века. В настоящее время, как это признано большинством экономистов, речь идет не об отмирании форм и методов национального регулирования, используемых буржуазным государством, а об их модификации, приспособлении к изменившимся условиям.

Ж. Вайер и особенно Р. Купер не случайно абсолютизируют особенности развития капиталистического хозяйства XIX века, ряд элементов которого связывается с условиями «полной», или «законченной», интеграции. Таможенное разоружение, возвращение к золотому стандарту, минимальное развитие всех форм меж- и надгосударственной координации — таков по мысли этих теоретиков идеал интеграционного сообщества.

В конце 50 — начале 60-х годов практика интеграционного развития выявила ряд неожиданных для классической буржуазной науки тенденций, в том числе рост влияния меж- и наднациональных органов, превращение их в важную составную часть современных международных экономических отношений, усиление их значимости и степени воздействия на регулирование межнациональных экономических связей.

С этим связаны определенная модификация взглядов некоторых исследователей и появление группы, которую в советской экономической литературе определили как «ры-

ночно-институциональную». Взгляды этих исследователей представляют собой не что иное, как попытку модифицировать идею рыночной либерализации с помощью признания факта усиления наднационального регулирования по мере развития интеграционного процесса.

Такова, например, идея о тенденциях развития интеграционного процесса американского исследователя Б. Балаша. В его работах выделяется пять ступеней интеграционного процесса: зона свободной торговли, таможенный союз, экономический союз, валютный союз и, наконец, полная политическая интеграция с созданием органов, ответственных за экономическое и политическое управление в рамках всей интегрированной зоны. По мере интеграционного развития, то есть перехода от одной зоны к другой, уровень наднационального регулирования должен усиливаться. Уже на уровне экономического союза, указывает Балаша, возникает определенная гармонизация внешнеэкономической политики, связанная, в частности, с необходимостью проводить единую внешнеторговую политику по отношению к третьим странам. Таможенный и экономический союзы предполагают унификацию внутриэкономической политики стран-членов, что связано с соответствующим расширением межгосударственной координации. «Наконец, полная экономическая гармонизация предполагает унификацию валютной, фискальной, социальной и антициклической политики и требует учреждения наднациональной власти, решения которой обязательны для государств-членов»⁶.

Другой представитель этого направления, западногерманский экономист Г. Крамер, выделяет четыре этапа интеграции⁷. Первый этап он связывает с различными картельными и другими соглашениями между фирмами. Второй этап — проведение односторонних государственных мер по снижению таможенных пошлин или ликвидации количественных ограничений. Третий этап — совместные дву- или многосторонние межгосударственные действия на основе договоров и соглашений. Наконец, последний этап — институциональная интеграция, характеризующаяся созданием наднациональных органов, имеющих право принимать решения, обязательные для всех участников.

Особенностью взглядов Крамера является идея о наличии картельных соглашений между фирмами как начального этапа интеграции, что отражает специфику капиталистической интеграции, проявляющейся первоначально на уровне внутрифирменных микроэкономических связей

и лишь потом — в виде институционированных межгосударственных органов.

Ошибка автора состоит в том, что он связывает наличие картельных соглашений лишь с начальным этапом интеграционного процесса. Картелизация, расширение межфирменных связей, интеграция производства и развитие межгосударственных институциональных форм есть две стороны единого процесса капиталистической интеграции, существующих на всех ее этапах, от первого и до последнего. Вместо раскрытия тенденций развития взаимосвязей между многонациональными межфирменными соглашениями и обслуживающими их институциональными межгосударственными органами Крамер рассматривает их независимо, как очередные этапы интеграционного процесса.

Рыночно-институциональная школа исходит из идеи постепенного усиления роли и значимости межнационального регулирования. Для всех экономистов не вызывает сомнения правомочность и целесообразность межгосударственного регулирования внешнеэкономической политики на всех этапах интеграции. Конечный этап интеграционного регулирования связывается с превращением межнациональной координации в надгосударственное регулирование. В этом плане институционалисты пошли дальше своих предшественников — неолибералов. Однако это изменение не носит принципиального характера, так как детального разбора характера и специфики наднациональности они не проводят, отсутствует также подробная характеристика существа и содержания будущих меж- и наднациональных органов.

Незначительное внимание, уделяемое неоклассиками деятельности наднациональных органов, не является случайным. Оно логически вытекает из их отношения к существу интеграционного процесса как ликвидации ограничений на свободное передвижение «факторов производства».

Как пишет по этому поводу советский экономист Ю. В. Шишков, «она (наднациональная власть. — В. Б.) нужна... лишь для того, чтобы устранить или нейтрализовать то экономическое зло, которое возникло в результате «грехопадения» государственного вмешательства в хозяйственную жизнь страны»⁸.

Очевидно, что такой подход к наднациональному регулированию международных экономических отношений далеко не соответствовал тем задачам, которые были поставлены объективными условиями развития международных связей. Требовались серьезные исследования процесса

развития межгосударственной координации и ее связей с наднациональным регулированием. В заслугу неолибералам можно поставить лишь то, что они, пожалуй, были одними из первых, кто обратил внимание на новое для буржуазной экономической науки явление: создание и развитие межгосударственных органов, призванных по возможности смягчить кризисное развитие международных экономических отношений капитализма на современном этапе.

2. ФУНКЦИОНАЛИЗМ И ЕГО СВЯЗЬ С ПРОТИВОРЕЧИВЫМИ ТЕНДЕНЦИЯМИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Объективной предпосылкой создания и развития неофункционалистской школы явилось стремление буржуазных экономистов обобщить практику функционирования межгосударственных интеграционных группировок вообще и межинституциональных органов в частности.

Работы неофункционалистов не имеют сколько-нибудь серьезной теоретической базы. Их исследования не являются последовательными и законченными, не содержат достаточно полных обобщений. Они носят эклектический характер, включают ряд положений теорий таможенного и экономического союза, федералистской концепции и т.д.

В своей подавляющей части к этой группе относятся исследователи-практики, входящие в число руководящих деятелей «Общего рынка» и знакомые со спецификой органов ЕЭС.

По мнению функционалистов, обязательным условием развития интеграционного процесса является наличие сильных наднациональных органов, выступающих в качестве двигателя интеграционного процесса. Они считают, что объектом исследования должны быть не широкие и глобальные теоретические построения, а конкретные действия отдельных институциональных элементов Сообщества, анализ этапов развития практики межгосударственного регулирования.

Общим для неофункционалистов является ориентация на исключительный или, по крайней мере, преимущественный анализ практики интеграционного развития в рамках группировок развитых капиталистических стран: ЕЭС, ЕОУС (Европейское объединение угля и стали), Евратома (Европейское сообщество по атомной энергии).

Основой этих построений явилась абсолютизация реальных этапов деятельности меж- и наднациональных органов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и ЕЭС по регулированию сферы международных экономических отношений как между странами — участниками группировок, так и по отношению к третьим странам.

Так, например, Организация экономического сотрудничества и развития, объединяющая развитые капиталистические страны и созданная первоначально для координации экономической политики и согласования программ «помощи» развивающимся странам, позднее значительно расширила свою деятельность, осуществив ряд мер по либерализации внешней торговли, отмене количественных ограничений в торговле между странами-участницами и т. д. В 60-х и особенно в 70-х годах был предпринят ряд шагов по координации отдельных аспектов внешнеэкономической деятельности стран-участниц.

Созданная в 1957 году Комиссия «Общего рынка» начала свою деятельность с регулирования вопросов внешней торговли, валютной сферы, передвижения рабочей силы. С декабря 1958 года была введена обратимость национальных валют стран ЕЭС в доллары, которая сначала затрагивала лишь операции иностранцев (внешняя торговля, туризм, доходы иностранных рабочих и т. д.), а с 1961 года была распространена на валютные операции резидентов. В 1960 году советом министров ЕЭС были изданы соответствующие директивы относительно свободы экспорта капитала. В 1968 году окончательно отменены таможенные пошлины на промышленные товары, был принят, хотя и с некоторыми оговорками, ряд мер в области интеграции сельскохозяйственной политики в рамках «Общего рынка». С начала 60-х годов было либерализовано передвижение рабочей силы. В целом можно говорить о существовании тенденции к расширению деятельности конкретных институциональных форм интеграционных сообществ развитых капиталистических стран.

Абсолютизируя эти тенденции, неофункционалисты вводят понятие «спил-овер» — эффект перелива интеграции из областей, где ее развитие осуществляется успешно, в другие, незатронутые до этого сферы. Обязательным условием такого эффекта, по мнению неофункционалистов, является наличие сильных наднациональных органов, осуществляющих и регулирующих этот процесс. Развитие интеграции постепенно обеспечит охват межгосударственным регулиро-

ванием новых отраслей производства и сфер международных экономических отношений.

Исследования неофункционалистов связаны с анализом конкретных явлений и тенденций развития интеграционного процесса. Вследствие того, что на практике именно экономические аспекты интеграции получили наибольшее развитие, особый интерес представляют те разделы их работ, где рассматриваются вопросы «перелива» интеграционных «эффектов» из экономической в политическую сферу.

Основоположниками идеи неофункционалистов, исходившей из примата развития экономической интеграции, а также рекомендовавшей ползучую «пошаговую» интеграцию в области внешней торговли, экспорта капитала, передачи технологии, были французские политические деятели Ж. Монне и Р. Шуман, непосредственно принявшие участие в разработке программ западноевропейской интеграции. Однако высказываемые ими идеи не получили законченной формы и представляли собой скорее отдельные прогнозы направлений развития некоторых институтов Сообщества.

Более подробное и последовательное изложение важнейших идей неофункционалистов дано американским исследователем Э. Хаасом в конце 50-х годов⁹.

По мнению Хааса, переход интеграции на более высокий уровень, передача наднациональным органам ряда новых функций по регулированию могут быть осуществлены только в том случае, если региональные органы, которые сейчас в основном занимаются вопросами внешнеэкономических связей между государствами, постепенно смогут расширить свою деятельность и распространить ее на новые отрасли. При этом необходимо действовать крайне осторожно, не затрагивая болезненно чувствительных для наций вопросов, связанных с суверенитетом, национальным престижем и т. д. Постепенно региональные органы сами должны превратиться в единую наднациональную власть. Наднациональность представляется Хаасу подходящим региональным двойником национального государства, которое неспособно реализовать цели общественного благосостояния в собственных узких границах и примирилось с фактом взаимозависимости в век индустриализации и равноправия. По мнению Хааса, неизбежным следствием развития ЕЭС должно стать создание Европейского оборонительного сообщества (ЕОС).

Функционализм как теоретическая школа, выводящая программу создания наднациональных органов из ограни-

ченных успехов внешнеторговой и внешнеэкономической либерализации, наибольшее распространение получил в 50 — начале 60-х годов. Однако уже с середины 60-х годов реальная практика функционирования ЕЭС показала всю ограниченность и утопичность ряда базисных положений неофункционалистов, упрощенность и ограниченность предложенных ими рекомендаций.

Во внешнеэкономической области развитие «Общего рынка» натолкнулось на серьезные трудности. Передача некоторых прав наднациональным органам не привела к прогрессирующему отмиранию национальных институтов.

Наднациональные органы ЕЭС неоднократно сталкивались с оппозицией правительств стран-членов. Причем эти столкновения между ЕЭС и правительствами стран, входящих в «Общий рынок», приобретают постоянный характер.

Например, в области сельского хозяйства безуспешными оказались попытки ликвидировать разногласия в деятельности Европейского фонда ориентации и гарантирования сельского хозяйства (ФЕОГА), прежде всего распределение взносов в единый сельскохозяйственный бюджет.

Значительные разногласия возникли и в такой определяющей сфере, как создание единых финансовых ресурсов Сообщества за счет централизованных взносов и отчислений. Общий бюджетный фонд Сообщества не только был создан со значительным отставанием (лишь в начале 80-х годов, тогда как планировалось в середине 70-х), но его величина и сейчас продолжает оставаться крайне незначительной, не превышая 3% доли средств, находящихся в руках национальных правительств.

Перечисление случаев провалов, связанных с попытками расширения наднационального регулирования и распространения его на новые сферы, можно было бы продолжить.

Работы функционалистов интересны анализом конкретных шагов в деятельности отдельных интеграционных органов, и в частности «Общего рынка», однако в них не содержится достаточно полных теоретических обобщений.

Свидетельством неудач, постигших теоретические разработки неофункционалистов, явилось распространение в начале 70-х годов точки зрения, согласно которой не унификация внешнеэкономической политики и постепенное поэтапное развитие экономической интеграции могут привести к росту наднациональности институциональных орга-

нов Сообщества, а, наоборот, наличие единой и общей политической программы является предпосылкой создания Соединенных Штатов Европы. Не случайно президент ФРГ В. Шеель, выступая 12 ноября 1973 г. на съезде Свободной демократической партии, заявил: «Европа переросла слепую веру в то, что политическое единство будет автоматическим и неизбежным следствием создания общих институтов в экономической области. К сожалению, эта концепция оказалась ложной. Импульсы к объединению Европы, в том числе и в экономической области, должны исходить от политики».

Новая программа усиления Европейского экономического сообщества и превращения межнациональных органов в наднациональные, выдвинутая и разработанная бывшим премьер-министром Бельгии Л. Тиндемансом в сентябре 1975 года, по существу базировалась на идее о том, что создание сильных и эффективных институтов Сообщества с самого начала является следствием наличия политической воли стран-участниц.

Предложенная Тиндемансом модель будущего Сообщества включала в себя такие элементы, как замена единогласия мажоритарным принципом, рост делегирования функций и полномочий национальных органов институтам Сообщества и, наконец, увеличение роли совета на уровне глав государств и правительств, а также рост значимости таких органов, как Комиссия европейских сообществ и Европейский парламент. Сквозной идеей Тиндеманса является противопоставление принципа наднациональности как более прогрессивного принципу межправительственного сотрудничества, господствующему в настоящее время.

Однако выдвинутые Тиндемансом идеи, представляющие по своей сути программу ограничения суверенитета ряда стран-участниц и принесения их интересов в жертву более сильным членам группировки, вызвали вполне обоснованную критику руководителей ряда стран, политических и общественных деятелей. Претворение в жизнь программы было отложено на неопределенное время.

Объективной предпосылкой разработок неофункционалистов стали тенденции развития «Общего рынка» в начале 60-х годов: определенные успехи в ликвидации таможенно-тарифных и валютных ограничений и связанные с этим надежды на распространение интеграции на новые сферы и отрасли. В 70-х годах обстановка изменилась и межимпериалистические противоречия внутри интеграционных группировок вспыхнули с новой силой. Это не могло

не сказаться на деятельности институциональных органов «Общего рынка».

Практика развития интеграционных органов Сообщества показала иллюзорность надежд тех западных исследователей, которые мечтали об автоматическом переходе от межнационального регулирования к наднациональным органам. Выдвижение на первый план «системы пошагового решения» или, наоборот, наличие «единой общей политической воли» отразило противоречивость буржуазной экономической мысли, тщетно пытающейся выйти из заколдованного круга, образованного схоластическими построениями и реалиями экономического развития капитализма.

3. СТРУКТУРАЛИЗМ — ОТРАЖЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО ВНУТРИФИРМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Весьма своеобразно подходят к вопросам наднационального регулирования представители так называемой структурной школы, которые ориентируются на анализ прежде всего структуры интегрируемого хозяйства в противоположность исследованию процесса создания крупных институциональных комплексов или ликвидации ограничений на передвижение «факторов производства». Противопоставляя свой подход идее неоклассиков, французский экономист А. Маршалль подчеркивает: «Современная интеграция — это интеграция национальных хозяйств, а не интеграция рынков, которая представляет собой лишь псевдоинтеграцию»¹⁰.

Объективной основой теоретических разработок этой школы являются некоторые особенности развития интеграционного процесса в развитых капиталистических странах. Интеграция развивается далеко не одинаково во всех сферах народного хозяйства, концентрируясь в отдельных наиболее монополизированных отраслях промышленности. Это ведет к созданию кооперационных и корпоративных связей внутри отдельных замкнутых хозяйственных структур. Монополистические объединения служат ядром, вокруг которого стремительно развиваются межгосударственные производственные связи с формально независимыми фирмами, обслуживающими международные монополии на основе субконтрактов. Межгосударственное регулирование в этом случае переходит в руки международных монополий, действующих в рамках отраслевых комплексов.

Исследование этого процесса дает возможность представителям структурализма высказать ряд идей относительно меж- и наднационального регулирования, осуществляемого на уровне международных монополий. Выдвигаемые при этом концепции связаны с функционированием и деятельностью международных монополий, которые рассматриваются в качестве субъекта этого регулирования.

Отличительной особенностью этого направления является признание в той или иной форме тезиса о том, что господство международных монополий приводит к созданию наднациональных империй. Так, например, французский экономист Ж. Лапьер связывает создание наднациональных органов, управляющих хозяйством во всемирном масштабе, с политической и экономической экспансией ТНК, деятельность которых даст якобы возможность ликвидировать неравномерность экономического и политического развития отдельных стран¹¹.

Этой же точки зрения придерживается известный американский экономист Р. Вернон. По его мнению, в ближайшее время можно ожидать установления на мировых рынках олигополии крупнейших лидеров, действующих в глобальном масштабе. Исследователь прогнозирует появление «всемирной олигополии»¹².

Объективной основой этого тезиса является реальный факт широкого внедрения филиалов иностранных ТНК на территорию развитых капиталистических и развивающихся стран и создание своеобразных империй ТНК, в ряде случаев подменяющих деятельность национального правительства на межгосударственном уровне. При этом государство, допустившее иностранное предприятие на свою территорию, оказывается зависимым от решений, принимаемых в штаб-квартире фирмы, находящейся вне ее территории. В случае принятия штаб-квартирой решения о закрытии или переводе филиала в другую страну национальное государство, на территории которого расположен филиал, может проиграть в смысле занятости, доступа к технологии, мировому рынку и т. д.

О величине этого сектора, управляемого на наднациональной внутрифирменной основе, свидетельствует тот факт, что в среднем в развитых капиталистических странах Европы каждый четвертый рабочий занят на предприятии, принадлежащем иностранному (в основном американскому) капиталу. В ряде современных отраслей (например, электроника, химия) концентрация иностранного капитала в Западной Европе достигает 60—80%.

Этот сектор находится вне сферы контроля национального правительства, на территории которого расположены данные предприятия. Его управление осуществляется международными монополиями, которые, выбирая территорию своего функционирования, получают возможность непосредственно осуществлять перевод финансов, рабочей силы, капитала, товаров из одной страны в другую. Образную картину функционирования таких «монополий без отечества» дает Ч. Киндлбергер, выделяющий национальные, международные и транснациональные монополии в зависимости от их способности свободно перемещаться между странами, ориентируясь исключительно на дешевизну используемых «факторов», то есть капитала, сырья и рабочей силы¹³. Противопоставляя деятельность международных монополий национальному государству, Киндлбергер утверждает, что времена национального государства как экономической единицы ушли в прошлое.

Сам Киндлбергер не фиксирует внимание на механизме наднационального регулирования, которое осуществляется в рамках внутрифирменного планирования международной монополии. Он лишь констатирует, что в интегрируемом пространстве для международной фирмы отсутствуют какие-либо ограничения и что такая монополия рассматривает все интегрированное пространство как «свое отечество».

Французский исследователь Ф. Перру связывает интеграцию прежде всего с деятельностью «полюсов роста», представляющих наиболее современные и динамичные (т. е. монополизированные.— В. Б.) отрасли производства¹⁴. «Полюсы роста», объединенные совместно, обеспечивают возникновение «зон развития». По мнению Перру, «зоны развития» представляют собой составную часть интеграционного процесса.

Возникает новая частнокапиталистическая в своей основе система надгосударственного регулирования международных экономических отношений.

ТНК, стремясь усилить свои конкурентные позиции, целенаправленно используют интеграционное развитие прежде всего для придания общеглобального или общеевропейского характера своим хозяйственным операциям: финансированию, производству, применению технологии, найму, сбыту, обслуживанию.

Обязательным условием свободного функционирования монополий на всем интегрированном пространстве является унификация условий их деятельности: обложения внут-

ренными налогами, пошлинами, регулирования найма рабочей силы, выпуска продукции, приобретения имущества, продажи товаров и экспорта капитала за границу и т. д.

Меж- и наднациональное регулирование структуралисты рассматривают в двух плоскостях: с одной стороны, внутрифирменное регулирование, носящее наднациональный характер и охватывающее производственную деятельность фирмы в различных странах; с другой стороны, межгосударственная координация внешней, а зачастую и внутриэкономической политики национальных государств с целью обеспечения бесперебойного функционирования монополий. В ряде случаев межгосударственное регулирование и внутрифирменное наднациональное управление международными хозяйственными связями противопоставляются друг другу.

Так, например, американский исследователь Э. Луард, прогнозируя одно из возможных направлений развития международного сообщества, рисует следующую картину: «Международные производственные и банковские группировки, распространяя свои усилия, действуют на общемировой в противоположность национальной основе. Уменьшение роли и значимости национальных государств будет сопровождаться концентрацией власти в руках элиты, руководящей международными фирмами. По этой причине роль международных организаций также будет уменьшена»¹⁵.

Для структуралистов характерно позитивное отношение к международным монополиям как «двигателям экономического прогресса», «агентам развития» и т. д. Соответственно межгосударственное регулирование и необходимость его расширения рассматриваются лишь в одном аспекте: разработки международных норм и правил, облегчающих деятельность современных монополий.

По их мнению, межгосударственное регулирование необходимо лишь для того, чтобы обеспечить свободное передвижение «факторов производства», а точнее, бесперебойное функционирование международных монополий. Такой подход сближает эту группу с неоклассиками, также формально выступающими против всех форм вмешательства, препятствующего свободной конкуренции.

Различия в подходе неоклассиков и структуралистов к наднациональному и межгосударственному регулированию, представленному создаваемыми межгосударственными организациями, касаются целей и задач этого регулирования.

Для неоклассической школы наднациональная власть есть единственное средство создать «равенство шансов» для свободной конкуренции внутри интегрированной зоны.

В то же время для структуралистов ликвидация внешнеторговых ограничений связана прежде всего с оптимизацией функционирования международной монополии, осуществляющей контроль над внешней торговлей, экспортом капитала и передачей технологии на межнациональном уровне из своей штаб-квартиры.

Основным объектом исследований структуралистов фактически является международная монополия, подчиняющая национальные государства. По мере развития интеграции, считает эта группа исследователей, национальное государство будет замещено международной корпорацией как новым центром организационной структуры мира.

Структуралисты поставили вопрос о монополистическом регулировании как форме наднационального контроля за перемещением товаров и капитала между странами, и попытались связать надгосударственное регулирование, осуществляемое глобальными организациями, с внутрифирменным наднациональным монополистическим контролем. Однако дальше общей постановки вопроса буржуазная наука не пошла и, разумеется, не могла пойти. Вместо раскрытия сложных и противоречивых взаимозависимостей между двумя «уровнями» или «плоскостями» регулирования в большинстве случаев приходится встречаться с апологетикой деятельности международного капитала и рекомендациями обеспечить ему максимальные льготы на уровне межгосударственных отношений.

4. НЕОКЕЙНСИАНИЗМ — ОГРАНИЧЕННОСТЬ ПОПЫТОК ОСМЫСЛИТЬ РЕАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Неокейнсианский подход к вопросам межгосударственного регулирования основывается на идее активного воздействия на ход экономического развития вообще и международных экономических отношений в частности. Для этой школы характерен тщательный и подробный анализ специфики межгосударственного регулирования, осуществляемого в процессе интеграционного развития. Основой такого анализа является деление интеграционных мероприятий на две группы: негативные и позитивные.

Негативная интеграция связывается с процессом лик-

видации административных барьеров, ограничивающих международное передвижение товаров, услуг, «факторов производства». По существу это близко к пониманию интеграции неоклассиками.

Примером негативной интеграции неокейнсианцы называют ликвидацию количественных ограничений и торговых пошлин внутри «Общего рынка» и ЕАСТ. Эти мероприятия могут осуществляться на основе дву- или многосторонних соглашений при минимальном уровне межстрановой координации.

Однако для неокейнсианцев более важной и значимой представляется позитивная интеграция. Одно из наиболее полных и законченных определений позитивной интеграции дает Дж. Пиндер, оценивающий ее как «разработку и применение единой координированной политики в объеме, способствующем решению основных задач в сфере экономики»¹⁶.

Позитивная интеграция понимается неокейнсианцами как объективная тенденция к развитию наднациональности путем передачи соответствующих прав межгосударственным или наднациональным органам. Довольно четко и последовательно доказывают этот тезис американские исследователи Б. Меннис и К. Сован, заявляя, что «существо позитивной правительственной интеграции — это передача права принятия решений»¹⁷.

С этим связаны многочисленные попытки определить показатели развития интеграционного процесса на основе количественного анализа отдельных параметров позитивной интеграции.

Например, американский исследователь Л. Линдберг разработал перечень важнейших функций, передаваемых наднациональной власти¹⁸. Линдберг выделил антициклическую экономическую политику; государственное регулирование цен, инвестиций; сельскохозяйственный протекционизм; экономическое планирование; использование национальных ресурсов; транспортные вопросы; финансовую политику; поддержание стабильности платежного баланса; внутреннюю финансовую политику; передвижение товаров, услуг и других «факторов производства» в рамках таможенного союза. Особое внимание уделено рассмотрению вопросов внешнеэкономических связей с другими странами.

Близкими по характеру являются работы американского экономиста Р. Бернштейна¹⁹ и других исследователей, фиксировавших внимание на чисто количественных пока-

зателях, связанных с решениями того или иного интеграционного органа.

Нет никакого сомнения, что анализ особенностей позитивной интеграции, как она понимается неокейнсианцами, имеет свои положительные стороны. Он дает возможность рассмотреть ряд важных моментов, характеризующих развитие интеграционного процесса, и прежде всего вопросы создания межгосударственных органов и передачи им некоторых функций по наднациональному регулированию интегрируемой зоны. Важным выводом, к которому приходят неокейнсианцы, является идея о важности расширения координационных программ интегрируемых стран.

Однако следует отметить, что исследования неокейнсианцев не вышли за рамки общих теоретических построений. В значительной степени это объясняется несопоставимостью характера и существа экономической политики отдельных государств, даже находящихся в одном географическом районе и обладающих приблизительно одинаковым уровнем экономического развития.

Так, например, в Италии и Франции доля государства в валовом внутреннем продукте (ВВП) выше, чем в других странах Сообщества. В этих государствах выделяются средства на поддержку отдельных отраслей промышленности, являющихся важнейшими с точки зрения государства.

Наиболее ярко усиление государственного регулирования проявилось в последние годы во Франции. Пять крупных промышленных монополий, две самые мощные финансовые группировки перешли под контроль государства. Практически каждый пятый рабочий занят на государственном предприятии. На долю государственного сектора приходится около 80% производства в металлургии и самолетостроении, 54% — в химической и электронной промышленности. Страна в большой степени ориентируется на проведение политики экономического дирижизма, опирающегося на консервативный бюрократический аппарат. В ФРГ, Бельгии, Голландии государственные расходы направлены на развитие инфраструктуры. Политика государственных расходов в ФРГ базируется на идеях минимального вмешательства государства в экономику, ограничении его деятельности, установлении «норм поведения» отдельных хозяйственных единиц (фирм, предприятий). В последнее время существенно уменьшилось налогообложение крупных корпораций, сократилось государственное субсидирование ряда отраслей.

Было бы ошибочным полагать, что дирижисты ограничиваются исследованием только проблем позитивной интеграции, то есть координации национальных политик. В ряде своих работ они разрабатывают также концепцию наднациональности в глобальном масштабе. Интересен в этом отношении подход одного из родоначальников концепции позитивной интеграции голландского экономиста Я. Тинбергена.

Развивая понятие «позитивной интеграции», Тинберген приходит к выводу, что следствием расширения координационных усилий является стремление стран централизовать на наднациональном уровне различные инструменты экономической политики, включая те из них, которые направлены на обеспечение выравнивания дохода внутри и между странами²⁰. Исследователь говорит о целесообразности создания глобальных агентств, задача которых (в области международных экономических отношений) должна заключаться в ограничении и уменьшении торговых барьеров; регулировании рынка сырья; контроле за конвертируемостью валют; контроле за политикой занятости и передвижения капитала и регулировании миграции рабочей силы.

Ряд этих вопросов, указывает Тинберген, уже частично решается такими организациями, как ЕЭС, ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), МВФ (Международный валютный фонд), ОЭСР. Однако к недостаткам этих организаций относится отсутствие планомерности и последовательности в выполнении функций, элемент случайности. Поэтому выдвигаются предложения усилить элемент межнациональной координации при осуществлении их деятельности.

Исследователь полагает, что наднациональное регулирование может быть осуществлено путем создания совместных наднациональных органов, объединяющих предварительно интегрированные районы в экономические системы. Предлагаемая Тинбергеном схема создания наднациональных органов включает две стадии. Первоначально решения должны приниматься в результате консультаций представителей приблизительно десяти блоков, каждый из которых представляет или региональную группировку, или сверхдержаву. На следующей стадии этот высший «центр принятия решений» должен будет превратиться в «мировое» правительство.

Таким образом, предлагаемая Тинбергеном схема представляет собой поэтапное развитие региональной интегра-

ции по пути ее постепенного превращения в мировую группировку с собственным правительственным центром.

Ошибочность такого прогноза становится очевидной, если рассмотреть тенденции развития региональных интеграционных группировок в настоящее время.

Опыт развития экономических контактов между ЕЭС и развитыми капиталистическими государствами свидетельствует не о росте наднациональности, а о расширении межимпериалистических противоречий.

Несмотря на интернационализацию производства и переплетение капитала, ни в Северной Америке, ни в Тихоокеанском регионе, ни в системе отношений США — Западная Европа — Канада не существует международных государственно-монополистических организаций типа «Общего рынка». Деятельность Организации экономического сотрудничества и развития, куда входят ведущие капиталистические страны, практически не выходит за рамки рекомендательных функций.

Еще более противоречивую форму принимают отношения между интеграционными группировками развитых капиталистических и развивающихся стран.

С начала 70-х годов между интеграционными группировками развитых капиталистических и развивающихся стран наметились тенденции к расширению экономических связей вообще и торговли в частности. С 1970 по 1980 год торговля между развитыми капиталистическими и развивающимися странами выросла в 5,2 раза, хотя общий объем торговли всех капиталистических государств за этот же период возрос лишь в 4,2 раза. Пытаясь найти организационное оформление этой растущей взаимозависимости с развитыми капиталистическими странами, и прежде всего ЕЭС, интеграционные группировки развивающихся стран провели ряд переговоров.

В 1980 году «Общий рынок» подписал соглашение об экономическом сотрудничестве со странами, входящими в АСЕАН, ставшее первым соглашением, заключенным Сообществом с экономической группировкой развивающихся стран как единым целым. Созданы совместные рабочие группы или комитеты, где эксперты с обеих сторон обсуждают отдельные вопросы торговли, преференций и т. д. Однако опыт этих обсуждений показывает принципиальные различия между двумя группировками. Сообщество, исходя из интересов монополий стран-участниц, стремится решить проблему доступа к сырьевым ресурсам стран АСЕАН и обеспечить связанные с этим благоприятные

условия для инвестирования. Страны, входящие в ассоциацию, наоборот, стремятся добиться ликвидации протекционистской политики Сообщества.

Особенно острые разногласия возникли по такому кардинальному вопросу, как выделение финансовых средств, необходимых для промышленного развития стран АСЕАН. Как показывают первые итоги деятельности Брюссельского постоянного комитета АСЕАН, в состав которого вошли послы пяти стран — участниц ассоциации, аккредитованные при ЕЭС, и эксперты Комиссии европейских сообществ, страны ЕЭС не ответили на просьбу развивающихся стран Юго-Восточной Азии о предоставлении им средств для осуществления промышленного развития. Была лишь подтверждена готовность содействовать привлечению финансовых ресурсов частных банков. Не случайно уже после первой сессии смешанного комитета страны ассоциации выразили неудовлетворение результатами обсуждения вопросов финансового сотрудничества. Аналогичным образом, во время последующих встреч, состоявшихся между ЕЭС и АСЕАН, представители стран ассоциации выступали с резкой критикой протекционистской политики «Общего рынка», отметив рост нетарифных барьеров на такие товары их экспорта, как текстиль, обувь, растительные масла, сельскохозяйственные продукты. Однако Сообщество отказалось принять какие-либо меры по смягчению своей политики.

Еще менее удачными были переговоры между ЕЭС и арабскими странами, входящими в Лигу арабских государств (ЛАГ). В период обострения энергетического кризиса в 1974—1975 годах была выдвинута идея заключения всеобъемлющего соглашения, охватывающего вопросы финансового, торгового и экономического сотрудничества. ЕЭС пыталось одновременно обеспечить льготные условия для деятельности западноевропейских монополий в этом районе.

Однако нерешенность политических вопросов, прежде всего сложная политическая обстановка на Ближнем и Среднем Востоке, привела к тому, что начавшиеся в 1974—1975 годах переговоры не только не продвинулись вперед, но в 1979—1980 годах были приостановлены.

Минимальные успехи были достигнуты в деле налаживания экономических контактов между ЕЭС и региональными группировками латиноамериканских стран. Это объясняется в первую очередь тем, что «члены „Общего рынка“, и особенно Великобритания, Франция, ФРГ, пресле-

дую собственные интересы, проводят курс на осуществление контактов со странами Латинской Америки на двусторонней основе, без вовлечения в них Сообщества как организации»²¹.

Следовательно, при оценке существа капиталистической интеграции Тинберген исходит из предположения, широко распространенного среди специалистов по экономической интеграции в 60-х годах, что развитие интеграции будет означать рост наднациональности в рамках Сообщества, то есть переход к централизованному принятию решений и равномерному развитию всех частей интегрированного сообщества. Однако, как показывает опыт, интеграция развивается прежде всего между однотипными, однородными в социально-экономическом отношении государствами либо между странами, общность целей которых связана с особым положением в мировом хозяйстве (например, развивающиеся страны).

Неокейнсианские исследования оказываются полезными, так как их задачами являются рассмотрение конкретных мер, принимаемых межгосударственными организациями по расширению своей деятельности, анализ шагов отдельных органов «Общего рынка» и других интеграционных группировок.

В то же время такое понимание интеграции носит односторонний характер, поскольку не учитывает исключительно важный компонент интеграционного процесса: деятельность частных фирм и монополий. Исследователи Б. Меннис и К. Сован правильно замечают, что возможны случаи, когда «правительственная интеграция доведена до высокого уровня, а производственный аппарат отдельных стран-членов остается в значительной степени разделенным»²².

Именно такое положение складывается в ряде интеграционных группировок развивающихся государств, когда мероприятия по координации экономической политики оказываются неподкрепленными соответствующей реакцией частных фирм — субъектов интеграционного процесса. Деятельность капиталистических, и прежде всего монополистических, группировок представляет собой важнейший элемент интеграции, и выведение его из сферы анализа неизбежно искажает и упрощает характер тех выводов, к которым приходят авторы.

5. НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В КОНЦЕПЦИЯХ ИНТЕГРАЦИИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Разработка концепций наднационального регулирования экономических отношений развивающихся стран в рамках интеграционных теорий получила недостаточное развитие. В значительной степени это отражает кризис буржуазной экономической науки, ее неспособность дать ответы на актуальные вопросы современного экономического развития. Буржуазные исследователи оказались в сложном положении прежде всего потому, что перед наднациональным регулированием международных экономических отношений развивающихся стран стоят задачи, качественно отличные от развитых стран. Речь идет о том, чтобы добиться кардинального изменения в структуре международного обмена товарами, услугами и капиталом. Зачастую простая координация экономической политики оказывается недостаточной, требуется ее дополнение совместным планированием, разработкой планов и т. д.

Общей трудностью, с которой столкнулись все буржуазные исследователи, явился недостаточный уровень развития интеграционных процессов развивающихся стран, их количественное в противоположность качественному развитие. Это дополнялось рядом специфических проблем, которые оказались поставленными перед отдельными буржуазными школами и направлениями.

Классические и неоклассические школы с их ориентацией на «свободную игру» рыночных сил никогда не имели успеха в объяснении важнейших явлений экономики развивающихся государств. Неофункционализм не имел почвы для распространения вследствие недостаточного уровня развития меж- и наднациональных органов; практически полное отсутствие интегрированного хозяйства в отношениях между развивающимися странами исключало применение методов структуралистов.

Наиболее приемлемой буржуазной школой оказалась неокейнсианская, пытающаяся разобраться в проблемах координации различных элементов внешней и внутренней экономической политики, вводя и исследуя понятие «позитивной интеграции».

В развивающихся странах осуществление внешнеторговой координации, как правило, дополняется мерами по регулированию производства, планированию развития отдельных отраслей.

Состоявшаяся в 1979 году сессия совета министров Экономического сообщества западноафриканских стран (ЭКОВАС) в Дакаре поставила задачу не только расширения торгового обмена за счет создания торгового союза, но и увеличения разработки программ регионального промышленного развития внутри экономического сообщества. Ряд аналогичных решений был принят на сессиях практически всех интеграционных группировок развивающихся стран. Анализ конкретных рекомендаций и практики деятельности интеграционных сообществ в области межгосударственной координации и попыток создания наднациональных органов явился основой работ некоторых буржуазных исследователей неокейнсианского направления.

Таковы, например, работы Т. Джаярамана²³ об экономической интеграции на индийском субконтиненте и Р. Лангхаммера²⁴ о региональной интеграции и кооперации развивающихся стран в Африке, а также ряд других.

В своем большинстве эти исследования содержат лишь перечисление этапов интеграционного развития или отдельных аспектов деятельности интеграционных сообществ в странах Азии, Африки и Латинской Америки без попыток осуществить определенные обобщения. Теоретической основой исследований являются общие неокейнсианские положения западноевропейских и североамериканских экономистов.

Одну из немногих попыток достичь более широких обобщений по вопросам наднационального регулирования с учетом особенностей развивающихся стран предпринял экономист М. Вьончек²⁵, который, анализируя специфику интеграционного процесса в развивающихся странах, пришел к выводу о необходимости создания мощного финансового центра в качестве неперемennого условия успешного развития.

Сравнивая особенности функционирования наднациональных органов в развитых и развивающихся странах, Вьончек подчеркивает, что в последнем случае от регулирования требуется большая гибкость и эффективность. Это связано с решением дополнительных задач, таких как обеспечение долгосрочных перспектив развития региона и стран-членов, достаточных темпов роста в долгосрочном плане, ликвидация различий между странами-участницами и активное участие стран в процессе индустриализации.

Решить эти задачи можно лишь при наличии наднациональных институтов, включающих следующие органы: ин-

ститут координации финансовой политики, региональный банк развития, институт координации региональных и внешних (в основном из развитых капиталистических стран) инвестиций, специальный фонд компенсации для наименее развитых стран.

Наднациональному регулированию и созданию наднациональных органов отдается предпочтение как более эффективному средству. Однако в случае невозможности осуществления этих мер приемлемой формой может стать региональная координация. Вьончек не согласен с тезисом «автоматического перелива» интеграционного процесса из одной отрасли в другую, полагая, что определяющим фактором, от которого зависит успех или неудача интеграционного процесса, является соотношение между отдельными группами населения интегрируемого района.

С последним тезисом трудно не согласиться, поскольку элемент субъективизма в решении интеграционных программ развивающихся стран исключительно велик. Отсутствие достаточной материально-производственной базы, обеспечивающей интеграционный процесс, приводит к крайней слабости, а в отдельных случаях и к прямому развалу создаваемых интеграционных группировок.

Еще один экономист, специализирующийся на разработке программ интеграционного развития развивающихся стран, эксперт Экономической и социальной комиссии ООН для стран Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) Х. Китамура, основываясь на неокейнсианских концепциях, определяет интеграцию как «процесс, при котором предпринимаются усилия создать желаемую институциональную основу для оптимизации экономической политики как единого целого»²⁶.

Оптимальным вариантом, утверждает Китамура, была бы интеграция на глобальном уровне. Однако в связи с трудностями ее осуществления более реальной является региональная координация между развивающимися странами, расположенными рядом территориально, то есть имеющими предпосылки для экономического объединения.

Обоснован вывод Китамуры о том, что для развивающихся стран достижение межгосударственной координации зачастую облегчается наличием государственных планов, охватывающих значительную часть национальной экономики. По мнению исследователя, «каждое правительство должно быть готово предоставить свои программы группе специалистов для общего анализа с целью проведения ко-

ординированных акций в соответствии с интересами всех стран»²⁷.

Политическая программа как одного, так и другого исследователя четко вырисовывается, когда оба автора переходят к позитивным рекомендациям.

Китамура в качестве примера рекомендует ориентироваться на использование опыта ОЭСР и ЕЭС. Пропагандируя опыт ОЭСР по координации экономической политики и деятельность ЕЭС по ликвидации таможенно-тарифных ограничений, он предлагает лишь несколько расширить права создаваемых межгосударственных органов.

Практически аналогичны рекомендации Вьончека, утверждающего, что идеалом для интеграционного развития развивающихся стран должен стать (с небольшими изменениями) опыт деятельности ЕЭС и ЕАСТ.

В работах М. Вьончека и Х. Китамуры не содержится анализ опыта создания меж- и наднациональных органов в рамках действующих интеграционных группировок развивающихся стран. Такое положение не случайно. Оно объясняется тем, что вплоть до настоящего времени межгосударственное регулирование и координация экономической политики развивающихся стран были развиты относительно слабо. Ни одна из существующих региональных группировок не играет ведущей роли в решении ключевых социально-экономических задач развивающихся государств.

В то же время экономисты неправомерно абсолютизируют опыт интеграционного развития развитых капиталистических стран. И дело заключается не только в объективных предпосылках, связанных с усилением наднационального элемента в интеграционных программах. Интеграция ведущих капиталистических государств представляет собой средство сохранения и усиления связей между существующими производственными структурами без их качественного изменения.

Развивающиеся страны рассматривают интеграцию как эффективное средство против экспансии монополистического капитала, как средство кардинальной ломки старых и создания на наднациональной основе новых производственных региональных структур.

Интеграция и связанное с ней межнациональное регулирование носят антиимпериалистический характер и как таковые являются составной частью борьбы за новый международный экономический порядок (НМЭП).

В последнее время некоторые вопросы наднационального регулирования начинают затрагиваться в связи с разработкой отдельных элементов стратегии «самообеспеченности», «коллективной опоры на собственные силы», выдвинутых экономистами развивающихся стран. В основном эти теоретики исходят из необходимости создания собственной независимой экономической системы в противовес программе включения стран в систему международного капиталистического разделения труда. Сама стратегия отличается крайней фрагментарностью и аморфностью. Это связано с тем, что ее выдвижение и разработка в основном проходили на V и VI сессиях Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Арушском совещании министров развивающихся стран в 1979 году и других международных форумах, где достижение единства развивающихся стран зачастую обеспечивалось за счет нарочито расплывчатых и неопределенных формулировок.

Одним из элементов этой программы является так называемый попроектный (целевой) подход к хозяйственному сотрудничеству. Суть его заключается в том, что, когда одна или несколько стран совместно участвуют в осуществлении отдельного проекта в промышленности или сельском хозяйстве, охватывающего территорию нескольких стран, рекомендуется создавать так называемые многонациональные предприятия. В определенной степени это предложение дополняет или заменяет программу региональной интеграции и привлекает те развивающиеся страны, которые считают, что региональная интеграция развивающихся стран ставит их в зависимое или невыгодное положение.

В соответствии с определением многонациональных предприятий, разработанным ЮНКТАД в рамках «Группы 77», к ним следует относить компании, отличающиеся многонациональностью капитала, коллективной формой правления и ориентированные на укрепление и развитие сотрудничества между развивающимися странами. Допускается участие как государственного, так и частного капитала²⁸.

Формально решения, затрагивающие интересы ряда государств, должны приниматься при участии нескольких заинтересованных сторон. Фактически, однако, единых правовых норм и положений относительно существования и деятельности этих компаний, унифицированных по всем развивающимся странам, не существует. В разных группировках и районах положение многонациональных пред-

приятий развивающихся стран неодинаково и цели, которые ставятся перед ними, далеко не однозначны.

Тезис попроектного подхода дополняется идеями экономистов развивающихся стран, видящих возможность развития частнокапиталистического предпринимательства в развивающихся странах на межгосударственной основе. Таковы, например, взгляды экономиста С. Абдаллы, предложившего программу создания и развития многонациональных предприятий развивающихся стран²⁹. По его мнению, развивающиеся страны должны стимулировать создание многонациональных компаний, деятельность которых подчиняется задачам развития коллективного сотрудничества между развивающимися странами. Автор подчеркивает, что для этих предприятий характерен многонациональный состав капитала, коллективная форма правления; действуют они на нескольких рынках стран-владельцев и совместно должны использовать рабочую силу, сырье и налоговые льготы развивающихся стран.

Как видно, программа попроектного подхода в изложении Абдаллы трансформировалась в программу создания и развития собственных международных монополий развивающихся стран. О наличии такой тенденции свидетельствует практика формирования местных многонациональных предприятий, использующих для целей экспансии вывоз капитала какой-либо одной из наиболее развитых в данном регионе стран. Особенно широкое распространение деятельность многонациональных предприятий получила в латиноамериканском регионе, характеризующемся относительно более высоким уровнем капиталистического развития. По состоянию на начало 80-х годов здесь создано более 200 компаний подобного рода³⁰.

В целом можно сказать, что предлагаемая идея есть не что иное, как модель развития местного или регионального капитализма на межнациональной основе. В дальнейшем в странах, развивающихся по капиталистическому пути, эти компании будут все больше приобретать черты, характерные для деятельности современных ТНК, осуществляющих внутрифирменное руководство хозяйственными связями в данном регионе на наднациональной основе.

Более широким подходом отличается программа известного исследователя С. Амина, выдвинувшего идею создания независимой экономической системы развивающихся стран в противовес их включению в систему международного капиталистического разделения труда³¹. В связи с этим наднациональности как средству объединения раз-

вивающихся стран отводится значительное место. В число наднациональных органов входят: наднациональный компенсационный механизм для передачи части доходов стран — экспортеров сырья и энергоресурсов странам — импортерам этих товаров; создание ТНК развивающихся стран на транспорте, в нефтехимической промышленности, банковском деле; создание фонда сотрудничества развивающихся государств за счет налогообложения богатых стран и ряд других органов.

Недостаток предложений Амина связан с невозможностью их практической реализации. В современных условиях полный отрыв экономического региона от мировых хозяйственных связей невозможен и вряд ли целесообразен. Другой вопрос заключается в том, на каких условиях и в каких формах могут и должны осуществляться эти контакты и связи.

* * *

Каждое из рассмотренных направлений, хотя и в искаженной форме, вносит свой вклад в исследование проблем наднациональности, как она понимается буржуазными исследователями. Неоклассики фактически были первыми, признавшими объективную необходимость вмешательства на наднациональном уровне для ликвидации национальных рамок и ограничений. Развивая этот тезис, группа неокейнсианцев проанализировала тенденцию активного и позитивного воздействия наднациональной власти на экономическую политику стран-членов. Абсолютизируя отдельные успехи координации внешнеторговой политики стран — членов ЕЭС, неофункционалисты попытались дать программу развития функций наднациональности, ее распространения на новые, в основном политические сферы. Несколько особняком стоят исследователи-структуралисты, связывающие наднациональность с деятельностью международных монополий, противопоставляющих себя национальному государству. Однако ни одно из направлений не стремилось решить задачу комплексно, исследуя наднациональность как явление в целом.

Между тем необходимость комплексного исследования вытекает не только из логики интернационализации мировых хозяйственных связей, но и осознается самими западными исследователями. Вот что пишет по этому поводу американский исследователь Г. Дрэкер: «Мы сознаем, что нуждаемся в новой экономической теории, которая сосре-

доточила бы свое внимание не столько на национальном, сколько на мировом хозяйстве. Это значит, что мы нуждаемся в теории, которая шла бы дальше кейнсианского восхваления национального правительства как всемогущего и всезнающего и которая рассматривала бы национальное хозяйство как часть более крупной мировой экономики»³².

Отсутствие единого концептуального подхода западных исследователей к вопросам создания наднациональных или межнациональных форм регулирования (несмотря на то что в настоящее время этот процесс развивается полным ходом) объясняется рядом обстоятельств. Прежде всего это связано с характерным для буржуазной науки стремлением отказаться от анализа глубинных сущностных проблем и заменить их исследованием чисто поверхностных внешних тенденций общественной жизни, давая им крайне схематичную оценку. Во всех случаях исследования не выходят за рамки абстрактных теоретических общих построений. Наднациональность рассматривается скорее как абстрактно сформулированная теоретическая задача, но не реальная программа развития.

На примере анализа концепций интеграции и связанных с ней проблем наднационального регулирования выявляются общие закономерности развития буржуазной экономической мысли, заключающиеся в отказе от исследования внутренних законов развития капитализма как экономической формации.

БЕЗУСПЕШНЫЕ ПОПЫТКИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ КООРДИНАЦИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТЫМИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

1. ГАТТ и ОЭСР в ТИСКАХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ТОРГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И КООРДИНАЦИИ

Далеко не случайно внешняя торговля становится в последнее время той формой международных экономических отношений, где борьба, а соответственно и дискуссии по вопросам нахождения адекватных форм глобального регулирования принимают особенно острый характер. Это связано с рядом объективных тенденций.

Как следствие общего кризиса капиталистической системы усиливаются кризисные явления в международной капиталистической торговле. Капиталистические страны все шире используют новые формы протекционистских мероприятий с целью защиты национальных рынков от проникновения иностранных конкурирующих фирм.

Однако буржуазные исследователи не связывают этот кризис с внутренними противоречиями капиталистического воспроизводства, а фиксируют внимание лишь на чисто внешних сторонах складывающейся ситуации: усиливающейся борьбе за рынки сбыта между отдельными центрами империалистического соперничества, растущей нехватке некоторых видов сырья на мировом капиталистическом рынке, появлении новых протекционистских мер, используемых отдельными странами, и т. д. Это способствовало росту внимания к глобальным международным организациям, регулирующим внешнюю торговлю развитых капиталистических стран, — Генеральному соглашению по тарифам и торговле и Организации экономического сотрудничества и развития — важнейшим органам, объединяющим практически все развитые капиталистические страны и специализирующимся в основном на решении внешне-торговых проблем именно этой группы государств. Все более широко начинают обсуждаться перспективы разви-

тия и потенциальные возможности этих международных организаций.

Особое место занимает Генеральное соглашение по тарифам и торговле, заключенное в 1947 году и предназначенное для регулирования внешней торговли прежде всего на основе таможенно-тарифных мероприятий. ГАТТ, как оно было задумано его создателями, исходило из необходимости отказа от всех форм внешнеторговых ограничений. Что касается таможенных тарифов — основного и важнейшего средства внешнеторговых ограничений в тот период, то их существование признавалось лишь как временная мера; в будущем они должны быть полностью уничтожены. Применение других форм ограничений внешней торговли (в основном речь шла о количественных ограничениях) допускалось лишь в крайнем случае. Идеалом ГАТТ являлось создание зоны свободной торговли, охватывающей все страны-участницы.

Конкретно положения и нормы ликвидации ограничений внешней торговли, как они были сформулированы в ГАТТ, отражали острую борьбу между капиталистическими странами — Соединенными Штатами, выступавшими за максимальное расширение свободной торговли, и западноевропейскими странами, прежде всего Англией и Францией, стремившимися обеспечить развитие подорванной в результате второй мировой войны промышленности и сохранить свои колониальные владения за счет различного рода изъятий и оговорок.

Так, например, ГАТТ запрещает дальнейшее повышение таможенных пошлин и ориентируется на их ликвидацию, что соответствует интересам США, стремящимся к расширению своей торговой экспансии в западноевропейские страны. Статья I (§ 1) Генерального соглашения формулирует этот тезис в виде режима наибольшего благоприятствования, предоставляемого взаимно друг другу всеми странами — участницами ГАТТ. В то же время текст содержит оговорку о праве сохранения в неизменном виде преференций между двумя или более территориями, которые на 1 июля 1939 г. объединялись под общим суверенитетом или отношениями протектората или сюзеренитета (ст. I, § 26). Это означает уступку требованиям Англии, заботившейся о сохранении своей имперской системы преференций, принятой перед второй мировой войной.

Аналогичным образом трактуются вопросы количественных ограничений, оказывавших значительное влияние на западноевропейскую внешнюю торговлю в середине 40—

50-х годов. Позиции западноевропейских стран, широко использовавших в тот период количественные ограничения в качестве защиты национальной экономики против наплыва американских товаров, противостояла позиция США, стремившихся изъять количественные ограничения из числа средств торгово-политического регулирования.

В ст. XI ГАТТ по настоянию США дан тезис о принципиальной неприемлемости использования количественных ограничений для целей внешнеторгового регулирования. В то же время в других статьях ГАТТ по настоянию Англии и других капиталистических стран было включено требование о допустимости введения ограничений в случае наличия у стран отрицательного сальдо торгового и платежного балансов.

Стремясь не допустить значительной дискриминации своих товаров, США внесли в ГАТТ принцип недискриминационного использования ограничений, то есть запрета на их применение-исключительно против какой-либо одной страны.

В частности, в одной из статей говорится о допустимости дискриминационного использования количественных ограничений в случае согласия МВФ. Это соответствовало интересам США, пытавшимся регулировать политику ГАТТ по линии МВФ, который находился под их контролем.

Таким образом, сформулированные в ГАТТ нормы и принципы внешнеторгового регулирования исходили из идеи отказа от таможенных пошлин и количественных ограничений, с которыми в тот период связывалась основная часть внешнеторгового регулирования. ГАТТ представляло собой попытку создания глобального органа, ставящего целью добиться претворения в жизнь программы негативной интеграции, как она виделась в тот период буржуазным исследователям — неоклассикам. Правила проведения консультаций с МВФ отражали противоречивые позиции США и их западноевропейских соперников, стремившихся огрaдить свои интересы.

Формально Генеральное соглашение — многосторонний договор, подписанный более чем ста странами. Однако в течение первых четырех раундов переговоры фактически велись на двусторонней основе: ведущие страны — производители и потребители товаров договаривались о взаимном снижении пошлин на производимые товары, а затем эти уступки на основе режима наибольшего благоприятствования распространялись на другие страны. Так, на-

пример, в течение семи месяцев проведения переговоров в рамках первого раунда в Женеве в 1947 году было заключено 123 двусторонних соглашения. Два года спустя, во время второго раунда переговоров, было заключено 146 двусторонних соглашений¹.

Это было практическое претворение идеи неоклассиков об использовании принципа сравнительных издержек производства. Считалось, что страна обладает сравнительными преимуществами в тех товарах, по которым она является основным экспортером на мировом капиталистическом рынке, а переговоры на двусторонней основе дают возможность наиболее полно реализовать эти преимущества.

В соответствии с теорией неоклассиков каждая страна, специализируясь на производстве товаров, по которым она обладает сравнительными преимуществами, должна иметь возможность их беспрепятственной продажи всем странам, у которых издержки производства этих товаров относительно выше. А таможенные пошлины мешают этой специализации и поэтому их надо ликвидировать.

Ликвидация таможенных пошлин как элемент доктрины неоклассиков имеет давнюю историю. Претворяя в жизнь неоклассическую программу о необходимости свободного передвижения «факторов производства», страны-метрополии, владевшие своими колониями еще в начале XX века, установили режим свободной торговли, обеспечивающий беспошлинное передвижение товаров: сырья и продовольствия из колоний и готовых промышленных изделий из метрополий. На практике это означало создание так называемых «свободных зон» в торговле между метрополиями и колониями, специализирующимися на поставках «наиболее выгодного» для них сырья в метрополию.

На этой основе, в частности, было создано Британское содружество наций, в котором английские колонии и доминионы, предоставив льготные таможенные пошлины на ввоз английских промышленных товаров, в свою очередь, получили таможенные уступки по товарам своей экспортной специализации, носящей аграрно-сырьевой характер. Такой же характер носили преференции, предоставляемые Францией своим колониям. Во всех случаях взаимность таможенных уступок касалась обмена товарами, относящимися к различным отраслям производства.

Аналогичные задачи, только в глобальном плане, преследовало ГАТТ. Однако развитие капиталистической торговли внесло значительные коррективы в практику деятельности Генерального соглашения. Это касалось прежде

бсего динамики и направления развития внешнегoрговых связей. Рост торговли между развитыми капиталистическими странами шел в основном на внутриотраслевой, а не на межотраслевой основе, что по положениям неокласической теории должно было бы следовать из неодинаковой наделенности стран различными «факторами производства». Особенно быстрыми темпами происходило развитие внутриотраслевого промышленного обмена между развитыми капиталистическими странами. Торговля товарами и изделиями, относящимися к однородной тарифной спецификации, развивалась быстрее торговли сырьем и продовольствием.

Внутрипроизводственная специализация, резкий рост внутрифирменной торговли, при которой монополии являются одновременно экспортерами и импортерами одних и тех же товаров, привели к тому, что страны оказались заинтересованными в снижении тарифов не только на те товары, по которым они являлись экспортерами, но и на импортируемые товары.

Преимущественное развитие внутриотраслевой торговли затруднило оценку индивидуальных выгод, которые получает каждая страна от снижения таможенных тарифов по отдельным позициям. Под сомнение был поставлен вопрос о «взаимности» торговых уступок. Первоначально ГАТТ пыталось выйти из положения за счет некоторой модификации методики переговоров по вопросам снижения пошлин.

В противоположность переговорам между двумя или несколькими странами — основными импортерами и экспортерами товаров новая методика предусматривала выдвижение каждой страной единого общего списка товаров, по которому предоставляются таможенно-тарифные уступки: сумма уступок по всей группе товаров (иногда насчитывающей сотни позиций) должна была быть приблизительно равной сумме получаемых выгод по аналогичному списку противоположной стороны. Однако использование нового метода носило ограниченный характер. Во время переговоров Кеннеди раунд (1964—1967 гг.) новая методика была принята лишь развитыми капиталистическими странами, товарооборот которых был представлен в основном промышленными товарами. Страны, менее развитые, не были готовы к такой системе.

Во время переговоров 1964—1967 годов страны — члены ГАТТ фактически разделились на несколько групп в зависимости от уровня экономического развития. Наиболее

развитые капиталистические страны, как, например, США, члены ЕЭС, Япония, Англия и большинство государств — членов ЕАСТ, вели переговоры на основе линейного подхода. Остальные, в подавляющем большинстве развивающиеся и менее развитые капиталистические страны получали таможенно-тарифные уступки в рамках двусторонней взаимности.

Трудности практического претворения в жизнь принципа «взаимности» торговых уступок возрастали по мере того, как предпринимались попытки перейти к регулированию более скрытых форм внешнеторгового протекционизма, воздействие которых на внешнюю торговлю носило опосредствованный характер. Это прежде всего касается различного рода налогов и внутренних сборов. ГАТТ, не запрещая их использование как таковых, заявляет, что они не должны применяться к импортированным или отечественным товарам таким образом, чтобы создавать защиту для внутреннего производства. Иначе говоря, ГАТТ, допуская налогообложение с целью достижения национального регулирования экономической деятельности, одновременно требует, чтобы это не нарушало свободу внешнеторговой конкуренции. Нерешенным, однако, оставался вопрос о том, каким образом выявлять наличие связи между целями национального регулирования и созданием внешнеторговых ограничений. Особенно серьезное положение создалось в Западной Европе, где применение мер косвенного налогообложения делало выявление этой связи крайне трудной, если не невозможной.

Многочисленные случаи использования западноевропейскими странами косвенных налогов для защиты национальной промышленности от воздействия экспортной экспансии американских монополий вызывали недовольство США. Необходимость в более радикальных изменениях ряда основополагающих принципов ГАТТ становилась все более очевидной.

Особенно напряженная обстановка сложилась в 70-х годах, что связано с изменениями экономической и политической обстановки в мире. Одновременно с обвинениями в протекционизме среди западных исследователей все громче раздавались голоса о необходимости более резкого и кардинального изменения характера и существа деятельности ГАТТ.

В 50-х годах регулирование внешней торговли осуществлялось в условиях гегемонии США на внешнеторговом рынке при относительно незначительном числе участвующих

щих в переговорах государств. В 60—70-х годах увеличение объема торговли развитых капиталистических стран шло одновременно с развитием центробежных тенденций, связанных с появлением новых мощных центров межимпериалистического соперничества в лице Японии и стран «Общего рынка», которые начинают все более активно вмешиваться в вопросы глобального регулирования внешней торговли.

Эту характерную особенность, выражающуюся в неравномерности развития капитализма, неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, который писал: «...Иначе как скачками, зигзагами, то быстро шагая вперед, то временно падая ниже прежнего уровня, *не может* развиваться капитализм»².

Оценивая тенденцию к неравномерности развития, советский экономист А. Н. Гончаров подчеркивает, что рост кризисных явлений в экономике капиталистических стран в 70-х годах заставляет развитые капиталистические государства «искать в международном плане компромиссы, направленные на усиление регулирующих стабилизационных начал, призванных обуздать определенными рамками стихию рыночных сил, не допускать усугубления диспропорций в сфере международного товарообмена»³.

Рост диспропорций во внешней торговле, сопровождающийся развитием взаимозависимости между капиталистическими странами, по-новому ставит ряд задач и перед межгосударственными организациями, призванными регулировать международные экономические отношения развитых капиталистических государств.

Необходимость перестройки системы регулирования международной капиталистической торговли открыто признается и специалистами развитых капиталистических стран. Как пишет по этому поводу американский экономист Х. Мальгрэм, «стремительные изменения в международных отношениях со времени окончания второй мировой войны не сопровождались соответствующими переменами в международной торговле и валютной системе... Нужно попытаться создать лучшую систему управления экономической взаимозависимостью»⁴.

Непосредственным поводом, стимулировавшим появление дискуссий по проблемам деятельности ГАТТ, явились события, связанные с сырьевым кризисом, особенно остро охватившим капиталистический мир в 1973—1975 годах. Поэтому не случайно, что именно 70-е годы характеризуются резким увеличением числа исследований, критически

анализирующих деятельность ГАТТ. Рекомендации по корректировке его деятельности начинают разрабатываться как официальными организациями, действующими в рамках специально создаваемых комитетов и комиссий, так и формально независимыми экспертами и специалистами.

Среди многочисленных рекомендаций по изменению норм межнационального регулирования следует остановиться на получивших широкую известность работах американского исследователя Б. Балаша, предложившего расширить сферу деятельности ГАТТ.

Оценка его взглядов важна также для понимания эволюции неоклассической школы по мере перехода ее представителей к практическим рекомендациям. Формально принадлежа к группе неоклассиков, то есть сторонников полного отказа от всех форм государственного вмешательства в сферу конкурентной борьбы, Балаша предложил «заморозить государственные меры по расширению субсидий, как это сделано в отношении тарифов в ГАТТ»⁵. Автор полагает, что это может быть сделано путем расширенного толкования ряда положений ГАТТ или изменения существующих норм и правил деятельности соглашения.

Обосновывая необходимость проведения в жизнь своих рекомендаций, Балаша критически анализирует опыт 70-х годов, когда правительства развитых капиталистических стран, стимулируя развитие национальной промышленности, прибегали к различным формам государственного регулирования экономики.

Однако при этом автор противопоставляет западноевропейские страны США. Если в Соединенных Штатах, утверждает Балаша, применение такого рода политики ограничено законом, то в Европе 70-х годов наблюдается расцвет протекционизма, принимающего самый разнообразный характер. Сюда включаются, например, выдача дополнительных денежных сумм рабочим, получающим меньшую заработную плату в связи с неполным рабочим днем, государственных субсидий отдельным «наиболее пострадавшим» от иностранной конкуренции отраслям промышленности (в частности, сталелитейной, автомобильной, часовой, деревообрабатывающей), а также ряд других мероприятий.

На первый взгляд эта позиция автора может показаться последовательным проведением идей неолибералов о недопущении распространения государственного регулирования. В действительности за этим кроется попытка навязать западноевропейским странам выгодную для США

программу так называемого свободного предпринимательства.

История развития государственного регулирования в Западной Европе показывает, что в своем большинстве эти меры носили характер защитной реакции от наступления американских монополий, обладающих преимуществами в финансовом и организационном отношении.

Особое распространение государственное субсидирование производства с целью противостоять американской конкуренции получило в новейших отраслях, например в электронной промышленности. В середине 60-х годов правительство Великобритании выделяло фирмам, производящим ЭВМ, субсидии в размере 25 млн. ф. ст. ежегодно.

В середине 70-х годов правительство Франции выплачивало французским фирмам, занятым производством ЭВМ, 1,2 млрд. франков. В настоящее время французское правительство финансирует более 60% расходов частных фирм и организаций на исследования в области электроники. Это вызвало естественное недовольство американских международных монополий, которые, обладая значительными собственными финансовыми возможностями, использовали государственное субсидирование в гораздо меньшей степени.

Фактически предложения Балаша ставят задачу ограничить государственную поддержку национальной промышленности западноевропейских стран, ведущей конкурентную борьбу с американскими монополиями.

Своеобразную попытку разработать программу негативного регулирования нетарифных барьеров в соответствии с канонами неоклассиков предпринял американский экономист Дж. Фекетикути⁶.

Сложность ограничения нетарифных барьеров, с которой столкнулось ГАТТ, заключалась в том, что эти барьеры представляли собой различные виды национального регулирования, включавшие такие формы, как стандарты, технические условия, санитарно-ветеринарные правила, правила оформления товаросопроводительных документов, правила техники безопасности, систему налогообложения и т. д. Разнообразие и разнородность нетарифных барьеров затрудняли оценку и разработку унифицированных норм регулирования.

Учитывая наличие значительных трудностей, связанных с качественной разнородностью и разнообразием нетарифных барьеров, автор разработал целую систему мер, обеспечивающих уменьшение влияния средств нетарифного

протекционизма на внешнюю торговлю. Схема, предложенная им, состоит из нескольких уровней, или этапов.

На первом этапе предлагается разработать ряд основополагающих принципов, регулирующих использование нетарифных барьеров. Опыт прошлого свидетельствует об ограниченных возможностях такого подхода. Однако Фекетикути считает, что разработка базисных положений необходима при создании основы для последующего сравнительного анализа.

На втором этапе проводится оценка возможностей того, «как конкретные законы, нормы и административные правила могут быть изменены с целью минимизации их дискриминационного воздействия на внешнюю торговлю»⁷.

Наконец, последняя ступень связана с подготовкой норм и правил обмена информацией, касающейся нетарифных ограничений и их использования.

Фекетикути не ставит задачу добиться активного контроля за использованием нетарифных барьеров. Даже на последнем, заключительном этапе предложения Фекетикути не предусматривают отказа от применения нетарифных норм; в лучшем случае речь идет об их координации и унификации в требуемом направлении. Либерализация обмена информацией — центральный элемент программы, — хотя она и включает определенные элементы координации и регулирования на международном уровне, близка программам неоклассиков.

Анализ положений экономистов-неоклассиков показывает, что в своих практических рекомендациях эта группа исследователей становится в ряды защитников наиболее крупных международных монополий, стремящихся к созданию «свободного» мирового капиталистического рынка с неограниченной экспансией в рамках свободной торговли. Практические рекомендации сторонников свободной торговли, будучи перенесены в сферу государственного регулирования мер скрытого протекционизма, по существу мало чем отличаются от позитивистских рекомендаций неокейнсианцев.

Исследователи неокейнсианского направления, признавая целесообразность и важность всех мер, предлагаемых сторонниками неоклассической школы, одновременно дополняют их программами активного воздействия и регулирования на межгосударственном уровне.

Четко выраженный характер позитивного регулирования носят рекомендации американского экономиста неокейнсианского направления С. Бергштейна, разработавше-

го широкую программу расширения прав ГАТТ, усиления активных форм его воздействия на международные экономические отношения⁸.

Основным элементом нового расширения функций соглашения должно стать право контроля над экспортным регулированием, в том числе над такими его формами, как «добровольные ограничения экспорта», запреты на экспорт сырья и т. д.

ГАТТ создавалось для защиты интересов производителей и было направлено прежде всего на разработку норм, регулирующих условия импорта. Сейчас, утверждает Бергштейн, не менее важной задачей становится доступ к источникам сырья. Он предлагает модифицировать деятельность ГАТТ и ввести новые формы контроля над экспортом, а также подписать специальное международное соглашение, которого будут придерживаться все страны. Соглашение должно охватывать весь экспорт и регулировать права и обязанности производителей. Одновременно необходимо разработать международные нормы, гарантирующие поставки конкретных товаров, и расширить использование долгосрочных контрактов на поставку сырья.

Как видно, программа Бергштейна ставит задачу обеспечить международным монополиям (прежде всего американским) доступ к сырью развивающихся стран, именуемому в работе абстрактным понятием «источники поставок». Гарантирование доступа монополий к сырью рассматривается как одна из важнейших целей ГАТТ. Интересно, что в качестве последнего этапа развития ГАТТ Бергштейн предлагает создать орган, обладающий некоторыми, хотя и недостаточно четко определенными наднациональными функциями — международное агентство.

Непосредственным поводом для выдвижения идеи международного агентства послужило резкое повышение в начале 70-х годов цен на нефть и установление арабскими странами нефтяного эмбарго в отношении развитых капиталистических стран, прежде всего США.

Оценивая предложение Бергштейна, следует заметить, что традиционно экспортное регулирование и использование метода количественных ограничений экспорта по своей природе носят политический характер. Такие цели, например, ставили капиталистические страны — члены антигитлеровской коалиции перед второй мировой войной, ограничивая экспорт цветных металлов в Германию.

Политических задач добивались и нефтеэкспортирующие страны, вводя количественные ограничения на постав-

ку нефти в Западную Европу и США в начале 70-х годов. Аналогичным образом четко выраженный политический характер носят и дискриминационные меры развитых капиталистических стран в отношении социалистических государств.

Незначительное внимание, уделяемое ГАТТ вопросам количественного ограничения экспорта, было связано также и с тем, что первоначально соглашение создавалось как орган торгового регулирования, а не политического давления.

Претворение в жизнь предложений Бергштейна означало бы политизацию ГАТТ, смыкание экономических и политических аспектов в его деятельности и использование межстрановой координации для ограничения суверенитета стран над своими национальными ресурсами в пользу межнациональных органов.

Не случайно во время переговоров Токио раунд аналогичные предложения встретили резкую оппозицию ряда стран, особенно развивающихся, и были отклонены.

Позитивистскими идеями использования координационных функций ГАТТ для защиты национальной промышленности от иностранной конкуренции проникнуты рекомендации англо-американского комитета, подготовленные к началу 70-х годов. Группа, включавшая ряд практических работников, возглавлялась Ж. Реем (бывшим председателем Комиссии ЕЭС)⁹.

Рассматривая расширение ГАТТ в качестве важнейшего элемента будущей программы регулирования международных экономических отношений капиталистических стран, авторы предусматривают ряд мер по усилению его институциональной структуры. Специфика подхода комитета заключается в стремлении связать расширение функций ГАТТ с аналогичными изменениями других организаций, регулирующих международные экономические отношения капиталистических стран: Международным валютным фондом, Организацией экономического сотрудничества и развития, Конференцией ООН по торговле и развитию. В число предложений авторов входит программа создания специального совета экспертов, включающего представителей стран-членов. Задача совета — добиваться большей гибкости в функционировании ГАТТ, усилить его организационные основы, расширить связи с другими межнациональными органами. Программа по своему содержанию близка к идеям неофункционалистов, предусматривавших эффект «спил-овер», то есть перенесения деятель-

ности уже действующих органов в новые сферы международных экономических отношений.

Указанные рекомендации, хотя и в несколько видоизмененной форме, нашли свое отражение в переговорах Токио раунд, продолжавшихся с 1973 по 1979 год. Отличительной чертой Токио раунд явилось усиление внимания к регулированию нетарифных барьеров — мер скрытого протекционизма, относящихся к сфере внутренней национальной экономической политики, оказывающей влияние на конкурентоспособность национальных товаров на внешних рынках. Центр переговоров при этом неизбежно сместился в сторону координации различных аспектов экономической политики стран-участниц. Речь шла о так называемом позитивном регулировании (на основе международных соглашений), как оно понималось теоретиками неокейнсианства.

Попытки рассмотреть некоторые вопросы национального регулирования производства в связи с их влиянием на внешнюю торговлю появились еще во время переговоров Кеннеди раунд. По ряду товаров, охватывающих около 30% объема внешней торговли развитых капиталистических стран, переговоры велись в рамках комиссий, организованных по отраслевому принципу. Дискуссии касались таможенного налогообложения, но охватывали также и проблемы производственной структуры, стимулирования национального производства и потребления отдельных отраслей.

Во время переговоров Токио раунд вопросы регулирования деятельности государства, традиционно относящиеся к сфере национальной экономической политики, встали со всей остротой. Это было связано с переходом к регулированию нетарифных барьеров.

Нетарифные барьеры включают широкий круг инструментов современной торговой и экономической политики буржуазного государства. Их можно подразделить на ряд категорий.

К первой категории относятся торгово-политические меры, применение которых направлено на прямое ограничение импорта с целью защиты отраслей местной промышленности. Это количественные ограничения, лицензирование импорта, система государственных закупок, антидемпинговые и компенсационные пошлины и ряд других мероприятий.

Ко второй категории принадлежат меры, непосредственно не связанные с торговой политикой и относящиеся

к внутренним административным формальностям, но которые воздействуют на торговлю (таможенные формальности, технические стандарты и т. д.).

К третьей категории относятся меры, не направленные непосредственно на ограничение импорта, но действие которых зачастую ведет именно к этому (внутренняя региональная политика, меры по выравниванию платежного баланса и т. д.).

Как показывает практика переговоров в рамках ГАТТ по нетарифным барьерам, соглашение развивается, с одной стороны, по пути включения в сферу его деятельности новых, ранее не охватываемых вопросов и областей, а с другой стороны, активизируются гибкость и избирательность в его деятельности.

В качестве примера расширения деятельности ГАТТ могут служить положения соглашения о государственных закупках. С января 1981 года при заключении государственных контрактов правительства стран, его подписавшие, формально обязаны обеспечивать равное отношение как к национальным, так и иностранным поставщикам товаров. Общая сумма государственных закупок, ежегодно охватываемых этим соглашением, как предполагается, должна составить 35 млрд. долл.¹⁰ Соглашение об антидемпинговых пошлинах, принятое на сессии ГАТТ в Токио, допускает применение этих пошлин исключительно в случаях нанесения ущерба национальной промышленности. США, например, вынуждены были внести изменение в свое законодательство, которое ранее допускало введение антидемпинговых пошлин в случае простого подтверждения факта выдачи субсидий.

О расширении сферы влияния ГАТТ на отдельные отрасли сельскохозяйственного производства говорит принятие международных договоренностей по говядине и молочным продуктам.

В ряде случаев более четкой и однозначной является тенденция к активному позитивному воздействию ГАТТ на использование нетарифных барьеров в противоположность программе отказа от их применения.

Соглашение по техническим барьерам в торговле и соглашение по торговле гражданской авиатехникой рекомендуют странам-участницам при пересмотре технических норм и стандартов ориентироваться на международные рекомендации.

Расширение сферы деятельности и активизация форм контроля развиваются одновременно с усилением и укреп-

лением организационной структуры ГАТТ. На базе заключенных соглашений были созданы комитеты, которые стали основным и пока единственным форумом по интерпретации правил соглашений и конкретизации программ, намеченных в соглашениях.

Однако попытки ГАТТ каким-то образом упорядочить растущую волну протекционистских мероприятий не приводят к желаемому результату. По оценкам западных экономистов, в настоящее время разными мерами контроля охвачено около половины мировой капиталистической торговли.

В Соединенных Штатах, заявляющих о своей приверженности принципам свободной торговли, ширится движение с целью принятия протекционистских мер. На рассмотрение конгресса вынесен ряд законопроектов, предусматривающих ограничение иностранной конкуренции. Таков, например, законопроект, требующий от иностранных производителей использовать при сборке экспортируемых в США автомобилей американские узлы и детали.

Дискриминационный характер носит принятое недавно решение Франции о переносе пункта таможенной очистки японских видеомагнитофонов из крупных портов в таможенную. Это неизбежно вызовет значительную задержку таможенных процедур. Аналогичным является решение Франции о необходимости перевода транспортных документов на французский язык.

Соглашения об «упорядочении торговли», о «добровольном ограничении экспорта», навязываемые под угрозой введения более жестких ограничительных мер, привели, например, к сокращению поставок автомобилей из Японии в США, Канаду, ФРГ, Бельгию. Аналогичные соглашения регулируют импорт обуви, говядины, сахара.

О тех трудностях, с которыми столкнулись развитые капиталистические страны, претворяя в жизнь рекомендации и решения Токио раунд, свидетельствуют результаты закончившейся в ноябре 1982 года 38-й сессии Генерального соглашения по тарифам и торговле на уровне министров экономики и внешней торговли.

Потерпела крах программа американской делегации, направленная на дальнейшее расширение сферы охвата ГАТТ, усиление его организационных основ. Большинство членов ГАТТ отказалось от американского предложения о начале после завершения сессии нового раунда многосторонних переговоров по либерализации сферы услуг (транспортные операции, страхование, банковские опера-

ций, строительство), а также в области правил торговли товарами «высокой технологии», инвестиционной политики. ЕЭС категорически отказалось обсуждать свою практику субсидирования экспорта сельскохозяйственных товаров. Не было поддержано американское предложение о «процедурном» изменении порядка принятия решений в рамках ГАТТ путем замены или совершенствования принципа единогласия.

Кризисные условия и острые противоречия поставили под угрозу основы всей системы регулирования внешней торговли. Как отмечала лондонская «Таймс», по общему мнению, на сессии не был решен ни один спорный вопрос, волнующий сегодня ведущих торговых партнеров.

Еще одной межгосударственной организацией, деятельность которой носит глобальный характер, является Организация экономического сотрудничества и развития. Ее предшественница Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) была создана в 1948 году, то есть почти одновременно с ГАТТ, и включала развитые капиталистические страны Европы. Впоследствии, после вступления в нее США, Канады, а в 1964 году и Японии, произошло расширение деятельности этой организации, выход ее за региональные рамки и превращение в глобальную организацию развитых капиталистических стран. В отличие от ГАТТ, специализирующегося исключительно в области внешней торговли, сфера деятельности ОЭСР гораздо шире и охватывает регулирование научной и технической политики, охрану окружающей среды, передачу технологии и ряд других вопросов. Как это сформулировано в ст. I договора о создании ОЭСР, ее задача состоит в обеспечении стабильности и экономического роста и развитии торговли на недискриминационной основе.

Направления деятельности ОЭСР были аналогичны ГАТТ, однако основное внимание первоначально уделялось ликвидации количественных ограничений во внешней торговле. В 1949 году по решению совета ОЕЭС были отменены количественные ограничения на 50% импорта, а в 1960 году уровень либерализации достиг 90%. Осуществление программы ликвидации количественных ограничений контролировалось специальным органом — руководящим советом по торговле. Иначе говоря, идея негативной интеграции, то есть ликвидация приграничных барьеров, в глобальном масштабе (между развитыми капиталистическими странами) осуществлялась ОЕЭС, а впоследствии и ОЭСР — как бы в дополнение к деятельности ГАТТ.

В начале 70-х годов изменения в направлении, структуре и характере внешней торговли оказали влияние и на ОЭСР, поставив перед ней ряд новых проблем и задач. С этим связана разработка ряда рекомендаций по модификации деятельности организации. В отличие от ГАТТ, явившегося объектом ожесточенных дискуссий, деятельность ОЭСР вызвала меньшее количество комментариев, что в значительной степени объясняется ее ориентацией исключительно на потребности развитых капиталистических государств, более узким составом участников.

Вопросы реорганизации ОЭСР обсуждались главным образом специалистами-практиками, лицами, имевшими опыт работы в аналогичных органах «Общего рынка». В качестве примера нового подхода к деятельности ОЭСР можно остановиться на предложениях, подготовленных специальным уже упоминавшимся нами англо-американским координационным комитетом.

В целом исследователи дают позитивную оценку деятельности ОЭСР. Хотя члены этой организации и не имеют жестко фиксированных обязательств по отношению друг к другу, именно эта свобода обеспечивает возможность гибко реагировать на изменяющуюся обстановку и принимать требуемые решения. В то же время, признают авторы, в последнее время эффективность деятельности ОЭСР уменьшилась.

По мнению исследователей, недостатки регулирования внешней торговли связаны не столько с отсутствием соответствующих международных норм и правил, сколько с трудностями их применения в изменившейся обстановке. Создание региональных интеграционных группировок типа ЕЭС и ЕАСТ и льготы, предоставляемые ими ассоциированным странам, затрудняют использование режима наибольшего благоприятствования, либерализацию.

Общее направление рекомендаций англо-американского комитета сводится к тому, что «координация экономической политики, связанной с торговлей, является решающим и определяющим элементом той либерализации, которая может быть достигнута»¹¹.

Расширение торговой координации должно осуществляться в рамках усиления взаимосвязи между торговлей и сотрудничеством с целью интеграции торговой политики с более общими вопросами международных экономических отношений. Именно в этом плане намечается реорганизация институционального механизма ОЭСР. Так, например, предполагается расширить координационные функции ис-

полнительного комитета и совета ОЭСР, ввести практику создания рабочих групп для разработки важнейших экономических и политических проблем, сформировать своего рода наднациональную координационную группу на высшем уровне для предварительной разработки координационных программ в области политики и сотрудничества. Правда, некоторые члены комитета не поддержали последнее предложение, справедливо указав, что создание такого органа неизбежно приведет к ущемлению интересов малых стран.

Общее направление рекомендаций англо-американского комитета — распространение деятельности ОЭСР как координационного центра в области внешней торговли на другие, смежные с внешней торговлей сферы (национальную экономическую политику, деятельность монополий, экспорт капитала и т. д.) перекликается с рекомендациями функционалистов. Как известно, последние широко оперировали понятием «спил-овер», что означало эффект перелива интеграционных мероприятий из одних отраслей экономики в другие.

Такой же подход характерен и для рекомендаций, затрагивающих организационные аспекты деятельности ОЭСР. Так, например, предлагается реорганизовать работу торгового комитета ОЭСР с учетом глобальных проблем международных экономических отношений.

Несмотря на большое число рекомендаций англо-американского комитета, подавляющая их часть не была выполнена. Исключение составили декларация о торговле, где содержалось общее обязательство не прибегать к протекционистским мерам, и соглашение об экспортных кредитах. В соответствии с кредитным соглашением все страны-участницы обязались предоставлять друг другу информацию об условиях экспортных кредитов. Кроме того, устанавливается процедура предварительных консультаций, касающихся обмена информацией, в случае если какая-либо страна пожелает изменить эти условия.

В последующем деятельность ОЭСР развивалась в основном по пути подтверждения обязательств не применять внешнеторговые ограничения, в частности экспортные субсидии, количественные ограничения импорта и др.

В 1975 году после ожесточенных дискуссий на совещании ОЭСР была принята программа либерализации, где в крайне общей форме излагались обязательства развитых стран не принимать односторонних мер по ограничению импорта, воздерживаться от искусственного стимулирова-

ния импорта и т. д. Эта декларация, получившая название «кодекс учтвого поведения», продолжала действовать вплоть до конца 70-х годов. Иначе говоря, деятельность ОЭСР в середине 70-х годов была ориентирована не столько на расширение сферы ее деятельности, координацию экономической политики, сколько на недопущение введения дальнейших внешнеторговых ограничений.

Несмотря на некоторые определенные различия в характере ГАТТ и ОЭСР как глобальных организаций, ряд общих проблем в их деятельности вырисовывается со всей очевидностью.

Относительных успехов ГАТТ и ОЭСР достигли лишь в ликвидации препятствий, ограничивающих внешнюю торговлю (пошлин, количественных ограничений). Переход же к попыткам активного позитивного воздействия на внешнюю торговлю, разработка программ взаимоувязки вопросов национальной экономической политики привели к новым всплескам межимпериалистических противоречий.

Отражением сложившейся ситуации явилось обострение дискуссий по вопросам деятельности межгосударственных организаций, что особенно четко проявилось в 70-х годах.

Обсуждение вопросов регулирования мер так называемого скрытого протекционизма, представляющих область, традиционно относящуюся к вопросам внутриэкономической политики, приводит к изменениям позиций представителей отдельных групп и направлений. Различие между неокейнспанским и неолиберальным направлениями значительно сокращается, поскольку на повестку дня ставятся вопросы координации или позитивной интеграции мер национальной экономической политики. Предпринимаются, в частности, попытки разработать широкие теоретические обобщения, связывая необходимость активного регулирования национальной экономической политики с внешней торговлей. Крайне условным становится выделение в специальную группу функционалистов — практических работников международных органов, выступающих за перелив интеграционных процессов в новые сферы.

Таким образом, переориентация деятельности глобальных организаций на новые проблемы не только не означает ликвидацию межимпериалистических противоречий, но переносит их в новые сферы и ведет соответственно к дальнейшему обострению межимпериалистической борьбы.

В конце 70-х годов буржуазные исследователи начинают широко обсуждать теорию «организованной свободной

торговли», рассматривающую регулирование национального производства в качестве важнейшего условия внешне-торгового обмена.

Впервые она была выдвинута на совещании глав правительств семи ведущих капиталистических стран в Лондоне президентом Франции в мае 1977 года. Впоследствии в интервью высокопоставленного французского чиновника американской газете «Джорнэл оф коммерс» идея получила дальнейшее толкование¹².

Как следует из разъяснений французских представителей, идея «организованной свободной торговли» предусматривает проведение двух взаимосвязанных групп или серий мероприятий. На национальном уровне сюда входят мероприятия, направленные на регулирование производства, что должно оказать влияние и на экспорт соответствующих отраслей. Сюда относятся меры по структурной перестройке, финансированию производства отдельных отраслей. Доктрина предусматривает более строгое соблюдение торговой дисциплины и выполнение обязательств, взятых капиталистическими странами.

На межнациональном уровне страны, ликвидировав или максимально снизив ограничительные средства типа пошлин и количественных ограничений, заменяют их серией координационных действий в области международного распределения произведенной продукции. Сюда относятся, например, координация инвестиционной деятельности в отраслях, традиционно испытывающих кризис перепроизводства (как, например, производство стали и судостроение); осуществление на многосторонней основе контроля за структурными изменениями в производстве стран-членов.

Важным элементом доктрины являются международные соглашения об ограничении экспорта. Контроль за претворением в жизнь соглашений по организации торговли на глобальном уровне должен был осуществляться прежде всего по линии ГАТТ и ОЭСР. При этом предполагалось модифицировать такие международные нормы, как принцип взаимности, недискриминации, то есть основы, на которых до самого последнего времени строилась деятельность этих межгосударственных организаций. Предусматривается также создание международных органов, которые будут следить за преодолением разногласий.

Несмотря на критическое отношение некоторых идеологов свободной торговли, на практике идея «организованной свободной торговли» получила свое конкретное претво-

рение в жизнь в ряде соглашений как двустороннего, так и многостороннего характера. Разумеется, далеко не всегда это регулирование осуществлялось в рамках собственно международных организаций типа ГАТТ или ОЭСР. В ряде случаев имели место межправительственные переговоры между отдельными странами.

Например, по инициативе Франции был заключен ряд двусторонних межправительственных соглашений. Более 20 стран (включая США, Японию, страны ЕАСТ и ЕЭС) пошли на заключение подобных соглашений по черным металлам. Кроме того, была достигнута договоренность о разделе рынка судов между странами Западной Европы, рынка стали между США, ЕЭС, Японией. Во всех случаях непосредственными участниками соглашения стали развитые капиталистические страны Запада.

В какой-то степени эти соглашения на определенных этапах могут уменьшить остроту межимпериалистических противоречий. Однако практика развития капиталистической конкуренции показывает всю бесперспективность подобных надежд.

Об ограниченных возможностях этих соглашений свидетельствуют результаты реализации соглашения по текстилю, которое обычно приводят в качестве примера практического претворения в жизнь «организованной свободной торговли». Как известно, в соответствии с этим соглашением были введены квоты на импорт и одновременно расширены инвестиционные субсидии в текстильную промышленность развитых капиталистических стран. В конце 1982 года специальная комиссия проверила проведение его в жизнь. О результатах проверки свидетельствовали красноречивые признания, сделанные в подготовленном докладе, где констатировалось, что взаимосвязь между торговлей и промышленной политикой не носила позитивного характера. Странам — участницам соглашения не удалось решить задачу модернизации и рационализации производства; нерешенными оказались также и вопросы безработицы в текстильной промышленности¹³.

Не случайно руководитель сектора торговли Международного валютного фонда, оценивая перспективы претворения в жизнь этой доктрины, высказывает следующую точку зрения: «Сомнительным является тезис, что всеохватывающие международные соглашения смогут обеспечить соответствующим образом требуемые изменения, связанные со сравнительными преимуществами, технологическими изменениями, появлением новых поставщиков и вооб-

ше возникновением многих непредсказуемых факторов»¹⁴.

Разбор концепций, так же как и практики развития основных межнациональных органов, осуществляющих регулирование внешней торговли, не оставляет сомнений, что буржуазные исследователи стремятся подновить или несколько модифицировать идеи и практику внешнеэкономического регулирования 40—50-х годов, оставив без изменения их основную суть: обеспечение преимущественных льгот наиболее развитым капиталистическим странам и крупнейшим частнокапиталистическим фирмам. Требования гарантированного доступа к источникам сырья дополняется идеей о необходимости официального признания новых форм монополистического раздела внешнеэкономических рынков, их регулирования на межнациональной основе.

В связи с этим прогнозируется расширение сферы деятельности и усиление институциональных форм ГАТТ и ОЭСР.

Необходимость в расширении координационных межгосударственных организаций и соглашений в условиях роста доли и значения внешней торговли в экономике капиталистических государств несомненна. Однако решающим при этом является вопрос о том, на каких условиях, в соответствии с какими нормами и принципами будет осуществляться эта деятельность. Важно, чтобы многостороннее регулирование внешней торговли было справедливым и строилось на демократических принципах. Именно против такого подхода, как показывает проведенный анализ, направлены теоретические разработки буржуазных экономистов и практика развития международных регулирующих органов, заинтересованных в обеспечении односторонних преимуществ развитых капиталистических стран.

2. МВФ — НЕУДАЧИ ПОПЫТОК ПЕРЕХОДА К МЕЖДУНАРОДНОМУ ВАЛЮТНОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ

Начало второго этапа общего кризиса капитализма ознаменовалось дальнейшим осложнением положения в области государственных финансов, денежного обращения, кредита. Наличие хронических дефицитов государственных бюджетов, рост государственного долга, обесценение денежных единиц капиталистических стран поставили на повестку дня вопрос о разработке новой формы регулирования международных валютно-кредитных отношений.

По мнению западных экспертов, такого рода урегулирование должно было осуществляться, во-первых, в рам-

ках многосторонних соглашений между странами и, во-вторых, при непосредственном участии международных финансовых организаций, контролирующих выполнение разработанных соглашений.

Вопрос создания международной организации, ответственной за регулирование международных валютно-кредитных отношений развитых капиталистических стран, явился предметом острой дискуссии уже в 40-х годах. Обсуждению подверглись проекты международного стабилизационного фонда, выработанного М. Уайтом — директором отдела валютных исследований министерства финансов США — и опубликованного в апреле 1943 года¹⁵, и международного клирингового союза, подготовленного Дж. М. Кейнсом¹⁶ и опубликованного в английской печати одновременно с американским проектом.

Программа Кейнса рассматривала проектируемый клиринговый союз как «ось будущего экономического управления миром». В крайне обобщенной форме рассматривались вопросы создания организаций по регулированию товарных запасов, международного перемещения капитала. Предполагалось даже создать международную политическую организацию, которая могла бы использоваться для осуществления финансовой блокады стран, нарушающих «международный порядок».

Теоретической основой разработок Кейнса явилась смесь количественной и номиналистской теорий денег. Программа Кейнса была направлена прежде всего на регулирование платежного баланса. Страны с пассивным сальдо платежного баланса получают кредит у стран с активным сальдо для расширения импорта. Международный банк осуществляет кредитование центральных банков государств-членов путем открытия специальных счетов.

Клиринговый союз в определенной степени напоминает банк, где неиспользованная покупательная способность одних используется другими. Стоимость предлагаемой международной расчетной единицы — банкора хотя и фиксировалась в золоте, фактически должен был осуществляться лишь золотодевизный стандарт, то есть односторонняя обратимость. Страны-члены могли купить банкоры на золото, но обратную операцию произвести не могли. В принципе банкор, как он был задуман автором, представлял собой расчетные деньги, которые фигурировали лишь в книгах клирингового союза.

Американский проект Уайта представлял пример конкретного воплощения неоклассических концепций стабили-

зационного равновесия в рамках механизма валютного регулирования платежных балансов. Обладая примерно 70% мирового запаса золота, США стремились использовать его не только в качестве богатства, но и как основу власти над другими странами.

Денежной единицей новой организации должен был стать юнитас. Все расчеты фонда предполагалось производить в юнитасах; эта же единица фигурировала в денежных отчетах фонда. Капитал фонда должен был создаваться из взносов стран-членов, в том числе включая золото.

Таким образом, кредиты (в отличие от английской программы) имели под собой солидное золотое обеспечение, а национальные валюты в пределах фонда оказывались привязанными к золоту и частично обратимы в него.

В отличие от английского плана в программе Уайта важное место отводилось идее свободного передвижения финансовых средств. Соответственно предусматривалась ликвидация всех форм клиринговых соглашений, валютных ограничений, которые нарушали естественный перелив финансовых ресурсов.

При сравнении обоих планов выявляются прежде всего общие цели. Оба плана официально ставили одну и ту же задачу — расширение международных экономических отношений на многосторонней основе посредством стабилизации валют. В то же время методы и средства достижения этой задачи были принципиально различны.

Американский план целиком и полностью базировался на количественной теории денег, по которой стабильность юнитаса достигается тем, что объем операций фонда в конечном счете лимитируется массой золота, имеющегося в фонде, а стабильность валют связана с частичной обратимостью в золото. В английском плане стоимость банкора определялась соглашением, хотя для стабильности банкора его эмиссия должна была быть ограничена.

Применение различных теоретических концепций было связано с особенностями экономического положения двух стран. Американский капитализм видел для себя перспективы экспансии прежде всего в рамках ликвидации всех ограничений, существующих в валютной области. Основой этой ликвидации должна была стать привязка валюты к золоту, подавляющая часть которого находилась в то время в США. Ограничения государственного регулирования виделись в тот период американским монополиям как досадное препятствие на пути экспорта частного капитала,

мощь которого была неизмеримо выше возможностей европейских частных фирм. Все, что ограничивало и затрудняло экспорт капитала — валютные зоны, множественность курсов, клиринговые соглашения, — должно было быть ликвидировано.

Создание после длительных и острых дебатов в 1944 году Международного валютного фонда представляло собой реализацию американского плана, принятого с некоторыми изменениями. Так, например, по настоянию Англии был изменен размер квот стран Британского содружества наций, латиноамериканских стран.

Важнейший принцип деятельности МВФ, как он был определен в момент создания, заключался в том, чтобы по возможности не допускать введения ограничений движения капитала по текущим статьям платежного баланса. Свобода передвижения капитала, контролируемая МВФ, должна была дополнить свободу передвижения товаров, контролируемую ГАТТ. Не случайно буржуазные исследователи рассматривают МВФ и ГАТТ как опорные столпы, на которых основывалась вся послевоенная система регулирования экономических связей между развитыми капиталистическими странами.

Под маркой либерализации национального контроля МВФ предпринял попытку ввести межгосударственные нормы координации национального регулирования. Так, например, МВФ ставил задачу не допустить дискриминацию в сфере экспорта капитала путем применения множественности валютных курсов по отношению к различным торгующим странам. Практически это было не что иное, как осуществление на практике принципа недискриминации, воплощенного в рамках валютного обмена.

Другой принцип, касающийся фиксированного паритета валют, запрещал производить девальвацию и ревальвацию валюты, за исключением крайних случаев и при условии, если это соответствует положениям МВФ. Предусматривался также контроль за претворением в жизнь вышеприведенных норм и положений.

Еще один принцип деятельности МВФ — ориентация на доллар как на основную валюту, в которой осуществлялась его деятельность. Система координации национальных политик на международном уровне, сформулированная фондом, преследовала цель обеспечить преимущественное положение доллара на международном рынке валют капиталистических стран. Фонд ставил задачу поддерживать стабильный паритет национальных валют прежде

Всего по отношению к доллару, чтобы на этой основе можно было решать другие вопросы.

Первоначально паритет устанавливался странами-членами по согласованию с МВФ; впоследствии страна получила право 10-процентного изменения курса своей валюты, а дальнейшие изменения допускались лишь с согласия фонда.

Таким образом, уже с самого начала деятельности МВФ предусматривалось ограничение возможностей национальных правительств по регулированию курса своей валюты и передача этого права на усмотрение фонда. Система передачи межнациональной организации национальных прав правительств — членов фонда обосновывалась демагогическими лозунгами «признания международной ответственности за валютную стабильность».

Как выдача кредитов, так и право стран изменять валютный курс осуществлялись в связи с наличием неравновесия платежного баланса, причем изменение валютного курса допускалось лишь в случае возникновения «фундаментального неравновесия». Интересно, что статьи фонда не дают развернутого толкования этого понятия, явно заимствованного из неоклассической теории, предоставляя право его субъективного толкования руководителям фонда.

Этот пробел пытались восполнить буржуазные исследователи, развернувшие дискуссии на страницах экономических журналов. Так, например, американский экономист Г. Хаберлер, выступая за разработку «объективного и четкого» критерия, высказывал мнение, что условием наступления «фундаментального неравновесия» является наличие «серьезного и продолжительного отлива золота в результате постоянного дефицита текущего платежного баланса»¹⁷. Автор считал, что это наиболее типичный случай неравновесия, с которым согласятся все эксперты.

В качестве основного оппонента такого понимания «фундаментального неравновесия» выступил американский исследователь А. Хансен, утверждавший, что отсутствие или наличие постоянного дефицита платежного баланса не может явиться удовлетворительным критерием, позволяющим выявить факт «фундаментального неравновесия»¹⁸. По мнению Хансена, исправление «фундаментального неравновесия» должно быть осуществлено за счет совершенствования структуры экспорта и импорта, структуры производства и т. д. Хансен связывает «структурное неравновесие» с «циклическим» в сфере производства.

Однако сам Хансен не пытается дать какие-либо рекомендации для использования этого определения в рамках конкретной экономической политики Международного валютного фонда.

В обоих случаях попытки выработать приемлемую формулу определения «фундаментального неравновесия» оказались тщетными; в то же время различный подход двух экономистов к вопросу валютного неравновесия стал прообразом последующих дискуссий о целях и задачах фонда, развернувшихся впоследствии.

Оценка результатов деятельности фонда в 50—60-х годах показывает, что по ряду вопросов фонду удалось достичь некоторых из поставленных целей, хотя и со значительным опозданием.

С середины 50-х годов крупнейшие западноевропейские капиталистические страны начали предпринимать шаги по отмене и ликвидации двусторонних соглашений. К январю 1957 года фонд провел консультации с 49 странами-членами, что дало возможность за два года, то есть с 1955 по 1957 год, сократить число двусторонних соглашений. Однако несмотря на это 49 стран-членов, прошедших консультацию с фондом, по состоянию на 1 января 1957 г. имели более 300 ограничительных двусторонних соглашений. В конце 1957 года началась новая волна ликвидации двусторонних соглашений. В течение 1960 и первых месяцев 1961 года было прекращено действие еще 50 двусторонних платежных соглашений, а расчеты между странами-участницами были переведены на базу обратимости валют. На начало 1961 года страны — члены фонда имели 225 двусторонних соглашений, из них 150 — со странами, не входящими в фонд.

В 1961 году ведущие западноевропейские государства ввели обратимость валют по текущим операциям. Им понадобилось для этого значительно больше времени, чем первоначально полагалось по соглашению.

Ликвидация валютных ограничений явилась дополнением к программам негативной интеграции, осуществлявшейся ГАТТ, ликвидировавшим таможенные пошлины, и ОЭСР, добившейся ликвидации количественных ограничений. МВФ, хотя и с рядом оговорок, обеспечил снятие валютных ограничений, введя свободную обратимость валют между развитыми капиталистическими странами. Однако ошибочно связывать это лишь с политикой фонда. Введение обратимости валют явилось прежде всего следствием

развития западноевропейских капиталистических стран, добившихся определенных успехов в восстановлении послевоенной Европы.

Взаимосвязь между политикой фонда и введением обратимости валют крупнейших развитых капиталистических стран носит опосредствованный характер. Фонд не столько непосредственно воздействовал, сколько фиксировал и регистрировал процесс введения обратимости валют. Об ограниченных возможностях активного воздействия фонда свидетельствует тот факт, что, например, в 1957 году средства фонда составляли около 8% общих золотовалютных резервов капиталистических стран. Средства фонда были намного меньше средств, переданных по такому каналу, как американская «помощь».

Таким образом, активное воздействие фонда на валютно-финансовые отношения было минимальным. Деятельность фонда в основном ограничивалась регистрацией и фиксацией важнейших элементов существующего положения, ликвидацией всех ограничений на пути свободного перелива капитала и т. д. Не случайно в 1955 году, когда кредиты фонда сократились до 27 млн. долл., английская газета «Файнэншл таймс» иронически писала: «Если считать, что вершиной банковского дела является ничегонеделание, то в этом случае фонд близок к совершенству»¹⁹.

Лишь изредка в моменты ухудшения экономического положения отдельных стран кредиты фонда обеспечивали некоторую помощь. Если, например, валютные кризисы имели место в Англии в 1947, 1949, 1951—1952, 1956, 1957, 1961 годах, то кредиты фонда были получены лишь в 1948, 1956, 1961 годах. Иначе говоря, только в трех случаях фонд приходил на помощь с целью стабилизации платежного баланса страны. Не лучше было положение и в других капиталистических странах.

Однако ликвидация валютных ограничений и обеспечение свободного передвижения капиталов как дополнение к снижению таможенных пошлин и ликвидации количественных ограничений (в рамках ГАТТ и ОЭСР) представляли собой лишь один из принципов, на котором базировалась деятельность МВФ.

Более сложным оказалось положение с претворением в жизнь других принципов: преимущественной ориентации на доллар как основную валюту и использования фиксированного валютного курса; 60-е и особенно 70-е годы поставили на повестку дня вопрос о необходимости изменения этих принципов.

Особенно острым вопросом продолжал оставаться факт значительной зависимости деятельности фонда от наличия долларов США. Как показывают материалы деятельности фонда, вплоть до 1961 года спрос на использование других валют (кроме доллара) был крайне незначительным. За период с 1947 по 1955 год на них приходилось всего лишь 20% выданных займов, а с 1955 по 1959 год — менее 7% выданных средств. Валюты других стран использовались лишь в тот период, когда фонд испытывал нехватку долларов. В целом с 1947 по 1958 год 92% всех кредитов было выдано в долларах. Такое положение явилось следствием единоличного и безусловного господства Соединенных Штатов на рынке развитых капиталистических государств.

Изменение положения в 60-х годах связано с резким увеличением требуемого объема кредитных средств и трудностями в получении ресурсов фонда, что объясняется не только простым ростом товарооборота и расстройством валютной системы капиталистических стран, но и увеличением численности членов фонда за счет приема новых стран. Возросла потребность в кредитах, предоставляемых фондом; на них начинает претендовать все большее число стран.

Финансирование и выдача валютных кредитов в этих условиях могли осуществляться только при наличии постоянного дефицита платежного баланса США, что ставило страну в весьма затруднительное положение. Одновременно потеря США монополии на единоличное лидерство в капиталистическом мире вообще и в валютной сфере в частности приводила к резкой диспропорции между фактическим положением дел и односторонней ориентацией фонда на валюту США. На мировой капиталистической арене успешно конкурировать с Соединенными Штатами на товарных и валютных рынках стали западноевропейские страны и Япония.

После введения частичной обратимости валют западноевропейских государств валюты этих стран также стали предметом операций, но в ограниченных количествах. В начале 60-х годов на американские доллары приходилось немногим более 80% всех операций по сравнению с обычным уровнем 90—100% в предшествующие годы. Однако это не решало проблемы. Потребности резкого увеличения суммы предоставляемых кредитов поставили вопрос об альтернативных путях получения необходимых средств.

Неизбежным следствием складывающейся ситуации явился повышенный интерес буржуазных исследователей к модификации ряда устаревших норм деятельности МВФ. В 60—70-х годах вопросы создания собственных заемных средств МВФ, отказа от фиксированных в пользу колеблющихся валютных курсов становятся важнейшим объектом анализа и дискуссий.

Одним из наиболее известных предложений по расширению деятельности фонда за счет увеличения его ликвидных средств явилась концепция американского специалиста Р. Триффина — весьма популярной фигуры в кругах буржуазных экономистов, выступившего в 1959 году на заседании фонда с программой расширения МВФ, усиления его значимости и роли как международного валютного центра ²⁰.

Основная причина «болезни» валютной системы капитализма, как это видится Триффину, заключается в том, что при золотовалютном стандарте (которого придерживался в практике своей деятельности МВФ) обязательным условием роста международных средств платежа является дефицит платежных балансов тех стран, валюты которых накапливаются в качестве резерва. По мнению Триффина, рост международной ликвидности приводит к ухудшению платежного баланса той страны, валюта которой используется в качестве средства платежа.

Прогнозируя в будущем значительный рост международной торговли, автор считает крайне опасным существующее положение, при котором резервы формируются только за счет долларов и фунтов стерлингов. Он указывает на необходимость замены долларовых и стерлинговых авуаров международной валютой. Предоставление фонду права эмиссии собственных финансовых средств он связывает с программой торговой интеграции, то есть автор исходит из идеи превращения региональной (западноевропейской) интеграции в мировую путем постепенного повышения «уровней» интеграционного процесса. Иначе говоря, для Триффина характерна абсолютизация интеграционного развития развитых капиталистических стран и разработка рекомендаций по привязке всех остальных регионов и стран к данной программе.

Важным элементом программы Триффина является идея передачи наднациональному органу в лице нового «сверхбанка» ряда вопросов, относящихся к сфере национального суверенитета. Таково, например, его предложение о передаче в будущем наднациональному органу пра-

ва фиксировать ежегодные лимиты внутреннего кредитования промышленности и торговли на территории каждого государства.

Триффин, рекламируя свой план в экономической комиссии конгресса, указывал на ряд преимуществ, которые получают Соединенные Штаты от претворения в жизнь его плана: во-первых, не будет давления на доллар вследствие его использования в качестве резерва; во-вторых, США перестанут быть основным кредитором, как это происходит сейчас в фонде, и, наконец, в-третьих, США сами смогут получить помощь через новый фонд.

За этими амбициозными рекомендациями, направленными на оздоровление экономической обстановки в капиталистическом мире, скрывалась четкая программа обеспечения преимущественных позиций США в условиях происходящих изменений в связи с созданием новых центров межимпериалистического соперничества. В то же время ряд положений плана Триффина предполагал значительное изменение принципов деятельности МВФ. К программам увеличения кредита и передачи некоторых национальных прерогатив единому наднациональному органу, идее создания мировых денег представители банковских кругов отнеслись негативно. Орган деловых кругов США, журнал «Уорлд бэнкинг», критически анализируя программу Триффина, писал, что после войны фонд играет весьма полезную роль и основные идеи, связанные с Бреттон-Вудсом, доказали свою ценность и их изменение в данный момент нецелесообразно²¹.

Не менее сложной проблемой явилась система фиксированных курсов валют, базирующаяся на золотом паритете доллара, как она была сформулирована МВФ в момент его создания. В принципе эта идея соответствовала концепциям неоклассиков. «Отличительным признаком валютной интеграции является фиксированный паритет. Он может предусматривать, а может и не предусматривать использование общей валюты»²². Однако на практике поддержание фиксированных валютных курсов оказывалось затруднительным вследствие того, что правительства западноевропейских стран пытались проводить в жизнь антикризисные мероприятия, осуществлять политику борьбы с безработицей, сокращения инфляции. Денежные средства становились мобильными и легко переходили с одного рынка на другой. Система фиксированных курсов оказалась неприспособленной к условиям массового перемещения капитала. Лихорадка девальваций охватила ка-

питалистические страны. В 1967 году был девальвирован фунт стерлингов, в 1969-м — французский франк, в 1971 и 1973 годах — доллар США.

Буржуазные исследователи продолжали разработку новых программ, отличительной чертой которых явилось дальнейшее развитие элементов наднациональности в деятельности МВФ, усиление его способностей к гибкой реакции и корректировке существующей валютной системы.

Среди последующих предложений, направленных на модификацию деятельности МВФ, следует указать на выводы Трехсторонней комиссии — влиятельного неправительственного органа, включающего крупных исследователей из США, Западной Европы, Японии. В противоположность Триффину, комиссия основное внимание уделяет переходу МВФ к свободно колеблющемуся валютному курсу. По мнению исследователей, существующая система недостаточно гибка, а МВФ неспособен быстро реагировать на проводимые изменения. Ликвидация дефицита платежного и торгового балансов осуществлялась в основном методом девальвации валюты — средством, применяемым с опозданием, действующим в течение ограниченного периода времени и приводящим лишь к тому, что через некоторое время появляется необходимость в новой девальвации. Излишне большое значение, по мнению исследователей, придавалось торговым квотам и инфляционным мероприятиям национальных правительств.

Рекомендуемое Трехсторонней комиссией альтернативное средство контроля за валютной сферой предусматривает введение регулируемых на международном уровне свободно колеблющихся курсов. Предлагается использовать курс, колеблющийся вокруг какой-либо одной валюты, взятой за основу.

Рекламируя новую систему, исследователи ставят перед ней задачу обеспечения автоматического контроля за возможными ошибочными решениями, принимаемыми на уровне национальных правительств. Полностью свободно «плавающий» курс валюты рассматривается как подверженный спекулятивным тенденциям и соответственно отвергается. Рыночные колебания ограничиваются пределами «валютной змеи», то есть допускаются лишь незначительные отклонения паритета валют по отношению друг к другу.

МВФ становится важнейшим элементом предлагаемой системы, так как он получает право контроля за всеми случаями нарушений установленных правил. В число санк-

ний против нарушителей входит отказ в предоставлении им займов для покрытия дефицитов платежных балансов. При наличии значительного положительного сальдо платежных балансов предлагается использовать специальные налоги на импорт.

Что касается коллективной валюты, выступающей в виде СДР (специальные права заимствования), то рекомендации Трехсторонней комиссии однозначно направлены на расширение их применения. В число предложений входят идеи повышения процентных ставок на использование СДР с целью приближения их стоимости к альтернативным источникам кредитования, а также ликвидации даже формальной связи СДР с золотом, с ориентацией их на валюты крупнейших стран. Новая платежная единица, созданная в рамках МВФ по предложению комиссии, должна получить наименование банкор — по аналогии с предложением Кейнса.

В чисто организационном плане усиление МВФ предлагается связать с деятельностью Комитета 20-ти, куда входят представители ведущих капиталистических и развивающихся стран. Рекомендуется значительно расширить полномочия комитета, встречи которого должны проводиться не реже 6 раз в год и деятельность которого должна заключаться в контроле валютно-финансовой политики стран-членов.

Стремясь привлечь на свою сторону представителей развивающихся стран, комиссия допускает некоторые второстепенные уступки в их пользу. Так, например, выдвигается идея осуществления регулярных продаж золота из фондов МВФ и использования вырученных средств для целей развивающихся стран.

Однако все основные предложения авторов комиссии направлены на удовлетворение потребностей развитых капиталистических государств. Это касается сохранения преимущественной ориентации фонда на краткосрочное кредитование. Предлагается также резко повысить штрафы за просрочку возврата выданных сумм. Увеличение процентов, взимаемых за пользование СДР, делает эти кредитные средства малопривлекательными для использования развивающимися странами, испытывающими нехватку финансовых средств и обладающими ограниченными возможностями процентных выплат. На крупнейшие развитые капиталистические страны, по мнению комиссии, должна лечь ответственность за функционирование Международного валютного фонда.

О преимущественной связи рассматриваемых проблем с интересами развитых капиталистических стран свидетельствует перечень задач, которые предлагается решить в рамках МВФ. Сюда входят вопросы конвертируемости валюты, проблемы взаимозависимости экономики стран-членов и, наконец, институциональные аспекты деятельности фонда.

Рассмотренные выше рекомендации, хотя и с некоторыми модификациями, легли в основу изменений Устава МВФ, осуществленных в 60—70-х годах. Первое из этих изменений представляло собой признание в качестве официально действующих новых кредитных заемных средств — специальных прав заимствования, схема создания которых была разработана Группой 10-ти, включающей представителей наиболее развитых капиталистических стран. Летом 1968 года СДР были признаны официально действующей расчетной единицей. СДР представляют собой кредитные средства, предназначенные для пополнения резервных активов. По существу это — обязательство предоставления кредита не в валюте какого-то одного определенного государства, а в валюте всех стран — участниц соглашения о СДР, гарантированных МВФ. Фонд получил возможность выступать в качестве нового эмиссионного центра, а страны-участницы взяли на себя обязательство принимать СДР в обмен на свою национальную валюту или на любую конвертируемую валюту.

Основная функция СДР — регулирование платежных балансов и пополнение валютных резервов. Первоначально СДР опирались на «корзину» из 16 валют стран-участниц, чья доля экспорта и услуг превышала 1% мирового экспорта, однако в связи с возникшими трудностями порядок расчета был упрощен и в 1981 году в «корзине» осталось лишь пять валют крупнейших капиталистических стран.

СДР применялись по согласованию с МВФ или по его указанию; операции в СДР проводились в основном в рамках специального счета СДР. Рост объема выпускаемых СДР привел к либерализации и расширению сферы их использования для стабилизации валютной политики, национальных валют; при этом СДР все чаще применяются непосредственно без обмена на национальную валюту.

Так, например, с 1970 по 1978 год страны осуществили прямые платежи друг другу в СДР на сумму в 5,9 млрд. единиц. Как правило, такого рода платежи осуществля-

лись в рамках урегулирования взаимных валютно-финансовых обязательств стран — участниц фонда.

Впоследствии страны — участницы МВФ получили право совершать сделки в СДР без разрешения фонда и без ссылок на состояние платежного баланса, а также проводить их по общим счетам фонда.

Выпуск СДР означал, что МВФ становится органом, обладающим правом эмиссии собственных средств платежа. Таким образом, это был шаг по пути превращения МВФ в своеобразный банк банков, распоряжающийся заемными средствами, создаваемыми на межгосударственной основе.

Первый выпуск СДР был осуществлен еще в начале 70-х годов с целью пополнения обнаружившейся тогда нехватки ликвидности. В 1970—1972 годах было выпущено 9,3 млрд. СДР. В 1978—1981 годах, то есть после долгого перерыва, были организованы три новых выпуска специальных прав заимствования в размере 12 млрд. СДР.

Введение в качестве платежного средства СДР отражало тенденцию к ориентации на полицентризм в качестве основы расчета. СДР базируются на валюте не одной, а нескольких наиболее крупных капиталистических государств, и их эмиссия обусловлена согласием всех стран — членов фонда.

Другим важным изменением Устава МВФ, которое, по замыслу буржуазных исследователей и практиков, должно было расширить возможности регулирования МВФ международных валютных отношений, явился отказ от фиксированного валютного курса в пользу колеблющегося.

Начало этому процессу было положено в марте 1973 года на совещании Комитета 20-ти в Вашингтоне, на котором было принято решение о проведении реформы с целью введения многосторонне регулируемых «плавающих» валютных курсов.

В течение последующих четырех лет руководство МВФ при активном участии правительственных чиновников разрабатывало детали предполагаемого изменения деятельности МВФ, которое, будучи проведено в январе 1976 года, получило название второго изменения Устава Международного валютного фонда.

Изменение Устава МВФ представляет собой попытку перейти к качественно новой системе контроля над валютным регулированием на основе многосторонне регулируемых «плавающих» валютных курсов. В соответствии с этим изменением фиксированные валютные курсы были заме-

нены системой «плавающих» валют, допускалось свободное колебание валютных курсов (от 1 до 2,5%).

Идея заключалась в том, что колеблющиеся курсы хотя и могут изменяться под влиянием спроса и предложения валют, однако эти колебания в целом незначительны. Резкие колебания и изменения валютных паритетов стран-членов, в тех случаях когда они возникают, являются следствием внутренних структурных несоответствий в национальных экономиках. В этом случае предполагается активное воздействие фонда на национальное регулирование стран-членов.

Иначе говоря, речь шла о попытках создания своеобразной многоступенчатой системы регулирования валютных отношений, на первом начальном этапе которой роль регулятора берут на себя свободно колеблющиеся курсы. На последующих этапах в случае выявления более глубоких разногласий на первое место выходит собственно регулирующая деятельность фонда, основанная на консультациях с национальными правительствами. Выраженный в самых общих терминах, этот принцип зафиксирован в Уставе МВФ как обязательство фонда осуществлять стабильное наблюдение за политикой стран-членов и принимать соответствующие рекомендации таким образом, чтобы обеспечить ориентацию стран на проведение рекомендованной политики. Одновременно страны берут на себя обязательство сотрудничать с фондом в рамках осуществления конкретных шагов по регулированию платежных балансов.

Основной упор делается на гибкость и оперативность контроля за принимаемыми решениями. Предусматривается проведение ежегодных консультаций и переговоров между руководителями фонда и странами-участницами. На их основе составляются доклады, которые передаются на рассмотрение руководства фонда.

В промежутке между ежегодными регулярными обследованиями осуществляется постоянный контроль за валютной политикой стран — участниц МВФ. Если директор фонда приходит к выводу о нарушении норм и принципов валютного регулирования, утвержденных фондом, начинается проведение конфиденциальных переговоров. О результатах переговоров докладывается руководству для принятия соответствующих мер против нарушителей.

С отдельными странами, внешнеэкономическая политика которых оказывает воздействие на мировое капиталистическое хозяйство, МВФ наряду с регулярными проводит

дополнительные консультации, результаты которых впоследствии им анализируются.

Надо признать, что консультации проводились и раньше, но тогда они были ежегодными. После принятия второго изменения к Уставу МВФ начали проводиться специальные консультации сотрудников со странами-членами, на которых рассматривались не только условия предоставления кредитов, но и проводился анализ экономики каждой страны и ее связей с внешним миром. Иначе говоря, предметом анализа и совместного обсуждения стал ряд вопросов внутренней финансовой и налоговой политики стран. В соответствии с условиями Версальского соглашения 1982 года сотрудники МВФ стали оценивать то влияние, которое может оказать национальная экономическая политика семи крупнейших капиталистических стран на другие государства²³.

Интересное дополнение к Уставу МВФ было сделано в январе 1979 года. Руководство фонда получило право на начало переговоров не только при нарушении установленных принципов его деятельности страной-членом, но и в том случае, если осуществляемое в соответствии с нормами изменение валютного курса оказывает влияние на политику стран-членов. Упор при этом делается на конфиденциальность и неформальный характер переговоров.

По аналогии с доктриной «организованной свободной торговли» программа многостороннего регулирования находила поддержку на высшем уровне. Ряд предложений и рекомендаций, подготовленных деятелями фонда, утверждался на совместных заседаниях руководителей национальных правительств. Так, например, в ноябре 1975 года на встрече в Рамбуйе руководящие деятели правительств ФРГ, Италии, Англии, Франции, Канады, США и Японии заключили соглашение, подтверждающее новый режим валютного обмена.

В совместном заявлении руководителей семи крупнейших капиталистических стран в Версале (в июне 1982 г.) подчеркивалось, что страны готовы поддерживать усилия МВФ по координации, развивать сотрудничество на многосторонней основе. На совещании было уделено особое внимание попыткам координации экономической и валютной политики наиболее развитых капиталистических стран, валюты которых включены в СДР. С идеей развития координации связана программа усиления структуры фонда путем модификации деятельности комитетов МВФ и включения в них лиц, обладающих высокими политиче-

скими и административными полномочиями в своих странах.

Рекомендации по усилению организационной структуры МВФ выдвигаются как ответственными руководителями самого фонда, так и исследователями-практиками.

Подробную программу организационной модификации фонда выдвинул американский исследователь С. Бергштейн²⁴.

Важнейший недостаток в работе МВФ, считает Бергштейн, заключается в том, что, разработав в принципе правильную программу расширения межгосударственной координации, фонд не занимается контролем за ее претворением в жизнь. Автор объясняет это недостаточно эффективным состоянием системы контроля на наднациональном уровне. Соответственно выдвигаются предложения, направленные на усиление институциональных форм и контрольных функций органа. Первый шаг, как он мыслится автором, состоит в разработке механизма оценки и контроля за регулированием обмена валютой на национальном уровне и подготовке новых рекомендаций по изменению организационной структуры МВФ. Усиление механизма регулирования, считает Бергштейн, должно осуществляться в рамках деятельности МВФ. Выдвигается идея создания специального независимого органа, обслуживаемого сотрудниками МВФ (допускается также модификация Комитета 20-ти), и проведения постоянных встреч на уровне ответственных представителей и руководителей крупнейших стран.

Новый орган, считает Бергштейн, должен занять промежуточное положение между встречами заместителей министров финансов крупнейших капиталистических государств и исполнительным советом МВФ, обремененным выполнением ряда текущих функций. Автор связывает свою программу с идеей расширения «равноправия» всех членов МВФ, либерализацией, которая должна заменить протекционизм и контролироваться МВФ.

Рекомендации Бергштейна в случае их претворения в жизнь означали бы еще один шаг в расширении функций наднациональности и межгосударственной координации сферы валютного обмена.

Укрепление МВФ и превращение его в мощный наднациональный орган полностью соответствует интересам Соединенных Штатов, которые, таким образом, пытаются обеспечить протаскивание приемлемых для них решений уже на многосторонней основе.

Программы расширения наднациональности МВФ, усиления американского влияния вызывают опасения ряда государств. Комментируя реакцию большинства стран на эту тенденцию, советский экономист О. С. Богданов пишет: «Попытки превращения МВФ в наднациональный орган, могущий навязывать свои решения всем странам в области кредитно-денежной и валютной политики, вызывают у многих стран настороженность»²⁵. Не случайно, например, сразу же после совещания в Версале, где летом 1982 года был принят ряд мер по усилению организационной структуры МВФ, в частности расширены права координационных совещаний стран — членов МВФ, выражалось опасение, что США используют это для навязывания своего мнения партнерам. Как заявил по этому поводу представитель Японии, весьма вероятно, что «администрация США собирается использовать процедуру совещаний МВФ как один из форумов для того, чтобы указывать на недостатки других»²⁶.

Такие опасения более чем обоснованны. Речь идет, однако, не столько о «чтении лекций», сколько о навязывании требований МВФ (в основном соответствующих программам администрации США) в качестве условий предоставления кредитов.

О полной обоснованности таких оценок свидетельствует практика деятельности МВФ по предоставлению кредитов развитым капиталистическим странам Западной Европы в конце 70 — начале 80-х годов.

От английского лейбористского правительства потребовали сокращения бюджетных расходов прежде всего на социальные нужды, жилищное строительство, субсидирование питания для населения. Аналогичным образом программа «оздоровления», принятая правительством Италии под воздействием МВФ, предусматривала уменьшение пенсий, повышение налогов, тарифов на проезд в общественном транспорте, цен на бензин и т. д.

Переходя к общей оценке программ модификации норм и принципов деятельности МВФ, следует заметить, что их претворение в жизнь оказалось далеко не адекватным тем целям и задачам, которые были поставлены их создателями и теоретиками-разработчиками. Не оправдались надежды, что включение СДР в механизм международной ликвидности сможет обеспечить изменения существа хозяйственных отношений, господствующих в мировом капиталистическом хозяйстве. Еще в 1974 году, то есть в период разработки второго изменения к Уставу МВФ, капи-

талистическое хозяйство переживало нефтяной кризис. В январе 1974 года объявленное странами ОПЕК (Организация стран — экспортеров нефти) резкое увеличение цен на нефть привело к возникновению значительного положительного сальдо торговых балансов нефтеэкспортирующих стран и отрицательного сальдо нефтеимпортирующих государств. В результате разработка программы была приостановлена.

Нельзя не упомянуть и такой важнейший показатель кризиса мировой капиталистической системы, как инфляция, делающая практически невозможным создание сколько-нибудь стабильной системы международного регулирования валютных отношений. Если в начале 60-х годов величина инфляции составляла около двух с половиной процентов, то сейчас она достигает двузначных цифр.

Рост инфляции и проблемы, вызванные безработицей, привели к росту националистических тенденций во внешнеэкономической сфере, в том числе в области валютного регулирования. Меры валютного регулирования выступили в качестве одной из форм валютного протекционизма, дополняющего торговый протекционизм.

Наиболее ярким примером использования национальных форм валютного регулирования, идущего вразрез с рекомендациями МВФ, может служить Япония. В 1976 году положительное сальдо торгового баланса Японии достигло 6,12 млрд. долл. и страна ревальвировала японскую иену на 5%, что намного превышало допустимую норму.

Провал попыток создания механизма межнационального регулирования связан прежде всего с внутренними глубинными причинами валютного кризиса капитализма, неравномерностью политического и экономического развития капиталистических государств. Милитаризация экономики, дефицитное бюджетное финансирование, кредитная экспансия, рост государственного долга сделали инфляцию неотъемлемым спутником капиталистической экономики.

Причинами кризисного состояния валютной сферы часто становятся увеличение учетных ставок центральных банков за границей, как это имело место в США в начале 80-х годов, спекулятивный бум на иностранных фондовых биржах, расширение масштабов операций на рынках евро-валют.

Попытки расширения использования СДР и их превращения в коллективное средство управления резервной валютой по линии МВФ окончились безрезультатно. Наличие большого числа спекулятивных финансовых средств,

кочующих из одной страны в другую в поисках выгодного приложения капиталов, подрывает роль СДР и возможности активного воздействия МВФ на экономику развитых капиталистических стран.

Запущенные в платежный оборот СДР практически полностью растворились в разбухшей международной ликвидности. В конце 1978 года их доля в международной ликвидности упала до катастрофически низкой величины, равной 4%. Правда, после расширения эмиссии новых СДР их доля увеличилась до 7%, однако эта цифра не приводила к каким-либо качественным изменениям на мировых валютных рынках. Как вынужден был признать в связи с этим один из руководителей МВФ Г. Хоу, «МВФ не удалось превратиться в центр международной ликвидности... У нас нет глобальной нехватки ликвидности; скорее наоборот, СДР оказались на окраине новой системы, но не ее центром»⁴⁷.

На сессии МВФ в конце 1981 года была признана невозможность для фонда сохранения колебаний валют в пределах, ограниченных соглашением. Курсовые колебания оказались во много раз сильнее, чем полагали теоретики. Не случайно на сессии раздавались призывы к более активному вмешательству, более эффективному использованию прав по наблюдению за политикой стран-членов в области платежных балансов и валютных курсов.

3. ПЕРЕДАЧА ТЕХНОЛОГИИ И ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КООРДИНАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В отличие от внешней торговли и экспорта капитала, сам факт пересечения технологией национальной границы не регулировался какими-либо особыми международными соглашениями и соответственно отсутствовал специальный орган, контролирующий этот процесс. Исключение составляла технология, на экспорт которой накладывался запрет в связи с ее значимостью для целей национальной безопасности экспортирующей страны.

Сложившаяся ситуация объяснялась несколькими причинами. В странах-экспортерах технологии, куда входили наиболее развитые капиталистические государства, преобладала точка зрения, согласно которой сдерживание экспорта технологии, как и любого товара является нежелательным, ограничивающим валютные поступления и экс-

пансию национальных монополий за границу. В свою очередь, импортирующие государства, традиционно выступавшие инициаторами введения ограничений на ввоз товаров и капитала, рассматривали импорт современной технологии в качестве важной предпосылки развития страны, основы ее продвижения по пути современного научного прогресса.

Кроме политико-экономических причин, объясняющих нежелание развитых капиталистических стран разрабатывать программы межгосударственного регулирования этого процесса, положение осложнялось и организационными трудностями, возникавшими в связи с разнообразием каналов и форм передачи технологии.

Наиболее распространенной является патентно-лицензионная торговля. Однако эта форма далеко не единственная. Так, например, значительный объем технологической информации передается посредством экспорта капитала, особенно такой его формы, как прямое инвестирование. Фирма, берущая под свой контроль создаваемое предприятие и превращающая его в составную часть единого внутрифирменного производства, неизбежно передает дочерней компании технологические знания и производственные навыки.

Кроме указанных каналов технология может передаваться при использовании услуг специализированных фирм, личных контактах (в их число входят научные миссии, посылка научных делегаций).

Наиболее распространенным принципом группировки различных форм научно-технических связей может быть их разбивка на коммерческие, куда включаются все виды научно-технического обмена, носящие характер купли-продажи, и некоммерческие, когда обмен происходит в виде научно-технических публикаций, личных контактов ученых и инженеров, технической помощи и т. д. Очевидно, что характер обмена в обоих случаях принципиально различен. В первом варианте субъектами, продающими современные научно-технические знания, являются крупные и средние частнокапиталистические предприятия, заинтересованные в получении соответствующей прибыли при либерализации обмена. Во втором — факт расширения контактов и обмена рассматривается как средство, обеспечивающее выход отдельной страны на соответствующий международный уровень научно-технических достижений.

Разнообразие каналов передачи технологии ведет к неизбежной в таких случаях децентрализации регулирования

этого процесса в рамках организаций, занимающихся отдельными формами международных экономических отношений. Представляется вполне естественным, что практически все крупные международные организации, специализирующиеся на вопросах внешней торговли, экспорта капитала, в той или иной форме затрагивают передачу технологии. В рамках ГАТТ, например, регулируется ряд вопросов передачи технологии в связи с продажей технически современных товаров.

На переговорах Токио раунд разработано и подписано специальное соглашение по техническим барьерам, регулирующее применение стандартов, влияющих на продажу технически сложных товаров машиностроения. В соглашении правительствам стран-участниц предлагается использовать международные стандарты и избегать применения национальных норм и технических условий, затрудняющих приобретение иностранной техники. Национальные органы должны по возможности осуществлять свою деятельность по использованию импортированной технологии и «ноу-хау» на основании единых норм ГАТТ.

С целью претворения в жизнь разрабатываемой программы был создан специальный комитет по техническим барьерам в торговле. Его задача заключалась в унификации технических стандартов на товары, обращающиеся в рамках международной торговли.

Вопросами передачи технологии занимается и Международная торговая палата (МТП). В специально подготовленной работе, озаглавленной «Рекомендации по международным инвестициям», опубликованной в 1972 году, имелась глава, посвященная вопросам передачи технологии и «ноу-хау». Странам, принимающим и продающим технологические знания, рекомендовалось ликвидировать «ненужные» ограничения в области передвижения технологии.

Важное место в области передачи технологии занимает деятельность Международного банка реконструкции и развития (МБРР), где создана специальная служба, задача которой заключается в предоставлении информации справочного характера мелким и средним предпринимателям с целью улучшения качества технологического выбора, создания информационной системы, тесно привязанной к лицам, принимающим решения.

Несмотря на разнообразие подходов, все вышеперечисленные организации объединяет ориентация на обеспечение возможно более полного и ничем не ограниченного распространения технологических знаний между странами-

участницами. Типичным является тезис, выдвинутый группой экспертов стран — членов ОЭСР о том, что «контроль над передачей технологии нереалистичен, если не вреден»²⁸.

Национальные государственные органы, а соответственно и отражающие их интересы на международном уровне экономические организации не заинтересованы в создании каких-либо препятствий на пути обмена научно-техническими знаниями. Отход от этого наблюдается только в том случае, если развитые капиталистические страны рассматривают запреты на обмен технологией как средство военно-политического давления на другие страны. В последнее время такое регулирование в связи с политизацией передачи технологии как формы международных экономических отношений приобретает все большее значение.

Теоретической базой, обосновывающей деятельность тех или иных органов и организаций в области либерализации технологического обмена, явился модифицированный вариант современных неоклассических теорий «факторов производства». По мнению ряда буржуазных исследователей, как например И. Крависа, М. Познера и др.²⁹, технология является одним из факторов производства, который наряду с трудом, землей и капиталом обеспечивает специализацию страны в рамках международного разделения труда. В одних случаях, как например в работах Д. Киссинга, технология связывается с квалификацией рабочей силы³⁰, в других — определяющее значение приобретают расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) и т. д.

Следует, однако, заметить, что программа либерализации научно-технического обмена, которой однозначно придерживались межгосударственные организации развитых капиталистических государств, не означала ликвидации межимпериалистических противоречий, переместившихся в другую плоскость: в сферу координации научно-технической и исследовательской деятельности. Об этом свидетельствует подробное ознакомление с практикой работы ОЭСР — организации, объединяющей капиталистические государства, на которые приходится более 90% передаваемой технологии и приблизительно $\frac{3}{4}$ всех расходов на НИОКР в капиталистическом мире.

Буржуазные авторы, оценивая деятельность ОЭСР, не скупятся на широковещательные рекламные заявления. Как писал по этому поводу один из руководителей исследовательского центра ОЭСР А. Кинг, эта организация «вы-

ступает в роли стимулятора изменений экономической и научной политики, выявляет новые тенденции и дает возможность определить те элементы научно-технических программ, которые страны — члены ОЭСР могут перенять и использовать в рамках их традиций и институциональной системы»³¹.

Однако действительность далека от такой идиллической картины. История ОЭСР и ее деятельность в области регулирования и координации научных программ и научной политики свидетельствуют о постепенном нарастании противоречий между странами-членами по мере развития и расширения деятельности этой организации.

Схематично деятельность ОЭСР можно разделить на два периода. Первый этап, начавшийся вскоре после создания ОЭСР, в основном характеризовался ориентацией на разработку программ обмена научно-технической информацией. Второй этап, начало которого приходится на 70-е годы, знаменует усиление внимания к координации и согласованию тематики исследовательских и опытно-конструкторских разработок.

В определенной степени первый этап деятельности ОЭСР можно сравнить с периодом либерализации внешнеторговых ограничений, то есть оценить как носящий элементы негативной интеграции.

На этом этапе работа проводилась в основном в рамках специально созданного Комитета по научно-технической политике, который стал центральным органом, ответственным за исследования и передачу информации о научно-технической политике отдельных стран-членов.

Практическая работа комитета заключалась в сборе статистических материалов относительно расходов на научные исследования, унификации методов сбора и оценки данных. Так, например, в 1964—1965 годах комитетом были разработаны единообразные количественные оценки расходов на НИОКР в рамках ОЭСР, проведено сравнение расходов на НИОКР и их эффективности, выявившее факт быстрого «перелива» результатов НИОКР из одной страны в другую.

Сравнительный анализ исследовательской работы осуществлялся на специальных встречах высокопоставленных правительственных чиновников стран-участниц. На одной из первых встреч министров по науке стран ОЭСР в 1963 году обсуждались вопросы научной политики, методов распределения научных ресурсов, места фундаментальных и общественных наук в общей научной программе.

Разногласия, возникавшие на начальном этапе деятельности ОЭСР, были связаны со стремлением наиболее развитых капиталистических стран в ряде случаев навязать свою волю менее развитым государствам. В качестве примера подобного рода может служить проведенное ОЭСР сравнительное исследование организации НИОКР в развитых капиталистических странах Европы и Северной Америки. За внешней формой объективного сравнительного исследования фактически скрывалось стремление навязать более слабым «малым странам» Европы систему организации НИОКР как она существует в наиболее крупных государствах Европы и Америки³².

Однако в целом начальный этап деятельности ОЭСР протекал относительно безболезненно и был связан с обеспечением унификации используемой технической информации, расширением информационного обмена между странами-членами и не включал в себя активных действий по регулированию исследовательской политики стран-членов.

Наиболее острые разногласия стали возникать, когда организация перешла к координации научной политики. Интересно, что временные рамки этого периода начинаются с 70-х годов, то есть совпадают с переходом к единой внешнеторговой политике «Общего рынка».

Ориентация на обеспечение свободного обмена научно-технической информацией не снимается с повестки дня, но в то же время основное значение начинают приобретать вопросы координации исследовательских работ. Так, например, в 1971 году была подписана конвенция об образовании международного института по проблемам управления технологиями. В 1972 году по инициативе ОЭСР началось исследование по определению единой транспортной стратегии, а также совместная деятельность стран ОЭСР по разработке «типологии» рекомендуемой политики в области исследовательских работ стран-членов. Создается и начинает действовать группа высококвалифицированных экспертов по текущей оценке научно-технической политики стран-членов. Важным направлением деятельности ОЭСР становится работа по созданию проблемных групп для исследования ряда сложных процессов, как, например, коррозия металлов или загрязнение окружающей среды. Суть работы заключалась в разбивке решаемой проблемы на отдельные вопросы, с последующим распределением всего комплекса работ, заказываемых отдельным национальным лабораториям.

Распределение заказов, в свою очередь, означает выде-

ление дополнительных средств на закупку оборудования, создание новых и расширение старых исследовательских центров, на разработки и т. д., то есть усиление позиций отдельных национальных исследовательских центров. Следствием стимулирования деятельности национальных исследовательских центров, институтов и лабораторий становится рост противоречий между отдельными капиталистическими странами, борющимися за наиболее выгодные заказы. Это вынуждены признать и сами западные исследователи, занимающиеся вопросами координации исследовательских работ. Так, обобщая эти тенденции, профессор норвежского института международных отношений Д. Саннес говорит о наличии двух типов координации: пассивного и активного³³. Под пассивной координацией Саннес подразумевает выполнение ряда функций чисто технического характера, как например регистрация, систематизация, обмен информацией, касающейся текущих программ и исследований. Отличительная черта пассивной координации, замечает автор, заключается в том, что инициатива в области планирования, разработки и выполнения программ исходит от исследователей, а не национальных и наднациональных органов.

Активная координация, подчеркивает Саннес, в отличие от пассивной, ведет к возникновению политических трений и противоречий. С активной координацией автор связывает наличие координирующего органа, задача которого заключается прежде всего в воздействии на процесс межнациональной координации и регулировании «сверху» национальных программ.

Автор выделяет три группы противоречий, вытекающих из программ межгосударственной координации: во-первых, противоречия между задачами и целями исследований отдельных частных фирм, ориентирующихся на достижение максимума прибыли, и международными программами, отличающимися глобальным подходом; во-вторых, трудности получения информации о НИОКР, что связано с конкурентной борьбой за рынки сбыта; наконец, в-третьих, наличие проблем, возникающих в связи с деятельностью международной промышленно-экономической системы, под которой автор подразумевает международные монополии. Промышленно-экономическая система функционирует по определенным нормам, не соответствующим правилам и задачам национальных государств, а зачастую и вступающим в противоречие с ними. В настоящее время, указывает автор, отсутствует какая-либо значительная и эффективная

форма наднационального контроля над деятельностью этой системы. Вывод, к которому приходит исследователь, весьма знаменателен. Он заключается в том, что проблема координации исследований носит прежде всего политический характер.

С этим выводом можно согласиться, добавив, что наличие политических трудностей при координации исследовательской работы между отдельными странами объясняется прежде всего характером самой капиталистической системы. Элемент секретности, окутывающий промышленные разработки капиталистических фирм, связан с необходимостью выживания в острой конкурентной борьбе монополий на рынке новых и новейших товаров. Промышленный шпионаж и похищение «технологических секретов» конкурирующих фирм — обычные явления на капиталистическом рынке. Типичным можно назвать разразившийся летом 1982 года скандал, когда несколько японских монополий были пойманы при попытке выкрасть секреты производства электронного оборудования американской фирмы «Интернэшнл бизнес машинз» (ИБМ).

Трудности при разработке и осуществлении координационных программ объясняются тем, что каждая развитая капиталистическая страна ставит задачу зарезервировать за собой центральные, определяющие научно-технический прогресс исследования и разработки.

Таким образом, противоречия в рамках активной координации исследований, о которых говорит автор, — это прежде всего трудности использования достижений науки и техники в условиях капиталистического производства с его ориентацией на национальные интересы в противоположность общемировому значению науки и техники.

Несмотря на используемую автором искусственную терминологию, Д. Саннесу удалось нарисовать правильную картину расширения межимпериалистических противоречий по мере развития координационных программ. Следует, однако, заметить, что, как показывает практика деятельности ОЭСР, наличие координирующего органа имеет место не только на конечном, но и на начальном этапе координационного процесса.

Объективную оценку трудностей межнациональной координационной деятельности дает уже упоминавшийся ранее А. Кинг, характеризующий тенденции координации НИОКР в странах Европы в 70-х годах. Межминистерские комитеты, созданные в ряде стран для обеспечения межгосударственной координации НИОКР, превращались в

средство сохранения имущественных интересов и оказывались не в состоянии формировать общую политику. Отсутствовала централизованная политика, функции планирования были разбиты между отдельными органами; лица, занимающиеся финансовыми решениями, были вынуждены распределять средства в основном в соответствии с национальными экономическими потребностями. Соответственно отдельные страны оказывались не в состоянии координировать свою собственную политику в различных международных органах, что усложнило проблему международной координации.

За ширмой общих разговоров о «беспрепятственном» передвижении технологии между развитыми капиталистическими странами — участницами ОЭСР скрывались острые межгосударственные противоречия, возникавшие, правда, в несколько иной, своеобразной плоскости — межгосударственного регулирования НИОКР и их направленности.

Особенность технологии связана прежде всего с тем, что ее производителями являются крупнейшие международные монополии, сконцентрированные в современных наукоемких отраслях. Широкое развитие НИОКР, использование их результатов для контроля за деятельностью своих филиалов, в том числе и за рубежом, является важным элементом функционирования современных транснациональных корпораций. Такого рода внутрифирменный межгосударственный контроль приобретает все черты наднационального регулирования, осуществляемого на частно-монополистическом уровне.

Внутрифирменная передача технологии составляет большую и, что самое главное, растущую долю международной передачи лицензий. Если, например, в 1970 году на внутрифирменную торговлю пришлось 66% всех лицензионных поступлений, то в 1978 году эта доля достигла 82% всех поступлений.

Абсолютизация факта интернациональной передачи технологии на внутрифирменном уровне вызвала к жизни создание моделей деятельности ТНК. Разработка этих моделей связана с именами наиболее известных западных специалистов по ТНК — Ч. Киндлбергером, Р. Верноном и т. д. В наиболее полной и законченной форме эта идея получила распространение в работах П. Баклея и М. Кассона³⁴, выдвинувших концепцию возникновения и деятельности ТНК как следствие интернационализации рынка знаний. По своему существу эти взгляды представляют собой ва-

риант разработок структуралистов, исследовавших развитие международных монополий в отдельных отраслях производства.

Как подчеркивают авторы, именно рынок знаний отличается тенденцией к интернационализации и централизованному регулированию на внутрифирменном уровне. Исследователи связывают это с рядом показателей, характеризующих специфику НИОКР. Проведение НИОКР — относительно длительный процесс, требующий перспективного планирования и синхронизации деятельности различных групп. Знание по своей природе представляет собой форму монополистических преимуществ, которые лучше всего могут быть использованы на основе централизованного межгосударственного контроля. Необходимость специальных условий (наличие ЭВМ, особой технологии производства и т. д.), делающих возможным потребление знаний, ограничивает число потребителей небольшим количеством фирм, занимающих монопольное положение. Отсюда авторы делают однозначный вывод: «Связь между интернационализацией рынков и многонациональной корпорацией проста: ТНК создаются во всех случаях, когда имеет место интернационализация рынка за пределами границ государства»³⁵.

Как видно из этого изложения, буржуазные исследователи в качестве основы появления ТНК, осуществляющих свободную передачу технологии между странами, берут тенденцию развития рынка знаний, то есть выдают следствие за причину. Монополизация производства отдельных отраслей и выход монополий на внешний рынок являются следствием имманентно присущего капитализму стремления к постоянному расширению производства. Это заложено в самой системе капиталистического производства. «...Капиталистическое предприятие,— указывал В. И. Ленин,— неизбежно перерастает границы общины, местного рынка, области, а затем и государства. И так как обособленность и замкнутость государств разрушены уже товарным обращением, то естественное стремление каждой капиталистической отрасли промышленности ведет ее к необходимости „искать внешнего рынка“»³⁶.

Что касается специфики НИОКР, то она выступает в данном случае лишь в качестве средства, облегчающего захват внешних рынков и уничтожение конкурентов, играя при этом весьма важную роль. Штаб-квартира ТНК, контролирующая передачу технологии из одной страны в другую, фактически действует в качестве наднационального

органа с целью извлечения монополистической прибыли, исходя из возможностей мирового рынка. Вполне понятна поэтому заинтересованность ТНК и отражающих их интересы межгосударственных организаций в обеспечении бесконтрольной, ничем не регулируемой передачи технологии через национальные границы.

Качественно иное положение возникает при переходе к так называемому позитивному регулированию, что подразумевает распределение программ финансирования НИОКР между странами по линии государственных или международных органов и связанное с этим усиление монополий соответствующей страны.

Постановка национальным лабораториям отдельных технических задач в рамках общей координированной программы автоматически означает выделение значительных средств из национальных или международных финансовых источников, а соответственно переоборудование старых, а иногда и создание новых исследовательских центров.

Стимулирование экспорта лицензий развивается не по пути финансирования способов преодоления национальных ограничений, а по линии государственного субсидирования исследовательских работ в требуемых отраслях. Либерализация технологического обмена прикрывает острую конкурентную борьбу по вопросам финансирования научно-технических разработок, распределения НИОКР по отраслям между отдельными государствами.

Было бы ошибочным абсолютизировать возможности создаваемых межнациональных органов, какими бы правами или полномочиями они ни наделялись в будущем. Национальные государства в развитых странах рассматривают целый ряд вопросов (например, определение важнейших направлений исследований, финансирование НИОКР по ряду перспективных направлений) в качестве важнейшей составной части своего суверенитета и не расположены к передаче этих прав межнациональным органам.

Это касается прежде всего новых отраслей, например электроники, которая рассматривается как одно из важнейших направлений научно-технического прогресса. Страны Западной Европы, стремясь ослабить свою зависимость от американских монополий, приняли в 70-х годах ряд крупномасштабных программ по государственному финансированию развития этой отрасли и укреплению ее конкурентоспособности.

В Великобритании национальное объединение предпринимателей приняло решение выделить финансовые сред-

ства (до 25% капитала отдельных фирм) для стимулирования производства и экспорта ЭВМ. В Японии фирмы — производители ЭВМ получили от правительства субсидии на изготовление новой продукции в размере 175 млн. долл. сроком на пять лет (1979—1983 гг.).

Аналогичные программы достижения технологического преимущества в новых отраслях проводились западноевропейскими правительствами в области ракетно-космической, химической, авиационной и других отраслях промышленности.

Как свидетельствуют данные, в том числе подсчеты советских исследователей, вмешательство национальных государств в финансирование НИОКР в развитых капиталистических странах весьма значительно. Так, например, доля национальных государств в финансировании НИОКР на середину 70-х годов составляла в Великобритании — 51%, Франции — 70, ФРГ — 47, США — 55, в Японии — 28%. Большая часть средств была истрачена на военные исследования и некоторые виды НИОКР, не выходящие на внешний рынок. Что же касается отраслей промышленности, непосредственно связанных с международной торговлей, то здесь показатели финансирования НИОКР еще более высокие и составили соответственно 69,2%, 61,9, 78,4, 52 и 85%.

* * *

Анализ взглядов буржуазных исследователей по вопросам деятельности международных организаций, регулированию на межгосударственном уровне международных экономических отношений развитых капиталистических стран дает возможность выделить ряд тенденций, общих для внешней торговли, валютно-финансового регулирования и передачи технологии.

Тенденция к ломке традиционно сложившихся после второй мировой войны форм межгосударственного регулирования и связанных с ними принципов деятельности межгосударственных организаций становится особенно заметной в 70-х годах, что объясняется экономическим кризисом 1974—1975 годов, ставшим переломным моментом в послевоенной истории промышленно развитых стран капитализма. Изменения в той или иной форме затрагивают практически все крупнейшие межгосударственные организации, ответственные за внешнюю торговлю, валютно-финансовую

сферу и передачу технологии развитых капиталистических стран.

Модификация принципов деятельности ГАТТ и ОЭСР в области регулирования внешней торговли развитых капиталистических государств направлена на распространение сферы деятельности этих органов на систему национального налогообложения, субсидирования производства, национальные стандарты, регулирующие использование технологически сложных импортных товаров.

На усиление наднациональности направлены проведенные в 70-х годах изменения в принципах деятельности МВФ. Они ставят задачу повысить роль и значение этого органа, включить в сферу его регулирования финансирование некоторых отраслей национальной экономики, систему налогообложения отдельных государств, то есть вопросы, традиционно относящиеся к национальной финансовой политике.

В области передачи технологии, где отсутствует единый межгосударственный орган, регулирующий этот процесс, объектом дискуссий становятся вопросы координации национальных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, осуществляемые в рамках ОЭСР.

Возникающее в ряде случаев дублирование воздействия различных межгосударственных органов на одни и те же области национальной экономической политики (как, например, налогообложение и политика финансирования отдельных отраслей производства) объясняется попытками решить общую задачу — регулирования сферы взаимодействия национального хозяйства с мировым рынком.

Новым важным моментом в деятельности крупнейших межгосударственных организаций становится тенденция к усилению гибкости и быстроты реакции на возникающие изменения в системе международных экономических отношений.

Модификация норм и принципов уже действующих институтов развивается одновременно с созданием практически новых институциональных структур, как например ежегодные совещания семи крупнейших капиталистических стран, которые проходят начиная с 1975 года. Последняя встреча состоялась в мае 1983 года в Вильямсберге.

Однако результаты встреч показывают бесперспективность попыток выработать эффективный механизм регулирования хозяйственных процессов на межгосударственном уровне. Неудачей закончились попытки делегации США дополнить встречи «семерки» новым постоянно функциони-

рующим органом — встречей министров экономики и финансов семи государств.

Анализируя тенденции к интернационализации хозяйственной жизни, буржуазные исследователи разрабатывают программы дальнейшего усиления координации, развития элементов наднациональности, охвата новых сфер национального регулирования действующими организациями. При этом постепенно исчезают различия между отдельными направлениями и школами, крайне условным становится отнесение отдельных представителей к группам структуралистов, неокейнсианцев или неоклассиков.

Стремлению буржуазных исследователей разработать новые модели и методы межгосударственной координации и регулирования противостоит объективная тенденция к углублению кризиса политической и экономической системы капитализма.

Противоречивые тенденции к расширению регулирования внешнеэкономической сферы и развития межимпериалистических противоречий находят свое отражение в разработке теорий регулируемой свободной торговли, регулируемого колеблющегося валютного курса.

Одновременное введение взаимоисключающих понятий представляет собой безуспешную попытку буржуазной экономической науки согласовать объективную тенденцию к необходимости усиления регулирования и координации, что является неизбежным следствием процесса интернационализации производства, с рыночными отношениями, наличие которых, как известно, ведет к постоянно проявляющимся межимпериалистическим противоречиям.

**МЕЖГОСУДАРСТВЕННАЯ КООРДИНАЦИЯ
СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ
И НАДНАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО
ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОТСТАЛОСТИ
И БОРЬБЫ ЗА НМЭП РАЗВИВАЮЩИХСЯ
СТРАН**

**1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИХ РОЛЬ
В РЕГУЛИРОВАНИИ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ**

С выходом на международную арену перед развивающимися странами встала задача создания международной организации, которая смогла бы регулировать их внешнюю торговлю, базируясь на нормах и принципах, качественно отличных от идеи взаимной либерализации, как это было определено в ГАТТ. Борьба за создание такой организации, действующей под эгидой Организации Объединенных Наций, развернулась в начале 60-х годов.

В 1962 году на конференции 36 развивающихся стран вопрос о создании специальной организации по регулированию внешней торговли развивающихся стран был впервые поставлен со всей определенностью. Принятая на этой конференции декларация поддерживала идею созыва международной экономической конференции в рамках Организации Объединенных Наций.

Претворение в жизнь этой идеи осуществлялось в ходе напряженной борьбы с представителями западных стран, рекомендации которых сводились к передаче вопросов торговли и развития развивающихся стран в ведение ГАТТ, важнейшие принципы и направления деятельности которого полностью соответствовали потребностям развитых капиталистических стран. Пытаясь несколько модифицировать ГАТТ, не меняя его основополагающих положений, и стремясь не допустить создания новой международной организации, в 1963 году на встрече представителей развитых капиталистических стран был принят IV раздел Генерального соглашения, специально посвященный вопросам развития торговли развивающихся стран.

Предложения же развивающихся стран были направлены на кардинальный пересмотр системы регулирования

международных капиталистических торговых отношений и создание качественно новой организации. Страны социалистического содружества оказали значительную поддержку укреплению самостоятельной роли развивающихся государств в регулировании внешней торговли. Развивающиеся страны совместно с социалистическими государствами подготовили проект создания Международной торговой организации (МТО), которая могла бы регулировать международную торговлю, базируясь на качественно иных принципах. Деятельность МТО, как предполагалось, должна была включать ряд новых принципиальных положений, учитывающих специфику развивающихся и социалистических стран, ставших активными субъектами международных экономических отношений. С самого начала создания новой организации Советский Союз выступал за расширение ее деятельности и, принимая участие во всех важнейших форумах и заседаниях, разработал ряд положений, которые легли в основу ее работы и деятельности.

Новая организация, о создании которой было объявлено в 1964 году на конференции в Женеве, получила название «Конференция ООН по торговле и развитию». ЮНКТАД рассматривала торговлю как важнейшее средство обеспечения высоких темпов экономического роста развивающихся стран. Неоклассической программе либерализации внешнеторгового обмена была противопоставлена идея активного регулирования внешнеторговых и внешнеэкономических связей на международном уровне.

Генеральный секретарь ЮНКТАД Г. Кореа, оценивая принципиальные идеи, заложенные в создаваемую международную организацию, подчеркивал, что задачи развития не могут быть обеспечены на основе спонтанного действия рыночных сил, поэтому необходимо проведение целенаправленной политики и осуществление изменений в системе и организациях.

Страны — создатели ЮНКТАД ориентировались на предоставление этой организации широких полномочий в области регулирования различных сфер международных экономических отношений. «Концепция взаимосвязи торговли, денежных средств, финансов лежала в основе послевоенной системы и обеспечила предоставление ЮНКТАД широкого мандата с самого начала»¹.

ЮНКТАД охватывает широкий спектр мероприятий по регулированию национальной экономики и включает не только сугубо внешнеэкономические, но целый ряд тех элементов национальной экономической политики, которые в

той или иной степени связаны с внешней торговлей, передачей финансовых ресурсов и т. д.

Выраженные в общей форме эти положения были зафиксированы в Принципах международных торговых отношений и торговой политики, принятых на I сессии ЮНКТАД. Стержневой идеей, пронизывающей все принципы, является тезис о необходимости активного регулирования внешнеторговой и внешнеэкономической деятельности с целью экономического развития развивающихся стран.

Признавая национальный суверенитет в качестве основы внешнеторгового регулирования, ЮНКТАД запрещает дискриминацию на основе различий социально-экономических систем, предоставляет странам право свободного распоряжения своими природными ресурсами. Таким образом, постулировалось право развивающихся государств на национализацию собственности иностранных компаний, расположенных на территории развивающихся стран. Эти идеи были заложены в первый, второй и третий принципы деятельности ЮНКТАД.

Странам-участникам рекомендовалось проводить внешнюю и внутреннюю политику на ускорение экономического роста во всем мире, с тем чтобы уменьшить существующий разрыв между уровнем жизни в развивающихся и развитых странах (четвертый принцип). С этой целью развитым странам предлагалось поощрять проведение соответствующих преобразований в своей собственной экономике (пятый принцип). В качестве составной части такого сотрудничества рассматривалось постепенное сокращение и устранение барьеров и прочих ограничений, которые препятствуют торговле и потреблению товаров развивающихся стран (седьмой принцип). Сюда же входили предложения, направленные на стабилизацию экспортной выручки от сырьевых товаров, поддержание взаимоприемлемого соотношения цен на готовые изделия и сырьевые товары.

Развивающиеся страны добились права на невзаимные преференции, то есть односторонние таможенно-тарифные уступки со стороны развитых капиталистических государств (восьмой принцип).

ЮНКТАД предусматривает совместную разработку международной финансовой и валютной политики с учетом потребностей развивающихся стран в области торговли и развития (одиннадцатый принцип). Следует, однако, заметить, что принятые принципы не предусматривали каких-

либо форм активного воздействия на развитые капиталистические страны на межгосударственном уровне.

Идее узкой внешнеторговой либерализации с целью наиболее эффективного использования имеющихся факторов производства, заложенной в ГАТТ, ЮНКТАД противопоставила программу межнационального регулирования изменения отраслевых пропорций, налогов, в том числе таможенно-тарифной, политики.

Следовательно, вопросы координации внутриэкономической политики, усиления значимости проблем налогообложения, внешнеэкономического финансирования были заложены в деятельность ЮНКТАД с самого начала. Развивающиеся и социалистические страны совместно добились официального признания ЮНКТАД тезиса о том, что новые правила международной торговли не могут быть достаточно эффективными, если не будут дополнены согласованными на многосторонней основе принципами, ограничивающими влияние экономических мероприятий внутреннего характера.

По своему содержанию, целям, задачам, принципам построения ЮНКТАД в большей степени, чем другие организации, соответствовала объективным потребностям экономического развития мирового хозяйства. Отличия в принципах и задачах деятельности трансформировались в организационной структуре, которая носила более оформленный и логичный характер.

Ориентация ЮНКТАД на широкое межгосударственное регулирование норм и принципов национальной экономической политики вызвала критическое отношение к ее деятельности буржуазных исследователей, которые опасались, что претворение в жизнь общих принципов может поставить под вопрос существующее преимущественное положение развитых капиталистических стран в современной системе международного капиталистического разделения труда. Не решаясь по политическим причинам подвергать критике основополагающие нормы деятельности и задачи, как они были сформулированы и приняты подавляющим числом государств, буржуазные исследователи сконцентрировали свое внимание на вопросах организационной деятельности, и прежде всего на так называемом групповом принципе работы ЮНКТАД.

Суть его сводится к тому, что все страны делятся на группы в зависимости от их принадлежности к тем или иным группировкам и выдвигают предложения от группы стран как единого целого. С этим связано деление стран

на группы: А — куда входят развивающиеся страны Азии и Африки; В — развитые капиталистические страны; С — латиноамериканские развивающиеся страны; D — европейские социалистические страны. Основное число мест предоставлено развивающимся странам, входящим в группы А и С. По всем наиболее важным проблемам голосование должно осуществляться от имени группы стран как единого целого. Этот принцип, определяемый как принцип координированной деятельности групп стран, применялся в процессе всей деятельности ЮНКТАД не только на ее сессиях, но и во время заседаний комитетов и комиссий.

Несмотря на определенные недостатки, связанные с неизбежной в таких случаях расплывчатостью принимаемых решений, эта система безусловно усиливает организационную целостность ЮНКТАД как органа развивающихся стран. Обладая значительным количеством мест в основных органах, развивающиеся страны могут обеспечивать принятие требуемых решений.

Это особенно четко проявилось уже на I сессии ЮНКТАД, когда при наличии подавляющего большинства голосов у развивающихся стран были приняты основополагающие принципы. Несмотря на активные попытки США и ряда западных стран ликвидировать эту систему, разделяя развивающиеся страны по отдельным группировкам и блокам, приверженность групповому методу принятия решений продолжает оставаться важнейшей чертой деятельности ЮНКТАД.

Критикуя групповой метод, западные исследователи фиксируют внимание на таких его чертах, как неизбежный компромиссный и половинчатый характер принимаемых решений. Например, исследователь английского института международных отношений Дж. Фосет² подчеркивает, что такая система приводит к разделению противоборствующих стран на две группировки, где развитым противостоят развивающиеся государства в блоке с социалистическими странами.

Профессор Чикагского университета К. Дам³, указывая на недостатки групповой системы, связывает их с необходимостью учета мнения всех развивающихся стран, участвующих в переговорах. С точки зрения автора, это даст возможность радикально настроенным странам практически блокировать ход переговоров. Исследователь полагает, что последующие трудности в деятельности ЮНКТАД были предопределены рядом доктринарских решений, принятых при негативном отношении тех стран, которые были

обязаны их выполнять. Принципам деятельности ЮНКТАД исследователь противопоставляет методику принятия решений в ГАТТ, предусматривающую согласие всех стран, участвующих в выполнении решений. Как считает Дам, принятие IV раздела дает возможность изменить ГАТТ и приблизить его деятельность к ЮНКТАД. В качестве доказательства своего тезиса автор ссылается на то, что в новой части предусматривается отказ от принципа взаимности, используемого при снижении таможенного налогообложения. Соответственно рекомендуется перенести обсуждение основных вопросов торговли развивающихся стран в ГАТТ.

Перенос вопросов внешнеторгового регулирования в сферу деятельности ГАТТ, как это предлагает автор, неизбежно оказал бы негативное влияние на позиции развивающихся стран. Вопросы таможенно-тарифного налогообложения — это лишь один из элементов внешнеэкономического регулирования, исследуемого в более широком плане в ЮНКТАД. Неизбежным следствием рекомендуемого Дамом изменения стало бы сужение круга рассматриваемых вопросов, ограничение возможностей развивающихся стран активно воздействовать на весь комплекс мирохозяйственных связей современного капитализма.

Искусственный характер носит и сама попытка противопоставления методики принятия решений. ЮНКТАД, хотя и обладает большим политическим весом, не может принуждать государства выполнять программу, за которую они отказались голосовать. Это ясно проявилось уже после первой сессии, когда развитые капиталистические страны отказались от выполнения большинства резолюций, принятых подавляющим числом голосов.

Стремление развивающихся стран к объединению своих усилий на групповой основе, против которого выступают буржуазные исследователи, связано с общностью их интересов, невозможностью решать свои задачи иначе как путем координации действий. Обладая сравнительно небольшим политическим весом и малым экономическим потенциалом, эти страны стремятся оказать воздействие на формирование принципов и норм внешней торговли на основе коллективных действий.

Особенностью группового принципа принятия решений является обобщение точек зрения всех развивающихся стран, и поэтому их выступления в качестве единой группировки становятся мощным средством эффективной борьбы против господства развитых стран, средством укрепле-

ния организационной целостности и единства ЮНКТАД как органа развивающихся стран.

Очередной этап дискуссий, посвященных вопросам международных экономических отношений, наступил во второй половине 70-х годов в связи с началом борьбы развивающихся стран за новый международный экономический порядок (НМЭП).

Важнейшей задачей НМЭП стал пересмотр ряда основополагающих программ внешнеторгового регулирования, которые отныне уже не соответствуют реалиям сегодняшнего дня. Речь при этом идет не о второстепенных изменениях, а о качественной перестройке правил и норм международных экономических отношений. Как указывается в Программе коллективного самообеспечения и рамок для переговоров, принятой в Аруше в мае 1979 года, «необходим полный их (правил. — В. Б.) пересмотр с учетом новых реальностей мировой экономики для создания такой системы, основной целью которой будет развитие развивающихся стран»⁴.

Пересмотр правил и норм регулирования дополнялся программой изменения институциональных форм международных организаций. Обязательной составной частью программы НМЭП явились положения, касающиеся коренной реорганизации международных институтов, занимающихся внешней торговлей, обеспечения большей универсальности их действий, а также возможностей воздействия на международные экономические отношения в глобальном плане. Что касается конкретных дискуссий по изменению институциональных основ регулирования внешней торговли в связи с принятием программы НМЭП, то они в основном концентрировались вокруг двух групп вопросов: тенденций развития ЮНКТАД, а также создания новых программ и фондов, призванных регулировать торговлю развивающихся стран по региональному или товарному признаку.

Новое качественное изменение в деятельности ЮНКТАД заключалось в том, что до начала 70-х годов основное внимание уделялось общим дискуссиям и принятию резолюций, имевших в основном рекомендательный характер. После принятия программы НМЭП ЮНКТАД превратилась в основной орган для переговоров в области торговли и развития. Расширились и стали более постоянными контакты между национальными правительствами и Секретариатом ЮНКТАД, объектом рассмотрения и анализа стали переговоры по интегрированной программе по сырью, в том числе учреждение общего фонда, заклю-

чение ряда соглашений по сырьевым товарам, принятие международного кодекса поведения в области передачи технологии, принципов и правил, регулирующих ограничительную деловую практику.

Развивающиеся страны настаивали на расширении ЮНКТАД, включении в сферу ее деятельности новых областей международных экономических отношений. Уже в начале 70-х годов на III сессии ЮНКТАД в Чили вниманию участников был предложен так называемый «Бразильский меморандум», предлагавший значительно расширить деятельность организации с учетом специфики различных торговых потоков между капиталистическими, развивающимися и социалистическими странами⁵.

В разделе, касающемся торговли между развитыми и развивающимися странами, предлагалось значительно расширить преференции, предоставляемые развивающимся странам на сырьевые товары, и ограничить использование мер нетарифного протекционизма.

Предложения включали программу расширения сферы деятельности организации, распространения ее на решение финансовых вопросов, проблем технической помощи. Предлагалось усилить права контроля организации за выполнением принятых решений.

Обсуждение вопросов институциональных изменений ЮНКТАД, в частности расширения ее полномочий, проводилось во время VI и VII специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 и 1975 годах. Ухудшение позиций развивающихся стран, оказавшихся в трудном положении в связи с энергетическим кризисом, падение цен на экспортируемые ими продукты и нежелание развитых капиталистических стран менять установившуюся систему регулирования внешней торговли — все это не дало возможность существенно расширить сферу деятельности ЮНКТАД, провести сколько-нибудь значительную реорганизацию. Единственно, чего удалось добиться развивающимся странам, — это констатации того факта, что «ни ЮНКТАД, ни ГАТТ в отдельности и вместе не удовлетворяют новым критериям (регулирования международных экономических отношений. — В. Б.), в связи с чем необходимо рассматривать вопросы торговли и развития в более широком плане»⁶.

В конце 70-х годов по инициативе развивающихся государств страны — члены ЮНКТАД снова вернулись к рассмотрению вопросов реорганизации. Институциональные вопросы, связанные с изменением основ деятельности

ЮНКТАД, были поставлены во время подготовки к Блградской сессии 1983 года.

Предложения по реорганизации ЮНКТАД, с которыми выступили развивающиеся страны, включали ряд положений. Предлагалось расширить число представителей стран, приглашаемых на совещания, проводимые по линии Совета по торговле и развитию — основного органа ЮНКТАД, создать эффективную систему повышения квалификации приглашаемых специалистов, добиваться большей гибкости в отношении прав использования выделенных финансовых средств и т. д. Перечисленные предложения, как видно из предшествующего изложения, носят весьма ограниченный характер и не направлены на изменение кардинальных принципов функционирования организации.

Что касается более серьезных организационных изменений, то развивающиеся страны выступили с предложением, чтобы Генеральная Ассамблея приняла специальную резолюцию, разрешающую совету ЮНКТАД провести исследование перспектив и направлений деятельности организации⁷. Однако рассмотрение этих вопросов встретило резкое сопротивление развитых капиталистических стран, в результате чего решение вопросов реорганизации было отложено на неопределенный срок.

Острые дискуссии развернулись в процессе обсуждения организационных форм регулирования торговли экспортными товарами развивающихся стран, прежде всего сырьем. Собственно механизм регулирования этих товарных потоков в рамках НМЭП на межгосударственном уровне включает в себя региональные и многосторонние институты интеграции развивающихся стран в виде совместных банков, многосторонних государственных и частных организаций, фондов развития и т. д. Однако далеко не все проекты реализовались на практике. Наиболее ярким примером разработанной программы, принявшей конкретные организационные формы и оказавшей определенное влияние на внешнюю торговлю развивающихся стран, может быть интегрированная программа по сырью, широко обсуждавшаяся как экономистами, так и законодательными органами ряда стран.

В 1976 году на IV сессии ЮНКТАД в Найроби был принят проект стабилизации международной торговли сырьевыми товарами, получивший название интегрированной программы по сырью. Впервые в практике международного регулирования торговли была предпринята попытка создать мощный институциональный механизм для обе-

спечения сбыта сырьевых товаров развивающихся стран. Интегрированная программа по сырью объединяла крупнейших потребителей и производителей сырья в капиталистическом мире.

Отличительной чертой интегрированной программы явился обобщенный подход к развитию товарных рынков в противоположность предшествующим попыткам их регулирования в отдельности. Неизбежность таких совместных усилий вытекала из необходимости борьбы против монополистических объединений, контролирующих большинство сырьевых рынков.

По форме программа повторяет ряд важнейших черт товарных соглашений, которые ранее уже заключались по отдельным сырьевым товарам: какао, олову, сахару. Однако по существу интегрированная программа представляет собой решительную попытку ограничения рыночной стихии и господства международных монополий. Механизм действия программы призван обеспечить регулирование торговли некоторыми товарами на межнациональном уровне.

Программа включает создание общего фонда финансирования международных сырьевых запасов, координацию национальных действий, принятие совместных мер по контролю над поставками тех видов сырья, в отношении которых буферные запасы не могут решить проблему обеспечения справедливых экспортных цен.

Особую остроту приобрели дискуссии по вопросам функционирования общего фонда — центрального элемента всей программы. Уже во время конференции в Найроби в 1976 году выявились серьезные разногласия между позициями развитых капиталистических стран, предлагавших вести переговоры по отдельным товарным группам, и развивающихся стран, выступавших за создание единого фонда по всем товарным группам. Последующие дискуссии, проводившиеся в 1977 году, выявили более глубокие разногласия между развитыми и развивающимися странами.

Проект соглашения об общем фонде развивающихся стран исходил из того, что фонд должен иметь в своем распоряжении два независимых счета: первый счет — для краткосрочного финансирования международных и национальных буферных запасов важнейших сырьевых товаров (объемом 4,5—5,5 млрд. долл.); другой счет предназначен для развития производства и диверсификации экспорта. Наличие второго счета усиливало возможность фонда активно влиять на структурную реорганизацию производства, противостоять деятельности международных монополий

развитых капиталистических стран. Становясь центральным элементом всей интегрированной программы, общий фонд должен был устанавливать более тесные связи с ассоциациями производителей сырья.

По мнению развитых капиталистических стран, задачи фонда должны быть связаны с созданием краткосрочных буферных запасов для предотвращения потерь от временных колебаний цен. При этом предлагалось максимально децентрализовать его деятельность, ориентируясь на потоварный (раздельный) подход к регулированию рынков сырья.

На практике это означало отказ от стабилизации рынков сырья, где действуют низкие цены, и, наоборот, проведение стабилизационных мероприятий на тех рынках, где эти цены повышаются. Другими словами, речь идет об использовании межнационального регулирования с целью обеспечения поступлений сырья в США и другие развитые капиталистические страны по гарантированно низким ценам.

Не случайно, например, США отказались от взноса средств на второй счет, предназначенный для структурных изменений в экономике развивающихся стран.

Альтернативой общему фонду со стороны западных стран стали предложения США, которые на IV сессии ЮНКТАД выдвинули план создания международного банка ресурсов. Этот банк должен был содействовать разработке сырьевых ресурсов развивающихся стран с помощью прямого финансирования проектов развития и выпуска займов, что облегчило бы западным монополиям доступ к источникам сырья и гарантировало бы безопасность их инвестиций.

Выступая формально под лозунгом либерализации торговли, прежде всего торговли сырьевыми товарами, этот план был направлен на сохранение контроля транснациональных корпораций над сферой экспорта сырья. Развивающиеся и социалистические государства разоблачили истинные цели этого проекта — обеспечить в условиях возросшего риска национализации собственности иностранных монополий в развивающихся странах дополнительные стимулы и гарантии инвестиций международных монополий. Предложения США были отвергнуты большинством стран, поддержавших во время IV сессии ЮНКТАД идею создания межгосударственной организации в рамках интегрированной программы.

Принятие интегрированной программы в качестве рабо-

... документа ЮНКТАД вызвало резкую критику со стороны западных экономистов.

Центральным пунктом, по которому интегрированная программа была подвергнута наиболее ожесточенной критике представителями развитых капиталистических стран, был вопрос об эффективности тех институциональных мероприятий, которые формально были разработаны для ее претворения в жизнь. Именно с этих позиций критикует интегрированную программу профессор экономики Чикагского университета Г. Джонсон⁸. По его мнению, основной недостаток программы заключается в том, что она фиксирует внимание лишь на второстепенных, неосновных причинах колебаний цен, в то время как низкие доходы развивающихся стран связаны прежде всего с уровнем развития, то есть с более глубокими причинами отсталости.

Автор подчеркивает, что недостаточное количество средств, получаемых развивающимися странами за изготавливаемые товары, является следствием низкого уровня производительности труда и высоких темпов роста пародонаселения, что приводит к увеличению численности рабочей силы, выходящей на рынок труда и понижающей величину заработной платы.

Резкой критике подвергаются организационные аспекты программы. Г. Джонсон указывает: «В то время когда центральные и коммерческие банки вынуждены были признать, что они не имеют средств для эффективного вмешательства с целью стабилизации обменных курсов и прогнозирования поведения частных спекулянтов валюты, развивающиеся страны полагают, что международные организации легко могут контролировать рынки товаров»⁹.

Как видно, из провала попыток финансового регулирования международных рынков капиталов выводится невозможность наднационального регулирования рынков товаров. Действительно, как государственные, так и частные банки не смогли предотвратить волну валютных спекуляций частных фирм и прежде всего международных монополий, что привело к резким потрясениям международных валютных рынков в 70-х годах. Однако именно по причине того, что существующие частнокапиталистические институциональные органы не смогли справиться с валютным кризисом, для развивающихся стран, которым противостоят национальные и международные монополии развитых капиталистических государств, единственный выход заключается в создании мощных межгосударственных институциональных органов (в данном случае в виде составных эле-

ментов интегрированной программы). Иначе говоря, провал попыток регулирования мирового капиталистического рынка на частнокапиталистическом уровне требует осуществления государственного или наднационального регулирования частнокапиталистического предпринимательства в рамках отдельных товарных рынков.

Институциональные аспекты интегрированной программы по сырью стали объектом ожесточенных дискуссий в ряде законодательных органов развитых капиталистических стран Западной Европы, выйдя за рамки узкоэкономических вопросов и превратившись в объект острой политической борьбы.

Сотрудник ЮНКТАД, индийский экономист И. Чандра, характеризуя развернувшуюся в западногерманском бундестаге дискуссию по вопросам создания интегрированной программы, подчеркивает: «Большая часть критических аргументов, выдвинутых противниками интегрированной программы во время слушаний в бундестаге, основывалась на опасениях идеологического характера и на боязни, что программа ставит задачу заменить систему «свободного рынка» системой «центрального планирования и дирижизмом» в торговле товарами»¹⁰.

Действительно, интегрированная программа по сырью представляет собой попытку осуществить регулирование торговли отдельными товарными рынками на основании заново разработанных норм и принципов и, в частности, создания для этой цели глобального учреждения, обеспечивающего финансирование программы. Стремясь усилить свои позиции в переговорах с развитыми капиталистическими странами, развивающиеся государства вносят элемент коллективного, а в ряде случаев и наднационального регулирования в функционирование товарных рынков.

Само существование интегрированной программы представляет собой нарушение основополагающих норм, заложенных в ГАТТ. Как известно, в соответствии с базисными нормами ГАТТ активное воздействие на рыночный механизм с помощью межгосударственного регулирования может иметь место лишь в крайних случаях и в течение ограниченного периода времени.

Противодействие развитых капиталистических стран затруднило претворение программы в жизнь. Из 18 товаров интегрированной программы на начало 1983 года относительный прогресс был достигнут только по двум: натуральному каучуку и джуту. Задержались и сроки ратификации соглашения о создании общего фонда. Окончательный

срок вступления в силу соглашения о фонде перенесен на начало 1984 года.

Из многочисленных причин, объясняющих рост трудностей развивающихся стран, среди которых можно назвать валютно-финансовый кризис капитализма, инфляцию, валютные неурядицы и некоторые другие, важнейшей является нежелание международных монополий подвергаться каким-либо ограничениям в своей деятельности.

В исследованиях, подготовленных Секретариатом ЮНКТАД, неопровержимые факты доказывают доминирующую роль ТНК в производстве, переработке и сбыте сырьевых товаров. На долю внутрикорпорационной торговли сырьем приходится более половины всех торговых операций развивающихся стран с сырьем.

Противясь стабилизации рынков под предлогом сохранения условий рыночной конкуренции, эти фирмы осуществляют крупные спекулятивные махинации на международных сырьевых рынках. Вопрос о нормализации рынков сырья оказывается связанным и зависящим от решения проблемы контроля над деятельностью ТНК, обеспечения пределов их проникновения в сырьевые отрасли экономики развивающихся стран.

Интегрированная программа и ее важнейший институциональный механизм в виде общего фонда выступают таким образом в качестве международного института, деятельность которого противостоит политике ТНК, ограничивая и сужая возможности хищнического использования национальных ресурсов развивающихся стран. Для развивающихся стран коллективная форма регулирования, принимающая в отдельных случаях элементы наднациональности, является основным и важнейшим средством активного воздействия на условия торговли с целью обеспечения высоких темпов экономического развития.

2. ПРОГРАММЫ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН КАК СРЕДСТВО ПЕРЕСТРОЙКИ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ КАПИТАЛИЗМА

С самого начала своего создания МВФ как орган международного валютного регулирования ориентировался на предоставление кредитов в основном развитым капиталистическим странам. За период с 1947 по 1973 год из общей суммы кредитов в 25,6 млрд. СДР на долю промышленно развитых стран пришлось 17,4 млрд. СДР, или около 70% всех предоставленных средств.

Однако уже с конца 60-х и в начале 70-х годов происходит постепенное увеличение доли развивающихся стран в общем объеме кредитов МВФ. Эта тенденция особенно четко проявилась в середине 70-х годов.

В 1975 году был установлен порядок предоставления «продленных займов», на которые могли претендовать страны с большим дефицитом платежного баланса и структурными диспропорциями в экономике. Начали функционировать программы «дополнительного финансирования», в схему компенсационного финансирования было включено предоставление займов для покрытия убытков от роста стоимости импорта зерновых. Неоднократно увеличивались квоты стран-членов, что обеспечило рост объема заемных средств фонда. Результатом этих операций явилось общее увеличение объема средств, предоставляемых МВФ развивающимся странам.

Например, в конце 1981 года более $\frac{2}{3}$ выделенных фондом средств было предоставлено странам с годовым доходом на душу населения менее 700 долл., а половина — странам с доходом менее 300 долл. Это дало возможность буржуазным экономистам говорить об изменении характера деятельности МВФ. В действительности, сохранение проимпериалистической ориентации обеспечивалось прежде всего за счет неизменности (или незначительной модификации) принципов, положенных в основу деятельности МВФ.

Хотя создание МВФ, несмотря на ограниченность его кредитного потенциала, явилось реализацией идеи Дж. Кейнса о необходимости централизованного механизма для международного кредитования стран с пассивными сальдо платежного баланса, его функционирование базировалось на ряде важных элементов либеральной фритредерской концепции. Сюда относятся такие требования, как свободная обратимость валют, многосторонние валютные платежи, сохранение частных валютных рынков и некоторые другие, которые, хотя и в несколько модифицированной форме, должна была выполнять каждая страна, получая по линии МВФ так называемый «обусловленный кредит», то есть кредит из собственных заемных средств МВФ.

Важнейшие положения доктрины «обусловленного кредита» формулируются следующим образом:

1. Страна-заемщик должна быть готова следовать политике, намеченной для преодоления дефицита ее платежного баланса.

2. Политика страны должна быть совместима с целями МВФ и не должна вести к введению новых или усилению уже существующих торговых и платежных валютных ограничений.

3. Политика страны должна быть направлена на преодоление нехватки валютных средств в течение периода времени не длительного характера.

4. Политика страны должна способствовать увеличению ее валютных резервов, с тем чтобы она могла выкупать валюту у стран МВФ.

В принципе доктрина «обусловленного кредита» представляет собой теоретическое обоснование права фонда на активное воздействие на национальную экономическую политику стран-членов.

Формально доктрина «обусловленного кредита» касается лишь отдельных макроэкономических показателей. Однако на практике она широко используется в качестве обоснования права на вмешательство во внутреннюю и внешнюю экономическую политику страны, получившей заем у МВФ.

О том, как конкретно претворяется в жизнь эта доктрина, свидетельствует практика Индии, получившей в конце 1981 года кредит на сумму 5 млрд. СДР, сроком на три года в рамках программы урегулирования. В соответствии с соглашением, подписанным МВФ с Индией, кредитование будет осуществляться каждые три месяца. Предоставление квартального кредита зависит от той оценки, которую Секретариат МВФ даст ходу выполнения программ «приспособления» экономики. В случае если выполнение программ «модификации» будет признано неудовлетворительным, МВФ имеет право приостановить кредитование. В число вопросов, по которым руководство МВФ требует отчета от индийского правительства, входят: стратегия сельскохозяйственного развития, программы развития государственного сектора и ценообразования в государственном секторе, энергетическая политика, экспортная политика, либерализация импорта, кредитование за счет внешних источников. Как показывает вышеприведенный перечень программ, МВФ в своей деятельности выходит далеко за рамки общего обзора. В ряде случаев в понятие «обусловленного кредита» фонд включает требования откровенно политического характера.

Так, например, МВФ отказал в выдаче займов прогрессивному правительству Чили, возглавляемому С. Альенде. Причиной отказа явилась национализация собственности

иностранных компаний и прогрессивная политика страны во внешнеэкономической и внешнеполитической сфере.

Предоставив в 1979 году кредит Боливии в размере 150 млн. долл., фонд предложил осуществить девальвацию боливийского песо на 20%, увеличить цены на продукты питания, повысить цены на бензин и тарифы на проезд в общественном транспорте, что особенно сильно ударило по наименее обеспеченным слоям населения.

Из других примеров «обусловленного кредитования» можно сослаться на предоставление займа МВФ Танзании¹¹. В качестве условия предоставления кредитов МВФ потребовал девальвировать местную валюту на 60%, урезать социальные ассигнования, отменить контроль над ценами. Предоставление в конце 1982 года кредита Гвинее было обусловлено требованиями реорганизации предприятий государственного сектора, проведения упорядочения заработной платы, цен и т. д.¹² Аналогичное положение с предоставлением «обусловленных кредитов» другим развивающимся странам.

Формально доктрина «обусловленного кредита» касается как развитых, так и развивающихся стран. Однако фактически она оказывается непосредственно связанной прежде всего с развивающимися государствами. Дело в том, что развитые капиталистические страны имеют относительно легкий доступ к рынкам частного капитала и не особенно нуждаются в поддержке МВФ. Принципиально иное положение складывается у наименее развитых стран, ориентирующихся только на займы МВФ и использующих их все в большей степени. Важным при этом является то, что объем требований и степень обязательности их выполнения, от есть жесткость «обусловленного кредита», возрастают по мере увеличения предоставляемой суммы.

Ужесточение условий кредитования МВФ, не приводило, однако, к непосредственному увеличению эффективности «помощи» с точки зрения улучшения состояния платежного баланса развивающихся стран. Как показало специальное обследование МВФ результатов использования 29 развивающимися странами займов МВФ, полученных на условиях жесткой обусловленности, только в 50% случаев наблюдалось улучшение положения с платежным балансом и лишь в 30% имело место уменьшение темпов инфляции¹³.

Практика валютного регулирования платежного баланса развивающихся стран противоречит теоретическим концепциям, лежащим в основе доктрины обусловленности.

Объяснение дисбаланса в духе неоклассической теории не соответствует ситуации, складывающейся в развивающихся странах.

Рекомендуемая МВФ дефляционная политика, направленная на сокращение внутренних расходов, и прежде всего расходов на развитие государственного сектора, исходит из излишнего внутреннего спроса, возникающего на некотором этапе в связи с ошибочной финансовой политикой. Причина неудовлетворительного положения с торговым и платежным балансом связана с изменениями внешних условий и колебаниями цен на сырьевые товары, ухудшением условий торговли и финансирования.

В данном случае приемлемыми были бы изменения в структуре предложения, что требует осуществления новых капиталовложений, особенно в новейшие отрасли. Примером такого рода может служить энергетический сектор. Изменения и диверсификация энергетики как отрасли позволили бы уменьшить потребление энергии и расходы на импорт нефтепродуктов. В то же время такая политика требует крупных расходов на разработку новых энергоресурсов. Вложения в новые отрасли обычно связаны и с длительным периодом окупаемости. В специальном исследовании ЮНКТАД подчеркивается, что «значительная часть вызванного внешними факторами дефицита развивающихся стран требует регулирования, однако подобное регулирование является более медленным и требующим большого объема внешних ресурсов»¹⁴.

Политика МВФ, наоборот, ориентирована на уменьшение расходов, прежде всего в государственный сектор. Растущее число кредитов МВФ предоставляет развивающимся странам на условиях жесткой обусловленности, что предполагает сокращение капиталовложений как средство уменьшения расходов. Рецепты МВФ осложняют воспроизводство, заставляя страны, получившие займы, жертвовать развитием за счет «стабилизации», которая отвечает прежде всего интересам международных монополий, но не противодействует внешним факторам, обостряющим валютно-финансовую ситуацию в развивающихся странах.

Несмотря на протесты развивающихся государств и результаты исследований, говорящих о сомнительной эффективности важнейших положений доктрины «обусловленного кредита» в отношении развивающихся стран, МВФ продолжает ее придерживаться. Во второй половине 1982 года было объявлено о приостановке займов на сумму свыше 5 млрд. долл. из 18,4 млрд. долл. ранее обещанных 15 раз-

вивающимся странам. МВФ было выдвинуто требование о проведении в качестве условия предоставления займов требуемых реорганизаций в национальной экономической и финансовой политике.

Менее четко выраженной, но безусловно существующей, является «обусловленность кредитов», выдаваемых МБРР; особенно это касается займов, используемых для проведения структурной реорганизации. Основой позиции МБРР при выдаче таких кредитов служит положение, согласно которому наиболее эффективным средством структурной реорганизации является стимулирование действий рыночных сил. Эта позиция — следствие ориентации некоторых крупнейших кредиторов МБРР, прежде всего США, на максимальное расширение свободы частного предпринимательства, не стесненного какими-либо государственными ограничениями. Обследование, проведенное МБРР относительно условий предоставления помощи африканским странам, показало, что банк оказание дополнительной помощи заменяет рекомендациями по изменению экономической политики.

Таким образом, принцип «обусловленного кредита» остается важнейшим элементом, обеспечивающим сохранение проимпериалистической ориентации МБРР и МВФ, несмотря на определенные косметические приглаживания их деятельности в пользу развивающихся стран.

Не менее важным средством, дающим возможность сохранять и применять эту систему валютного контроля, является принцип квотирования голосов, то есть предоставления отдельным странам неодинакового количества голосов при принятии важнейших решений, связанных с выдачей кредитов и определением условий платежа. В МВФ квота определяется исходя из величины национального дохода, экспорта и импорта, валютных резервов страны. В момент создания фонда основная часть голосов принадлежала США и их западноевропейским союзникам, прежде всего Англии и Франции.

Неравномерность развития экономики капиталистических и развивающихся государств приводит к тому, что МВФ время от времени вынужден пересматривать и менять величину квот стран-членов, что ведет к изменению их доли голосов. Если в момент учреждения МВФ США имели 30% голосов, то на конец 70-х годов эта доля сократилась до 19,9%, для Англии эта величина соответственно уменьшилась с 14 до 6,97%. На первый взгляд может показаться, что имеет место уменьшение влияния крупней-

ших империалистических стран в МВФ. Однако такое впечатление было бы ошибочным, поскольку сокращение доли голосов развитых капиталистических стран в МВФ развивается одновременно с увеличением числа групп и категорий вопросов, для решения которых требуется специальное большинство, то есть вопросов, имеющих принципиальное значение с точки зрения политики МВФ. Так, например, если в первоначально принятом положении МВФ такое большинство требовалось для 9 категорий вопросов, то при первом изменении оно было расширено до 21 и во втором до 53 категорий.

Более того, в соответствии с последним пересмотром Устава МВФ абсолютная величина специального большинства голосов увеличилась с 80 до 85%, что практически обеспечило за США сохранение права вето на принятие решений фонда, несмотря на уменьшение их доли в общей квоте голосов МВФ.

Принцип взвешенного голосования является важнейшим средством, обеспечивающим преимущественное положение развитых капиталистических стран при принятии решений в таком исключительно важном институте долгосрочного и среднесрочного кредитования, как Международный банк реконструкции и развития.

Внутри МБРР права взвешенного голосования, как они были сформулированы в конце 40-х годов, оставались практически без изменения вплоть до середины 60-х годов. Так, например, Великобритания имела в 2 раза больше голосов, чем ФРГ, и в 3 раза больше, чем Япония; Бельгия и Нидерланды имели в 2 раза больше голосов, чем страны—члены ОПЕК, вместе взятые. Иран обладал меньшим количеством голосов по сравнению с Индией, а доля Пакистана была в 2 раза больше того количества голосов, которые были у Саудовской Аравии. И это имело место, хотя Индия и Пакистан были дебиторами Саудовской Аравии и Ирана. Попытки развивающихся стран изменить неблагоприятное для них соотношение голосов ни к чему не привели.

Результатом сохранения МВФ и МБРР неприемлемых для развивающихся стран принципов и норм деятельности явилась ориентация этих крупнейших международных валютных организаций на высокий, приближающийся к рыночному, уровень процентных ставок по предоставляемым кредитам.

В течение 70-х годов уровень ставок по кредитам, выдаваемым МБРР, постоянно повышался. К середине

1982 года ставки по выдаваемым ссудам приблизились к 12%, что хотя и было несколько ниже среднего уровня частных капиталов, но выше ставок, предоставляемых странам Запада по двусторонним государственным кредитам.

Филиал МБРР — Международная финансовая корпорация (МФК) кредитует на условиях, близких к рынку частных капиталов, где она мобилизует основную часть ресурсов. Займы МФК выдаются на срок от 7 до 25 лет из расчета 8—10% годовых. МФК вкладывает деньги только в прибыльные частные предприятия и не участвует в финансировании инфраструктуры и социально-культурных объектов. Величина ставок, взимаемых МВФ, фактически достигла уровня частного рынка, в результате чего значительно число стран, прежде всего наименее развитых государств африканского региона, вынуждены были отказаться от использования его услуг.

Основным недостатком, связанным с господством США и развитых капиталистических стран в системе этих международных группировок, является общая недостаточность имеющихся средств для покрытия дефицита платежных балансов. Выпускаемые МВФ СДР практически полностью растворились в международной ликвидности.

На 36-й сессии МВФ и МБРР развивающиеся страны потребовали увеличения в течение пяти лет, начиная с 1982 года, до 12 млрд. долл. в год суммы эмитируемых резервных средств. Однако США при поддержке ФРГ и Англии отказались от удовлетворения этого требования.

Сохранение в неизменности основополагающих принципов деятельности крупнейших международных валютно-финансовых центров позволило развитым капиталистическим странам, прежде всего США, широко использовать эти институты для распространения своего влияния. Интересно в связи с этим мнение влиятельной английской газеты «Гардиан», следующим образом оценивающей существо Международного валютного фонда: «Это не столько простой банковский или финансовый институт, сколько политическая основа современной империалистической системы, контролируемая и в значительной степени финансируемая Соединенными Штатами»¹⁵.

Теоретики и практики различных стран пытаются разработать всевозможные программы изменения существующего монопольного положения МВФ и МБРР как органов международного государственного кредитования.

Весьма значительной является группа, представители

которой вырабатывают доктрины и программы, касающиеся создания новых глобальных организаций развивающихся стран, действующих на отличных от МВФ и МБРР нормах и принципах и охватывающих все развивающиеся страны.

Одно из первых предложений такого рода было выдвинуто группой экспертов ЮНКТАД¹⁶. Речь шла о создании резервного фонда или резервного центра. Предложение носило крайне общий и малоразработанный характер. Основой деятельности фонда должна стать конвертируемая валюта, взносы которой осуществляются в рамках квот, выделенных странам-членам. Руководство фонда выдает кредит или автоматически, или в зависимости от выполнения ряда условий. Основные положения деятельности предлагаемого фонда свидетельствуют о близости важнейших принципов его деятельности нормам МВФ, под непосредственным влиянием которого было выдвинуто данное предложение.

Недостаток схемы, как видно из этого краткого изложения, связан прежде всего с неясностью в отношении источников получения конвертируемой валюты, нехватку которой развивающиеся страны испытывают особенно остро. Включение в число членов фонда развитых капиталистических стран как источников предоставления валюты неизбежно повлекло бы предоставление им соответствующей квоты в распределении средств, изменив направленность и характер его деятельности. Очевидным было бы введение ряда дополнительных условий предоставления займов, субсидий и т. д.

Ориентация на предоставление кредитов в зависимости от общего состояния платежных балансов неизбежно ведет к стимулированию торговли прежде всего между развитыми и развивающимися странами, то есть дублированию функций многочисленных фондов, созданных в рамках МВФ.

Проект ЮНКТАД заслуживает внимания как одна из первых попыток разработки программы совместного регулирования международных резервов развивающихся стран. В то же время программа не свободна от ряда серьезных недостатков, так как во многом она представляет собой попытку копирования рекомендаций и принципов МВФ (при минимальной модификации).

Аналогичным по характеру, то есть ориентирующимся на финансовую помощь развитых государств, является предложение Ф. Санбары¹⁷, ставящее задачу стимулиро-

вать развитие торговли между развивающимися странами. Он утверждает, что развитие торговли между развивающимися странами сдерживается неадекватными условиями продажи товаров, экспортируемых из развитых и развивающихся стран. Фирмы крупных капиталистических государств имеют возможность предоставлять значительные кредиты и льготные условия платежа, что недоступно развивающимся странам.

Выдвигается предложение о введении специальных гарантий экспортных кредитов, предоставляемых развивающимся странам. Это предложение еще недостаточно разработано, но, судя по замыслу автора, гарантии и страхование кредитов должны осуществляться региональными банками. В свою очередь, МВФ будет выступать в качестве центрального органа, на котором лежит ответственность за регулирование, координацию, а также страхование предоставляемых кредитов.

Это предложение носит ограниченный характер прежде всего с точки зрения воздействия на развитие торговли. В той форме, как предложение излагается автором, оно означает создание вспомогательной институциональной сети кредитного регулирования развивающихся стран, действующей на основе норм МВФ, то есть при условии ориентации на развитые страны. Кроме того, ограничение кредитной деятельности исключительно страхованием и предоставлением гарантий на межгосударственной основе явно недостаточно. Низкая кредитоспособность развивающихся стран связана с низким уровнем капиталистического предпринимательства, неразвитостью производства, наличием отсталых докапиталистических систем хозяйствования и т. д.

Характеризуя складывающиеся отношения в валютно-финансовой сфере, растущий дефицит платежных балансов развивающихся стран, Экономическая декларация V Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, принятая в Коломбо в 1976 году, подчеркивает, что «столь беспрецедентная ситуация отнюдь не является результатом случайных обстоятельств; это отражение структурного кризиса, характеризующего нынешние экономические отношения и уходящего своими корнями в колониальную и неоколониальную политику империализма»¹⁸.

Еще один вариант модификации системы валютных отношений между развивающимися странами предложен сотрудниками Оксфордского университета Ф. и М. Стюар-

тами¹⁹, разработавшими программу создания новой валютной единицы для развивающихся стран.

Сущность предложенной программы в общем виде сводится к следующему. Развивающиеся страны совместно принимают решение о создании новой формы международных финансовых средств. Как предполагается, новая денежная единица (нкю), должна приниматься и использоваться при расчетах за товары и услуги, предоставляемые самими развивающимися странами. Для ее выпуска предлагается создать специальный орган.

Развивающиеся страны соглашаются принимать нкю в уплату за товары и оказанные услуги в определенной пропорции; частично образующееся сальдо должно покрываться конвертируемой валютой. Схема должна охватывать все развивающиеся страны и, по замыслу ее создателей, не ограничивать свободы использования средств регулирования импорта.

Существо рекомендаций Стюартов сводится к созданию в ограниченной форме клирингового соглашения, охватывающего все развивающиеся страны.

Ряд аналогичных предложений разработан и выдвинут в конце 60-х годов. Таковы, например, предложения индийского экономиста В. Бхатты²⁰ относительно образования платежного союза между развивающимися странами, предложения группы экспертов ЮНКТАД о создании программы экономического и регионального сотрудничества между развивающимися странами²¹ и т. д.

Рассмотренные выше предложения объединяет одна общая черта: относительная независимость от средств развитых капиталистических стран. Предлагаемые варианты должны обеспечить развивающимся странам возможность сбалансирования на многосторонней основе внешней торговли независимо от банковской системы развитых государств.

Однако нельзя забывать, что направление и структура внешней торговли есть следствие уровня развития производительных сил и складывающейся в капиталистическом мире системы международного разделения труда. Поэтому предлагаемое изменение само по себе мало что дает. На практике это приведет к неизбежному разделению стран-участниц на долгосрочных кредиторов и должников и появлению тенденции к соответствующей конверсии сальдо в свободно конвертируемую валюту.

Не отрицая ряда положительных моментов, связанных с некоторым ослаблением напряженности валютных рис-

ков для развивающихся стран, следует отметить, что данные рекомендации не ликвидируют такой важнейший недостаток валютных союзов, как ограниченные возможности их воздействия на экономику развивающихся стран-участниц. Как известно, нехватка валютных средств и кредитов есть лишь одно, и при этом далеко не самое главное, препятствие, ограничивающее торговлю между развивающимися странами. Сама по себе система либерализации межгосударственного страхования предоставления кредитов лишь приведет к накоплению финансовых средств на дебитовых счетах стран-заемщиков.

Усиление борьбы за создание нового международного экономического порядка активизировало деятельность международных организаций и ряда экспертов по разработке новых, более радикальных программ регулирования валютной сферы развивающихся стран.

В конце 70 — начале 80-х годов значительно возросло число различных конференций и совещаний, используемых развивающимися странами в качестве форумов для выдвижения своих требований.

Одной из наиболее известных конференций такого рода явилась Конференция по международной валютной системе и новому международному порядку, состоявшаяся в 1980 году в Аруше.

Об отношении развивающихся стран к существующей международной валютной системе, представленной прежде всего МВФ, свидетельствуют заголовки некоторых разделов принятого на этой конференции специального доклада. Например: «Неадекватность и несправедливость предписаний МВФ» — а) МВФ не объективен; б) деятельность МВФ не имеет научной основы; в) МВФ не является нейтральным.

На конференции была выдвинута новая программа реорганизации валютной системы, включая создание международного валютного органа для ее управления²². Представители развивающихся стран предложили создать наднациональную валютную организацию на основе равноправного участия в решении назревших проблем всех членов мирового сообщества. Обеспечение дополнительных льгот в предоставлении финансовых ресурсов странам, испытывающим дефицит платежных балансов, предусматривалось за счет расширения объема выпускаемых финансовых средств типа СДР.

Контроль за выпуском резервных средств, а также за коллективными мероприятиями по регулированию валют-

ной сферы должен был осуществляться путем создания нового органа, обладающего достаточными полномочиями и представительством.

Эти же идеи были дополнены и развиты в появившемся вскоре предложении танзанийского исследователя Дж. Рвейемаму²³.

Принципы построения нового валютного органа, предлагаемого Рвейемаму, заключаются в укреплении многовалютного стандарта, расширении сфер действия компенсационных схем.

Рвейемаму выдвигает идею постепенного поэтапного развития валютной системы капитализма с переходом к наднациональному регулированию. На начальном этапе система должна опираться на региональные механизмы типа Европейской валютной системы и валютной интеграции развивающихся стран. На последующем этапе МВФ должен быть заменен мировым центральным банком (МЦБ). МЦБ должен стать банком центральных банков, наделенным правом выпуска международных денег типа нынешних СДР. Своеобразием проекта Рвейемаму является идея об определении стоимости новых СДР не на основе крупнейших валют, а на базе набора основных товаров внешнеторгового обмена.

Две последние программы создания глобального наднационального фонда в наиболее полной степени направлены на ликвидацию принципиально неприемлемых для развивающихся стран норм деятельности МВФ: взвешенного голосования, дающего право развитым капиталистическим странам осуществлять контроль за деятельностью МВФ, и ограниченных возможностей СДР, предоставляемых в соответствии с доктриной «обусловленного кредита», то есть только тем странам, валютно-финансовая и налоговая политика которых соответствует требованиям Устава МВФ. Таким образом, позитивным моментом рассмотренных предложений является идея непризнания принципов, на которых основано регулирование валютно-финансовой сферы развивающихся стран, как оно осуществляется МВФ. Программы направлены на замену МВФ новым наднациональным органом.

Важнейшими недостатками решений конференции 1980 года в Аруше, программы Рвейемаму, так же как и всех предшествующих рекомендаций, являются их сомнительная практическая ценность, трудности претворения в жизнь. Малореально, чтобы развитые капиталистические страны согласились на создание валютной наднациональ-

ной организации, действующей на основе принципа «одна страна — один голос». Программы валютных фондов Рвейемаму и конференции в Аруше предполагают отказ от принятия ряда решений на национальном уровне, то есть ограничивают национальный суверенитет стран-участниц. Недостаточно четко определены и источники получения требуемых финансовых средств.

Трудности практического характера, связанные с категорическим отказом развитых стран изменить основополагающие принципы деятельности МВФ и МБРР, затруднили борьбу развивающихся стран за кардинальный пересмотр норм валютного регулирования в рамках НМЭП. Положение осложнилось в связи с общим ухудшением валютно-финансового положения большинства развивающихся стран, поскольку валютный кризис в мировом капиталистическом хозяйстве принял всеобъемлющий и хронический характер. Со своей стороны, Запад стремится сыграть на внутренних и внешних противоречиях молодых государств. Ухудшение общеэкономической обстановки и рост внутрисполитических трудностей вынуждают развивающиеся страны идти по пути компромиссов.

Более ограниченными по форме и существу выдвигаемых требований являются предложения экспертов развивающихся стран для VI сессии ЮНКТАД, состоявшейся летом 1983 года в Белграде. В докладе, подготовленном для сессии, эксперты исходят из того, что в последнее время рынок частного капитала играет все большую роль в валютном регулировании. Недостатки его заключаются в ограниченных возможностях регулирования платежных балансов наименее развитых стран, что проявляется особенно сильно в периоды спада или застоя экономики. Выход из этой ситуации, считают эксперты, заключается в устранении несбалансированности между частным и государственным компонентами международной валютно-финансовой системы.

С этой целью предлагается осуществить ряд мер, направленных на усиление институциональной структуры МВФ и МБРР. В число конкретных рекомендуемых мероприятий входят расширение круга стран, принимающих участие в консультациях по вопросам валютной политики, разработка более эффективной и справедливой системы контроля валютных курсов в МВФ, превращение СДР в главный резервный актив международной валютной системы, увеличение размера квот развивающихся стран в МВФ и МБРР, пересмотр условий кредитования. Наконец, за-

ключительные рекомендации касаются усиления роли МВФ и МБРР в общем объеме кредитования при одновременном росте влияния развивающихся стран в процессе принятия решений.

Позитивным моментом в предложениях экспертов является убеждение, что модификация валютной системы должна осуществляться комплексно, то есть затрагивать как МВФ, так и МБРР и включать одновременно условия краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного кредитования. Увеличение объема выпускаемых СДР должно расширить величину кредитных средств и ликвидировать принцип «обусловленного кредита», который связан с получением дополнительных займов сверх обычной квоты страны — члена МВФ.

В то же время авторы вынуждены были отказаться от некоторых наиболее радикальных предложений, как например принципа «одна страна — один голос». Международные валютные и кредитные организации МВФ и МБРР рассматриваются как институты, дополняющие и исправляющие функционирование частного рынка капиталов, но не заменяющие его. Наконец, излишние оптимистические надежды возлагают авторы доклада и на возможности модификации МВФ таким образом, чтобы его деятельность соответствовала потребностям развивающихся государств.

Однако выполнение даже этих ограниченных требований срывается развитыми капиталистическими странами. Соглашаясь на некоторое увеличение сумм и облегчение условий платежа по предоставляемым кредитам, Запад категорически отказывается от изменения норм и принципов функционирования глобальных валютно-кредитных организаций. Вопросы предоставления дополнительной помощи, урегулирования долгов, новых выпусков СДР переносятся для обсуждения в подконтрольные Западу организации, и прежде всего ГАТТ, МВФ, МБРР.

В целом программы кардинального изменения существующих или создания принципиально новых международных глобальных организаций, действующих на наднациональном уровне, не выходят за рамки рекомендаций экспертных групп или в лучшем случае конференций развивающихся стран. Не случайно в связи с этим в странах Азии, Африки, Латинской Америки усиливаются тенденции в пользу переориентации на собственные силы. Важная роль при этом отводится использованию региональных валютных фондов и банковских институтов развивающихся

стран как альтернативных источников финансирования.

В 1974 году в странах Азии, Африки и Латинской Америки существовало всего лишь два клиринговых и два валютных союза, а в начале 1980 года их число увеличилось до семи клиринговых, пяти кредитных и двух валютных союзов, что свидетельствует о расширении значимости этих форм межгосударственного регулирования.

Основная проблема, с которой сталкиваются межгосударственные региональные группировки развивающихся стран, связана с получением достаточного количества финансовых средств. Практически страны-члены вынуждены резко ограничить или свести до минимума деятельность фондов из-за нехватки средств или допустить к участию в них развитые капиталистические страны с соответствующим изменением характера деятельности организации. Типичным примером такого рода может служить деятельность Африканского банка развития (АфБР). Ограниченность ресурсов этого банка привела к тому, что его операции не получили достаточного распространения до тех пор, пока в мае 1979 года во время специальной сессии управляющих банка не было принято решение о допуске неафриканских государств на правах доноров.

В ряде случаев с самого начала своей деятельности региональные финансовые группировки оказываются вынужденными на заемных условиях привлекать капитал развитых капиталистических стран.

Так, например, фонд специальных операций Межамериканского банка развития (МБР), предназначенный для предоставления кредитов на льготных условиях странам, испытывающим трудности в платежных балансах, формируется за счет взносов стран — членов фонда. По состоянию на 1 января 1980 г. общая сумма взносов в фонд составила 5, 9 млрд. долл. Однако из этой суммы на долю США пришлось более 3,6 млрд. долл., то есть 60%.

Аналогично положение Азиатского фонда развития, созданного при Азиатском банке развития (АзБР). На начало 1980 года общая сумма взносов в него равнялась 3,1 млрд. долл., причем на долю трех крупнейших капиталистических государств пришлось свыше 60% всех средств²⁴.

Более перспективным представляется положение банковских и кредитных группировок, созданных нефтеэкспортирующими арабскими странами, основой финансовых возможностей которых явились резко увеличившиеся нефтяные доходы. Хотя свободные валютные средства этих госу-

дарств размещены главным образом в банках Запада, определенная их часть передается развивающимся странам через совместные кредитные институты государств, входящих в Организацию стран — экспортеров нефти. С 1973 по 1980 год удельный вес стран ОПЕК в общих нетто-ассигнованиях государственных финансовых ресурсов для целей развития освободившихся стран увеличился с 12 до 21% (с 1,2 млрд. до 6,1 млрд. долл.). Основная часть в сумме выделяемых средств принадлежит ограниченному кругу развивающихся государств (Сирии, Иордании, Судану, Кувейту, Саудовской Аравии, Йеменской Арабской Республике).

На этой основе были предприняты попытки создать банки и финансовые фонды, использующие средства исключительно стран — членов ОПЕК. В число многосторонних фондов, созданных специально для финансирования экономического развития арабских и других развивающихся стран в 70-х годах, следует отнести такие организации, как Арабский фонд экономического и социального развития (АФЭСР), Арабский банк экономического развития Африки (АБЭРА), Исламский банк развития (ИБР), Специальный фонд ОПЕК и т. д.

Расцвет деятельности этих фондов относится к середине 70-х годов, когда положительное экспортное сальдо арабских экспортеров нефти составило 68 млрд. долл. (1974 г.), поставив на повестку дня вопрос о роли, которую могут играть многосторонние организации стран — экспортеров нефти в выравнивании платежных балансов и стабилизации валют развивающихся стран. Представители западных государств критически отнеслись к их деятельности. Так, например, французский экономист Б. Гали дает явно негативную оценку функционирования фондов и осуществляемой ими кредитно-финансовой политики²⁵. Недостатком помощи, указывает Гали, является ее ограниченный объем по сравнению с потребностями арабских стран-получателей, а также суммой средств, предоставляемых западными странами.

Автор считает, что арабские страны-доноры отдают предпочтение политическим, культурным и религиозным аспектам помощи в противоположность экономическим. Арабские фонды не смогли разработать генеральную концепцию межарабского развития. Копируя политику, проводимую Международным банком реконструкции и развития, арабские финансовые институты оказываются вынужденными финансировать заранее предопределенные програм-

мы, не имея ни собственных разработок, ни тем более программ развития в рамках всего арабского региона.

В связи с этим Гали выдвигает идею интегрировать эту помощь в рамках более широкой политической и экономической программы развития, которая должна была бы стать связующим звеном между общими программами развития региона и экономической помощью арабским государствам.

К сожалению, сам автор не дает разъяснений относительно того, что он вкладывает в содержание этих программ. Это восполняется работами Трехсторонней комиссии²⁶. В специальном докладе «ОПЕК, трехсторонний мир и развивающиеся страны: новые разработки для сотрудничества» комиссия предложила долгосрочную программу партнерства между развитыми капиталистическими странами и странами — членами ОПЕК.

В соответствии с этой программой предполагается выделить наиболее бедные страны, население которых в максимальной степени страдает от отрицательных последствий инфляции, роста цен на нефть, продовольствие и т. д. Обеспечение потребностей этой группы стран должно, по мнению комиссии, быть достигнуто за счет различного рода займов, субсидий, безвозмездной помощи, аннулирования долгов и т. д.

Средства, выделяемые арабскими странами, должны пойти на оплату оборудования и материалов, поставляемых из развитых стран. В целом эксперты Трехсторонней комиссии оценивают инвестирование нефтедолларов в развивающиеся страны в основном как альтернативный источник, дополнительное средство, потребность в котором возникает в связи с ограниченными возможностями экономики и финансов развитых капиталистических стран. Они исходят из того, что инвестирование арабских нефтедолларов должно дополнять деятельность западноевропейского и североамериканского монополистического капитала, выступая как бы в качестве младшего партнера.

Совершенно иной характер носят рекомендации арабских экспертов, выдвинувших свои предложения относительно разработки программы, касающейся стратегии инвестирования. Их предложения включают следующие моменты:

— пересмотр банковской и финансовой стратегии арабских стран с целью стабилизации финансового положения, обеспечения свободного передвижения валютных средств, привлечения иностранных банков (при безусловном пред-

почтении и главенствующей роли, отдаваемой арабским странам), разработки единых общерегиональных законодательных актов и положений об арабских инвестициях в каждой отдельной арабской стране;

— создание федерации или ассоциации арабских центральных и коммерческих банков, а также других организаций, занимающихся финансированием программ развития;

— создание центральных фондов, осуществляющих финансовые накопления, с возложением на них ответственности за распределение ресурсов между арабскими странами в соответствии с намечаемыми программами и планами экономического развития;

— разработку единых инвестиционных программ с указанием характера и специфики каждой программы, объема требуемых капиталовложений;

— стимулирование создания финансовых и банковских арабских институтов посредством привлечения дополнительного арабского капитала, используемого для реализации программ развития, с целью ограничения деятельности иностранных банков в данном регионе;

— создание общеарабского рынка валюты.

Как видно из перечня рекомендаций, главной задачей является противодействие, и по возможности вытеснение иностранного западноевропейского и американского капитала. Даже в тех случаях, когда признается необходимость его привлечения, оно должно носить второстепенный и подчиненный характер.

Как в дальнейшем будет осуществляться «партнерство и соперничество» арабского и западноевропейского капитала, в значительной степени будет зависеть от сплоченности и единства действий арабских государств. Поскольку деятельность арабского капитала направлена против монополистической практики западноевропейских и североамериканских монополий, она носит прогрессивный характер и должна рассматриваться как позитивное явление.

3. ПЕРЕДАЧА ТЕХНОЛОГИИ И БОРЬБА ЗА ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НА МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

Передача технологии между развитыми и развивающимися странами как составная часть общего потока лицензионного обмена не ограничивалась традиционно какими-либо приграничными барьерами и препятствиями. В связи

с этим отпадала необходимость в межгосударственном регулировании, осуществляемом на уровне международных организаций. Этот момент учитывался в программах технологического неокOLONиализма, разработанных западными идеологами, выступавшими за свободное «рыночное» распределение технологических знаний между отдельными странами в соответствии с положениями неоклассического направления буржуазной политической экономики.

В теоретическом плане это нашло отражение в появлении ряда концепций, в соответствии с которыми теоретические знания и «ноу-хау» рассматривались как товар, обладание которым должно являться монополией развитых капиталистических стран, а каналы передачи должны обеспечивать беспрепятственное получение развивающимися государствами результатов НИОКР, осуществленных в странах Западной Европы и Северной Америки.

Основываясь на неолиберальных концепциях «свободного обмена», западные исследователи обосновывали преимущественное положение развитых капиталистических стран в системе международного разделения труда. «Если север намерен сохранить свое сравнительное преимущество, он обязан поддерживать свою способность к развитию современной технологии... Неоклассическая теория исходит из того, что эта способность сохраняется, если рыночная свобода не ограничивается каким-либо образом»²⁷.

Такой подход соответствовал теории «догоняющего развития», схеме «технологического взаимодействия» и т. д. В качестве примера можно рассмотреть схему современного международного разделения труда, выдвинутую идеологами западноевропейских стран. В соответствии с ней международные связи между странами формируются в виде «треугольника», одной стороной которого становятся развивающиеся страны, обеспечивающие поступление сырья и первично обработанных сырьевых товаров. Другая сторона «треугольника» — развитые страны — обладатели современной технологии и «ноу-хау»; третья — нефтедобывающие страны, концентрирующие денежные средства в виде нефтедолларов, которые должны рециклироваться прежде всего в развивающиеся страны. Свободная передача технологии из развитых стран в развивающиеся, как видно из этой концепции, составляет важнейший элемент нового современного международного порядка.

Типичным в этом плане является тезис представителя ФРГ, с которым он выступил на IV сессии ЮНКТАД, заявив, что технологические знания являются такими же на-

циональными ресурсами, как и природные. Соответственно развитые страны должны ориентироваться на свободное перераспределение ресурсов и передачу их развивающимся государствам на основе принципов свободной рыночной экономики. Другим примером подобного рода может быть теоретическая концепция американского исследователя У. Ростоу, а точнее его идея о линейном или копирующем развитии. В соответствии с этой теорией передача технологии из развитых в развивающиеся страны дает возможность последним добиваться быстрых темпов экономического роста, используя уже имеющийся опыт и технические знания.

Наиболее четко и ясно свое отношение к возможности регулирования процесса передачи технологии из развитых стран в развивающиеся выразили эксперты ОЭСР. В специально подготовленном докладе, озаглавленном «Север—Юг: передача технологии», его авторы однозначно высказали тезис о том, что «контроль над передачей технологии Север—Юг нереалистичен, если не вреден»²⁸.

Таким образом, теории экономистов западноевропейских стран и США отводили технологии важное место как средству, фиксирующему и закрепляющему зависимое положение развивающихся стран в системе международного капиталистического разделения труда.

Что касается экономистов развивающихся стран, то их разработки, направленные на создание новых межгосударственных норм и институциональных форм регулирования процесса передачи технологии, активизируются лишь к началу 70-х годов. Местом обсуждения этих вопросов явилась Организация Объединенных Наций и ее специализированные органы. Узкоспециальными вопросами передачи технологии занимается целый ряд комитетов и комиссий, включая такие широко известные организации, как Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций (ФАО), Международная организация труда (МОТ), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и ряд других специализированных учреждений. Каждая из этих организаций разрабатывает нормы и правила передачи технологии в рамках своей основной деятельности.

Впервые серьезно вопрос о пересмотре всего комплекса общих норм и принципов передачи технологии развивающимся странам был поставлен в связи с борьбой за новый международный экономический порядок. Об этом было

со всей определенностью заявлено на Генеральной Ассамблее ООН в 1974 году. В принятой на ней резолюции говорится, что «международное сообщество предпримет соответствующие действия по изменению существующей системы международных научных и технологических отношений, влияющих на передачу технологии»²⁹.

В решениях представителей развивающихся стран этот тезис был дополнен рядом новых положений. Наиболее четкое изложение их требований было сделано на Конференции ООН по науке и технике в целях развития, состоявшейся в Вене в 1979 году, где развивающиеся страны потребовали осуществить «ликвидацию монополистических и олигополистических условий международного потока технологии, перестройку существующей международно-правовой структуры передачи технологии.., а также предоставить им возможность участвовать в механизмах финансирования, создаваемых в целях научно-технического развития»³⁰.

В организационном плане, по мнению развивающихся стран, важнейшим недостатком существующей системы передачи технологии является отсутствие единого органа, уполномоченного решать имеющиеся проблемы на глобальном уровне.

Усилия по созданию такого органа предпринимались неоднократно. Этой цели, например, должна была служить деятельность межгосударственного комитета с участием министров национального планирования, подчиненного непосредственно Генеральной Ассамблее. Решение о создании этого комитета было принято на конференции в Вене в 1979 году. Задачи комитета заключались в том, чтобы координировать усилия всех стран-членов и направлять их на решение важнейших проблем по передаче технологии. Однако деятельность комитета не получила широкого резонанса.

Не оправдала надежды развивающихся стран и программа создания специального фонда по технологии, решение о котором было принято во время этой же конференции. По существу это была попытка создать собственный, независимый от развитых капиталистических стран механизм финансирования технологических исследований.

В выступлениях делегатов развивающихся стран на конференции в Вене подчеркивалось, что основа технологического преимущества Запада базируется на наличии значительных средств, выделяемых на исследовательские разработки, оцениваемые в 150 млрд. долл.

Для исправления существующего неравномерного расходования средств «Группа 77» предложила создать специальный фонд ООН для развития научного потенциала развивающихся стран с начальным капиталом 2 млрд. долл., который к 1990 году должен был увеличиться до 5 млрд. долл.

Предполагалось, что основными вкладчиками будут страны Запада. Однако развитые капиталистические государства отказались нести дополнительные расходы и в конечном итоге сумма реально выделенных средств на создание фонда при ООН составила всего лишь 250 млн. долл.

Об ограниченных возможностях этой суммы свидетельствуют данные об объеме финансовых средств, требуемых для проведения НИОКР в современных отраслях. Осуществление разработок в таких отраслях, как ядерная энергетика, спутниковые системы связи, контрольно-измерительная техника, электроника и т. д., эффективно только при условии выделения определенного объема финансовых средств. Минимальная величина стоимости исследований измеряется сотнями миллионов долларов и постоянно повышается. Как показало обследование, 28 крупнейших фирм стран — членов ОЭСР осуществляли исследовательские программы, каждая из которых стоимостью 100 млн. долл. и выше³¹.

Судя по объему средств, выделенному для функционирования фонда, его задачи будут заключаться в информационном обеспечении, но не в проведении исследований как таковых.

Оценивая результаты дискуссий относительно создания и финансирования фонда для развития научного потенциала развивающихся стран, можно сделать вывод, что создание механизма по обеспечению и финансированию НИОКР в развивающихся странах было заменено программой расширения информационного обмена.

Гораздо более остро протекало обсуждение вопросов, связанных с разработкой новых норм в рамках кодекса ООН по передаче технологии. Местом их обсуждения явился комитет ООН по технологии при ЮНКТАД. Речь шла о том, чтобы создать унифицированный свод норм и правил по передаче технологии, регулирующий права и обязанности продавцов и получателей лицензий, а также условия решения споров и ряд других вопросов.

Кодекс включает такие разделы, как национальное регулирование передачи технологии; положения, касающиеся

ограничительной деловой практики по вопросам передачи технологии; нормы неприемлемости политической дискриминации; обязательства сторон; положения об особом отношении к развивающимся странам; нормы международного сотрудничества и условия разрешения споров.

Кодекс по передаче технологии должен во многих отношениях заменить и дополнить принятую еще в 1883 году и подписанную более чем 80 странами Парижскую конвенцию по защите прав на промышленную собственность, рассматриваемую и сейчас как ключевой документ, регулирующий процесс передачи технологии. Основой Парижской конвенции является идея предоставления национального режима иностранным инвесторам в области применения патентов и минимального контроля за использованием этих патентов со стороны международных органов и национального государства. Разрабатываемый кодекс передачи технологии должен стать первым документом, регулирующим взаимоотношения между развитыми и развивающимися странами на глобальной основе.

Необходимость в кодексе, регулирующем современную быстро растущую сферу международных экономических отношений, не вызывает сомнений. Однако, несмотря на соответствующие рекомендации Генеральной Ассамблеи, принятые в сентябре 1975 года, последующее подтверждение необходимости решения этого вопроса во время IV сессии ЮНКТАД и многочисленные встречи представителей специальной группы, созданной на этой сессии, переговоры фактически оказывались в тупике.

Центральным нерешенным вопросом оказалась сфера охвата разрабатываемого кодекса. Представители развитых капиталистических стран, прежде всего США, однозначно настаивали на невключении в сферу действия кодекса внутрифирменного передвижения технологии, что фактически означает развязывание рук ТНК в проведении политики современного технологического неокOLONIALИЗМА. Отказ от финансирования в достаточном объеме программы создания специального фонда по технологии при ООН привел к тому, что был ликвидирован мощный конкурент, который мог бы осуществлять НИОКР на равных условиях с ТНК. Выведение внутрифирменного обмена технологией из сферы регулирования кодекса позволяло бы ТНК использовать результаты НИОКР для максимизации прибыли в развивающихся странах.

Этот исключенный из сферы регулирования кодекса сектор внутрифирменной лицензионной торговли на про-

тяжении 70-х годов обнаруживал тенденцию как к абсолютному, так и относительному росту. Если, например, в 1970 году на долю внутрикорпорационной торговли пришлось 60% всей торговли США, то к началу 80-х годов эта доля превысила 80%.

Иначе говоря, принятие американского требования означало бы, что более $\frac{2}{3}$ всего экспорта лицензий и патентов должно было оказаться вне сферы контроля кодекса.

Сохранение в неизменности норм и правил внутрикорпорационного обмена означает, что подавляющая часть основных средств на НИОКР будет израсходована в развитых капиталистических странах, то есть не ликвидируется неравномерное распределение финансовых ресурсов, направляемых на проведение исследований и создание новых товаров. По некоторым подсчетам, в середине 70-х годов американские компании расходовали в стране пребывания штаб-квартиры фирмы 85—90% всех выделяемых средств, за границу направлялось не более 15% всех финансовых ресурсов. Еще выше доля фундаментальных исследований, проводимых в стране нахождения материнской фирмы, где она достигает 95%. В зарубежных научно-исследовательских лабораториях фундаментальные разработки на 90% финансируются материнскими компаниями³².

Сохранение неоднозначности расходования денежных средств необходимо ТНК для проведения целенаправленной политики, обеспечивающей подчиненное положение филиалов по отношению к штаб-квартире, расположенной в одной из развитых капиталистических стран. Вот как описывает этот процесс советский экономист И. Д. Иванов: «Правилom для МНК является первоочередная эксплуатация новой технологии на своих собственных предприятиях в стране базирования, тогда как иностранные рынки снабжаются новыми товарами через экспортные поставки, что позволяет МНК централизованно снять сливки наиболее высоких первоначальных цен и прибылей. Только после этого новая технология передается их зарубежным филиалам под 100% контролем, затем наступает черед смешанных предприятий, и только в последнюю очередь уже в какой-то степени устаревшая технология экспортируется независимым фирмам...»³³.

Фактически требование американских и западноевропейских представителей об исключении внутрикорпорационной передачи технологии из сферы действия кодекса

было однозначно требованию сохранения права на наднациональный контроль за передачей технологии, осуществляемый на внутрифирменном уровне. Вполне обоснованной в связи с этим представляется позиция американской исследовательницы Дж. Робинсон, которая, подчеркивая остроту и напряженность развернувшейся борьбы, замечает, что причина заключается в том, что «кодекс касается основы процесса создания и сохранения богатства в частном секторе: технологических нововведений и их коммерческого использования»³⁴.

Не менее важной проблемой, вызвавшей острые дискуссии, явился вопрос обязательности или, наоборот, добровольности применения разрабатываемого кодекса.

Развивающиеся страны требовали, чтобы разработанный и принятый на соответствующей сессии кодекс передачи технологии был признан в качестве обязательного всеми странами-участницами. Неизбежным следствием такого положения стало бы создание в рамках ООН специального компетентного органа, ответственного за контроль и проверку претворения в жизнь его положений. Иначе говоря, развивающиеся страны однозначно выступили за расширение сферы деятельности комитета ООН по передаче технологии или его будущего субститута, способного на высоком и авторитетном уровне разрабатывать и контролировать претворение в жизнь норм и принципов межгосударственной передачи технологической информации.

Развитые капиталистические страны однозначно высказывались за добровольное применение и использование разрабатываемого кодекса. Иначе говоря, он должен был стать лишь одним из сводов норм и правил деятельности крупного бизнеса по передаче технологии. Приемлемыми были бы тогда и другие кодексы, как, например, кодекс инвестиций, разработанный в Международной торговой палате — органе крупного капитала; добровольно принимаемый кодекс поведения отдельных фирм. В этом случае в основу кодексов закладываются принципиально иные нормы и принципы: тезис о необходимости следовать принципу добровольности в отношениях между принимающими странами и странами — экспортерами технологии; отстаивание идеи, что ООН и ее глобальные органы могут быть местом дискуссий, но не местом разработки и принятия кодекса поведения.

Особо следует остановиться на последнем тезисе, представляющем в видоизмененной форме вопрос о целесообразности существования глобальной межгосударственной

организации, ответственной за разработку и контроль норм и правил, регулирующих передачу технологии.

Западные исследователи не отказываются от идеи использования ООН для обеспечения технологического обмена между группами стран. Вопрос ставится в другой плоскости: использование институциональных форм ООН в основном для целей расширения информационного обмена. Такая позиция обосновывается рядом западных экономистов, а также некоторыми официальными правительственными органами и организациями.

Специальная программа, подготовленная представителями более 100 крупнейших американских корпораций, оценивая задачи, которые стоят перед международными комиссиями ООН, занимающимися вопросами обмена технологией, сформулировала их следующим образом: «Информация — ее характер и объем, наличие и интерпретация являются наиболее важными нерешенными вопросами, связанными с иностранными инвестициями и передачей технологии... Это та проблема, которая не решена в рамках деятельности центра ООН по ТНК, несмотря на то, что этот центр уже работает в течение почти двух лет»³⁵.

При такой постановке вопроса ООН однозначно должна изменить свои функции и превратиться в своеобразного «двойника» информационных систем МБРР и ОЭСР, ориентированного, в отличие от последних, главным образом, на развивающиеся страны. Естественным следствием этого изменения было бы падение значимости, авторитета и эффективности ООН как международного органа. Такой позиции придерживается ряд западных исследователей, открыто выступающих с поддержкой интересов крупного бизнеса.

Западноевропейский исследователь С. Варнике³⁶ прямо считает основным недостатком ООН то, что она дает возможность развивающимся странам осуществлять массированный нажим на развитые государства с целью достижения своих политических требований. По его мнению, ООН слишком политизирована. Он подчеркивает, что вопросы передачи технологии более подходят для рассмотрения в рамках таких организаций, как МВФ, ГАТТ, ЕЭС, ОЭСР и др.

Откровеннее высказывается профессор Массачусетского технологического института Б. Скольников³⁷, который считает, что было бы совершенно нецелесообразно резервировать за ООН исключительное право на разработку новых норм и положений по передаче технологии. Более

приемлемой альтернативой является расширение региональных организаций и двусторонних соглашений, регулирующих передачу технологии в рамках отдельных отраслей, географических районов и т. д.

Буржуазные исследователи не отказываются от идеи существования межгосударственных организаций как на глобальном, так и на региональном уровне, но ограничивают их функции обеспечением предоставления информации для частного предпринимательства. Межгосударственное регулирование должно в соответствии с установками буржуазных экономистов обеспечивать контроль за всеми возможными формами государственных ограничений. Наиболее четко это нашло отражение в рекомендациях исследовательских институтов и многочисленных экспертов, представляющих интересы развитых капиталистических государств, предлагающих разнообразные программы создания международных центров, обслуживающих страны-доноры и страны — получатели технологии, то есть функционирующих на двусторонней основе.

Особенно активно действуют в этом направлении эксперты США и Англии — стран, отличающихся наибольшим объемом зарубежной инвестиционной деятельности. Так, например, представители более 120 крупнейших монополий США подготовили специальное обследование³⁸ по вопросам, связанным с передачей технологии за границу и регулированием этого процесса на межнациональном уровне.

Авторы подвергают критике существующее американское законодательство и прежде всего систему налогообложения, поскольку они «в недостаточной степени» стимулируют исследования внутри США, рекомендуя пересмотреть ряд существующих положений.

В связи с увеличением числа НИОКР в США предлагается создать дополнительный информационный банк данных относительно потребностей развивающихся стран как получателей технологии. Эти функции, как считают эксперты, должен выполнять созданный ранее межгосударственный институт: международный центр по обеспечению соответствующей технологии. Задача центра, как она была сформулирована, состояла в том, чтобы путем «передачи соответствующей технологии» ликвидировать существующий разрыв между развитыми и развивающимися странами. Под «соответствующей технологией» подразумевалась трудоемкая технология, приспособленная для применения в развивающихся странах.

О реальных возможностях и задачах центра свидетельствует объем выделенных денежных средств, составивший 10 млн. долл. на трехлетний период. Такая небольшая сумма объяснялась тем, что фактически его функции заключались в информационном обеспечении американских предпринимателей, действующих в развивающихся странах. Центр занимался проведением семинаров, составлением учебно-образовательных программ, приглашением специалистов из развивающихся стран и т. д., но не исследовательскими разработками как таковыми.

Таким образом, рекомендации американского бизнеса — это типичный пример стимулирования частного капитала на более значительный объем исследований внутри США и передачи результатов этой исследовательской деятельности (путем совершенствования информационной структуры, создания информационных банков и т. д.) как средства захвата иностранных рынков.

Рекомендации экспертов представляли собой откровенно националистическую программу, призванную обеспечить сохранение преимущества США в области технологии на неопределенное время. Межгосударственный институт по обеспечению контроля над передачей технологии являлся не чем иным, как средством создания оптимальных условий для технологической экспансии частных фирм США.

Аналогичный характер носят подготовленные в Великобритании положения о передаче промежуточной технологии³⁹. Рекомендации предусматривают создание специальных межгосударственных органов с целью установления более тесных контактов между английскими производителями и местным рынком, финансирования НИОКР английских фирм для разработки технологии, приемлемой для развивающихся стран, и т. д. Об ограниченных возможностях создаваемых институтов свидетельствует незначительная величина суммы, выделяемой на их функционирование: немногим более 500 тыс. долл. в год.

Ряд аналогичных программ функционирует и в других развитых капиталистических странах — ФРГ, Франции, Бельгии и Италии.

Создаваемые на национальной основе информационные центры фактически ставят задачу создания благоприятного климата по передаче приемлемых технологических нововведений страны-экспортера за границу, то есть ничем не отличаются от аналогичных национальных программ стимулирования товарного экспорта или экспорта капита-

ла. Речь идет об информационном обеспечении технологической экспансии национальных фирм и корпораций в развивающиеся страны; особенно это касается мелких и средних фирм, на которые приходится значительный объем продаваемых лицензий и которые не в состоянии взять на себя крупные расходы, но требуют для своей деятельности соответствующей национальной политики стимулирования лицензионного экспорта.

Недостаток рассмотренных предложений связан с откровенно проимпериалистическим характером действия межгосударственных двусторонних органов, что заставляет некоторых исследователей разрабатывать рекомендации по созданию многоступенчатых исследовательских институтов, функционирующих на многосторонней основе.

Таковы, например, позиция и рекомендации Ф. Стюарта⁴⁰, который утверждает, что основной причиной неудовлетворительного положения с передачей технологии является отсутствие постоянно действующего механизма, обеспечивающего передачу информации относительно требуемой для развивающихся стран технологии.

Критикуя существующую информационно-технологическую систему обмена информацией, автор совершенно справедливо указывает на то, что она фактически направлена на расширение исследовательских работ в самих развитых странах. «Значительная часть требуемых действий — вероятно большая их часть — должна быть направлена на проведение изменений на национальном уровне внутри самих развивающихся стран»⁴¹. Понимая сложность поставленной задачи, автор пытается разработать институциональный механизм будущей программы обмена информацией между развивающимися и развитыми капиталистическими странами.

Автором предлагается многоступенчатая система распределения существующей технологической информации. На межгосударственном уровне наднациональные организации должны будут заниматься распределением информации между отдельными странами; их деятельность должна дополняться деятельностью национальных технологических центров; наконец, внутри отдельных стран предлагается создать региональные местные органы, специализирующиеся на выявлении потребностей отдельных регионов.

Тем не менее данное предложение мало чем отличается от ранее рассмотренных программ США, Англии и т. д. Сам автор признает слабость своих рекомендаций, так как

они фактически обходят вопросы проведения исследовательской деятельности. Важной нерешенной проблемой, считает Стюарт, является стимулирование НИОКР по соответствующей технологии. Однако далее констатации этого очевидного факта автор проблему не рассматривает. Между тем очевидно, что созданная система как на региональном, так и на международном уровне должна быть ориентирована прежде всего на обеспечение собственной исследовательской деятельности в развивающихся странах; при отсутствии этого она превратится в канал проникновения технологического неокOLONиализма.

Объективная потребность в осуществлении развивающимися странами независимых исследовательских и опытно-конструкторских разработок связана с качественными различиями потребностей развитых и развивающихся государств.

Технология, передаваемая из развитых стран, создается с учетом высокой стоимости рабочей силы и требует значительных объемов капиталовложений. Производимая на ее основе продукция рассчитана на удовлетворение потребностей развитых капиталистических стран. Эта технология не решает важнейшей проблемы развивающихся стран — обеспечения работой многомиллионной массы безработных.

В значительной своей части импортируемая технология ориентирована на производство товаров, не являющихся жизненно необходимыми для развивающихся стран, а предназначенных для удовлетворения потребностей элитарных групп. Представляя результат деятельности учебных центров и лабораторий, сосредоточенных в развитых странах, поступающая технология лишь усиливает привязку этих стран к развитым государствам-поставщикам.

Этот факт признается рядом западных исследователей. Выступая в 1979 году на международной конференции в Западном Берлине, исследователь Бабатунда Томас⁴² критиковал установившуюся форму технологической связи как статичную кооперацию. Под «статичностью» он подразумевал покупку развивающимися странами в развитых капиталистических государствах результатов их технологических, научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок. Такой «статичной» форме взаимозависимости автор противопоставляет «динамизм» региональных технологических программ развивающихся стран. В случае создания региональных технологических центров, считает он, исследования приобретают целенап-

равленный характер, обеспечивая удовлетворение технологических нужд собственно развивающихся стран, входящих в данный региональный блок. В защиту региональных исследовательских центров развивающихся стран выступает французский исследователь Д. Гермиди⁴³, который высказывает мнение, что следствием простого расширения каналов передачи технологии будет рост зависимости. Простая передача технологии, полагает Гермиди, не даст возможности решить проблему так называемого дуализма, то есть не повлияет на одновременное сосуществование в экономике страны современного капиталистического и докапиталистического хозяйства.

Решение вопроса, считает Гермиди, заключается в развитии региональной кооперации. Региональное кооперирование, объединяющее государства, находящиеся на приблизительно одинаковом уровне развития, даст возможность сконцентрировать совместные ресурсы на разработке однородной технологии, полностью соответствующей требованиям местных рынков.

Региональная кооперация видится автору единственным средством, обеспечивающим конкурентоспособность некоторых отраслей промышленности, создаваемых в развивающихся странах, обладающих ограниченным рынком (например, для товаров химической и фармацевтической отраслей).

Расширение регионального технологического сотрудничества развивающихся стран безусловно содержит в себе ряд положительных элементов и прежде всего возможность стимулирования исследований на местном и региональном уровнях. Однако думается, что принципиально изменить существующее положение только за счет региональных исследовательских центров вряд ли возможно.

Ограниченными являются предложения, подготовленные Секретариатом ЮНКТАД для VI сессии в Белграде⁴⁴. В соответствии с точкой зрения исследователей технологические центры должны выполнять роль «технологического ядра», обеспечивающего создание технологии для развивающихся стран. Оставляя в стороне обсуждение конкретных организационных форм, которые будут приняты этими технологическими центрами, сотрудники ЮНКТАД ставят на первое место выполнение следующих задач: распространение технологической информации внутри страны; разработку планов и программ развития технологии внутри страны; оценку технологии с точки зрения возможностей ее применения.

Тем не менее стремление экспертов разработать общепримлемые для всех развивающихся стран рекомендации заставило авторов снять наиболее острые вопросы, прежде всего касающиеся соответствующего финансового обеспечения функционирования этих центров. За пределами рекомендаций остается вопрос о возможностях проведения самостоятельных исследований в развивающихся странах как внутри этих исследовательских центров, так и вне их.

Подводя итоги результатов обсуждения вопросов передачи технологии между развитыми и развивающимися странами, можно сделать вывод, что вплоть до последнего времени сторонам не удалось прийти к какому-либо приемлемому соглашению. Нерешенными остались такие принципиальные вопросы, как создание единой межгосударственной организации по регулированию, разработке единых кодексов и норм, источники и объем финансирования НИОКР в развивающихся странах.

В специальном докладе, подготовленном для VI сессии ЮНКТАД, где рассматривается положение с передачей технологии на начало 80-х годов, подчеркивается, что «попытки международного сообщества создать инструменты для изменения структуры связей между поставщиками и получателями технологии до настоящего времени не привели к удовлетворительному результату»⁴⁵.

Причина заключается в том, что развитые и развивающиеся страны, хотя они и согласны с необходимостью создания глобальных организаций по регулированию условий передачи технологии, принципиально расходятся по вопросу их функций и задач. Расширение информационных функций или предоставление межгосударственным организациям прав на разработку норм, принципов, на проведение самостоятельных исследований — вот тот водораздел, по которому проходит размежевание позиций представителей развитых и развивающихся стран.

Развивающиеся страны в рамках борьбы за новый международный экономический порядок стремятся к расширению прав многонациональных органов с целью усиления их наднациональности.

* * *

В области внешней торговли развивающиеся страны выступают за расширение ЮНКТАД как глобальной организации, распространение ее деятельности на новые сферы

международных экономических отношений, превращение ее в прообраз будущего глобального международного органа. Борьба за НМЭП увеличила интерес к отдельным элементам программы НМЭП — интегрированной программе по сырью, общему товарному фонду, институциональные формы которых призваны, по замыслу экономистов развивающихся стран, стать важным средством структурной реорганизации экономики стран — поставщиков сырьевых товаров, средством противодействия экспансии международных монополий.

Программы западноевропейских и североамериканских исследователей ставят задачу превратить ЮНКТАД в место проведения общеполитических дискуссий и принятия ни к чему не обязывающих решений, перенести решение основных вопросов в компетенцию ГАТТ как «клуба» богатых стран. Что касается интегрированной программы по сырью и связанных с ней товарных соглашений, то их предложения заключаются в сведении до минимума возможностей их воздействия и регулировании лишь краткосрочных колебаний цен.

В области валютно-финансового регулирования наиболее радикальные предложения развивающихся стран направлены на создание глобального органа, обладающего собственными независимыми заемными средствами и ориентированного на исправление диспропорций платежного баланса, носящих длительный характер и направленных на изменение структуры экономики страны. В некоторых предложениях экономистов развивающихся стран прогнозируется введение элементов наднациональности в его деятельность.

В связи с категорическим отказом развитых стран обсуждать подобные альтернативы основные дискуссии концентрируются вокруг программ «эволюционных модификаций» уже действующих глобальных валютно-финансовых органов МВФ и МБРР. Допуская возможность некоторого увеличения суммы выдаваемых заемных средств, процентных ставок по кредитам, западноевропейские и североамериканские исследователи однозначно настаивают на сохранении в неизменности важнейших принципов: системы квотирования голосов, обеспечивающей развитым странам право контроля над деятельностью этих органов, и доктрины «обусловленного кредита». Практическая реализация этих принципов в ряде случаев превращает МВФ в орган, осуществляющий наднациональный контроль за политикой **страны-заемщика**.

В сфере передачи технологии, где отсутствует единый орган, деятельность которого носила бы глобальный характер, усилия развивающихся стран сконцентрированы на разработке новых норм и принципов передачи технологии. Идеям экономистов развитых капиталистических стран, формально выступающим за свободный технологический обмен, а фактически за внутрикорпорационное регулирование на наднациональном уровне, противостоят программы развивающихся стран, видящих выход в укреплении организационной структуры ЮНКТАД, а в ряде случаев создании новых органов, ответственных за финансирование НИОКР в соответствии с потребностями развивающихся стран.

Таким образом, если в области внешней торговли усилия развивающихся стран направлены на расширение сферы деятельности уже созданной организации развивающихся стран, а в области валютно-финансового регулирования предпринимаются попытки изменить нормы и принципы деятельности традиционных оплотов развитых капиталистических стран — МВФ и МБРР, то в сфере передачи технологии нерешенным остается вопрос принципов и норм регулирования. Иначе говоря, как форма, так и характер прогнозируемых межгосударственных организаций, уровень и степень их наднациональности неодинаковы для различных форм международных экономических отношений.

НАДНАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

1. ГЛОБАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСТУЛАТЫ БУРЖУАЗНОЙ НАУКИ

Предприняв попытку разработки отдельных теоретических аспектов наднационального регулирования международных экономических отношений, буржуазные теоретики пошли дальше по пути создания на этой основе глобальных моделей экономических отношений.

Наиболее широко представленными оказались модели структуралистов, связывавших наднациональность с внутрифирменным управлением ТНК, и неокейнсианцев, абсолютизовавших возможность позитивного воздействия на национальную экономику на наднациональном уровне.

Как известно, для структуралистов типичными являются попытки объединить интеграционное развитие с внутрифирменной межгосударственной зоной, внутри которой имеет место свободное обращение товаров и услуг. Ряд буржуазных экономистов — экспертов по ТНК попытались создать глобальные модели наднационального регулирования. В этих моделях централизованное производственное планирование, осуществляемое международной монополией на частномонополистическом уровне, противопоставляется анархии рыночных связей независимых производителей.

Наиболее четко эта идея была высказана исследователями Р. Барнетом и Р. Мюллером в работе «Глобальный охват. Власть многонациональной корпорации». «Глобальная корпорация, — утверждают авторы, — является первым институтом в истории человечества, требующим осуществления централизованного планирования в мировом масштабе»¹.

Интересную картину развития мировой экономики, управляемой по линии ТНК, дает английский экономист

Н. Макрей². Современный уровень развития науки и техники, утверждает автор, позволяет в ближайшем будущем создать систему, при которой ТНК, расположенные в Африке, будут управляться компьютерами, находящимися в Лондоне. Революция в технике связи даст возможность создать единое мировое хозяйство, функционирующее на основе компьютеров и связанное между собой единой системой. США, Западная Европа и Япония станут основными островами архипелага научной мысли и высокой интенсивности труда.

Более подробно эту же идею развивает американский экономист С. Хаймер³, связывающий внутрифирменное управление с созданием наднациональных центров контроля и управления в международном масштабе.

Хаймер, оценивая зоны управления и государственное регулирование (определяемое им как макрокосм), противопоставляет ему внутрифирменное регулирование (микрососм) и говорит о создании специальных внутрифирменных зон управления и регулирования в мировом масштабе. В крупнейших городах-столицах, указывает Хаймер, будут находиться руководители-управляющие, ответственные за принятие решений в мировом масштабе. На следующем по значению иерархическом уровне — в менее крупных городах — предполагается местонахождение руководителей среднего звена. Наконец, деятельность остальной части мира будет ограничена претворением в жизнь указаний, исходящих из центральных органов. Автор предлагает схему надгосударственного регулирования. Он пишет: «Схема будет сложной, такой же сложной, как и корпорационная структура, однако отношения между различными странами будут соответствовать отношениям между руководителем и подчиненным, штаб-квартирой и филиалом, производственным отделением»⁴.

Хаймер подменяет меж- и наднациональное регулирование внутрифирменным надгосударственным управлением, применяемым с целью максимизации получения прибыли в мировом или, в крайнем случае, региональном масштабе.

Переходя к оценке моделей структуралистов, следует отметить, что их основным недостатком является абсолютизация некоторых тенденций роста ТНК и доведение их до уровня глобальных связей. Между тем могущество ТНК далеко не безгранично. Процессы повышения роли международных монополий в мировом капиталистическом производстве и внешнеэкономическом обмене проявляются

лишь в виде тенденции. Деятельность монополий затрагивает существенные стороны национального суверенитета как принимающих стран, являющихся объектами инвестирования, так и стран местонахождения материнских компаний. Как показывает практика развития последнего десятилетия, капиталистические страны не намерены отказываться от своего суверенитета и в ряде случаев предпринимают активные шаги по его укреплению, ограничивая экспансию ТНК.

Очевидным недостатком моделей структуралистов является констатация неравноправного положения стран-участниц в будущей системе международного разделения труда. Правда, в моделях ТНК неравноправное разделение труда, диктуемое рынком, заменяется внутрипроизводственным разделением труда. Однако система неравноправия при этом приобретает еще более явный характер. Развитые капиталистические страны, и прежде всего их столицы, становятся центрами принятия решений, все остальные страны и города мира — простыми исполнителями. Четко выраженный дискриминационный характер прогнозируемого международного разделения труда привел к негативной оценке такого рода моделей большинством экономистов и их относительно ограниченному распространению.

Гораздо бóльшая детализация и тщательность разработки характерны для наднациональных моделей Римского клуба — влиятельной неправительственной организации, объединяющей ученых и политических деятелей более 40 стран. Созданная в 1968 году, она ставит своей задачей подготовку и выпуск работ, посвященных глобальным вопросам развития международного сообщества, обращая особое внимание на взаимоотношения между развитыми и развивающимися странами. За время существования Римского клуба был опубликован ряд докладов, рассматривающих методы и средства решения проблем мировой капиталистической экономики.

Первый доклад под названием «Пределы роста»⁵ призывал к пересмотру целей в стратегии развития (идея так называемого «нулевого роста»). Доклад впервые привлек внимание общественности к глобальным проблемам.

Второй доклад, подготовленный М. Месаровичем и Е. Пестелем⁶ и озаглавленный «Человечество на перепутье», поставил задачу исследовать возможности согласованного и координированного в глобальном плане экономического роста. Предлагая программы глобального сот-

рудничества, распределения, а точнее перераспределения, глобальных ресурсов, авторы исследований рассматривают наднациональное регулирование как средство сдерживания хозяйственного роста развитых капиталистических стран, ускорения развития бедных государств, преодоления кризисных ситуаций. Однако какие-либо конкретные формы наднационального регулирования в докладе не анализируются. Наднациональность выступает здесь как некая абстрактная сила, регулирующая региональное развитие (развитых и развивающихся стран) в требуемом направлении.

Наиболее подробно организационный аспект наднационального регулирования рассматривается в третьей работе «Преобразование международного порядка», составленной группой ученых под руководством голландского экономиста Я. Тинбергена⁷. Работа интересна прежде всего тем, что основное внимание в ней уделено разработке механизма глобального регулирования, что достигается посредством создания наднациональных органов. Авторы рассматривают глобальные институты как оптимальное средство с точки зрения эффективности и быстроты достижения поставленных задач.

Конкретные предложения авторов сводятся к созданию международных наднациональных органов в важнейших отраслях производства: мирового банка, обладающего правом владения и распоряжения средствами международного налогообложения; агентства минеральных ресурсов, ответственного за политику в области минерального сырья; мирового агентства, отвечающего за развитие технологии и т. д. Создаваемые наднациональные органы ориентированы на межстрановой контроль производства по отраслевому принципу.

Объективно такое разделение труда соответствует технологической экспансии современных транснациональных корпораций, интегрирующих производственную деятельность в рамках отдельных отраслей производства.

Предлагаемая авторами программа перестройки мировой экономики по производственному признаку полностью соответствует интересам монополистических кругов. По существу авторы пытаются подменить межгосударственное регулирование внутриотраслевым взаимодействием, деятельностью функциональных надгосударственных органов, полагая, что это даст возможность найти способ решения возникающих конфликтов в сфере международных экономических отношений.

В действительности, подобная программа объективно стимулирует государственно-монополистическое развитие капитализма в его современной форме: транснациональных корпораций. Не случайно функциональная программа перестройки международных экономических отношений соответствует специфике инвестиционной экспансии современных международных монополий, осуществляющих зарубежную инвестиционную деятельность в основном в рамках тех же производственных сфер, что и материнская фирма. Возникающая на этой основе мировая капиталистическая внутрифирменная система однозначно вписывается в предлагаемую программу перестройки мировой экономики по производственному признаку.

Особо предусматривается создание специального мирового агентства по транснациональным компаниям.

В принципе, считают авторы, подобная система наднационального регулирования является оптимальной с точки зрения возможностей ликвидации конфликтов в сфере международных экономических отношений, нарушающих «гармонию» связей между развитыми и развивающимися странами. Однако реальность создания таких глобальных органов маловероятна. Соответственно предлагается менее эффективный, хотя все же приемлемый вариант в виде создания «новых коалиций», которые, как это можно судить из их перечня, представляют собой не что иное, как институциональное оформление уже существующих и действующих группировок развитых и развивающихся стран.

Такие «новые коалиции» могут быть созданы в рамках Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС) и объединять союзы потребителей в развитых капиталистических странах и ЮНКТАД, производителей промышленных товаров и ЮНИДО (Организация Объединенных Наций по промышленному развитию), производителей сырья и продовольствия и ФАО и т. д.

Таким образом, предлагаемые коалиции представляют собой, с одной стороны, объединения развивающихся стран — производителей сырья, а с другой стороны, — развитых капиталистических государств — потребителей сырьевых товаров и производящих готовую продукцию.

Возможными вариантами коалиций могут быть союзы средних и малых развитых капиталистических стран, имеющих общие интересы по отношению к крупным государствам.

Исключительная важность придается сохранению развивающимися странами «коллективной власти бедных

стран». Сюда относятся самые разнообразные формы коалиций, включающие наименее развитые из развивающихся стран, страны, производящие взаимодополняющие товары, и т. д.

Исследователи подробно анализируют возможные принципы принятия решений: от жестко и четко организационно оформленных институтов, базирующихся на подчинении меньшинства стран большинству, до свободно организованных обменов мнений между странами по взаимным вопросам.

Однако изложение методов и форм принятия решений в будущих органах дается в крайне абстрактном виде и представляет собой простое перечисление возможных вариантов, мало что дающее с точки зрения характеристики существа будущих наднациональных органов. Между тем, как показывает практика развития межгосударственного регулирования, не собственно организационные формы, но именно принципы и нормы регулирования являются сейчас сферой особенно ожесточенной борьбы представителей различных группировок.

Третий доклад Римскому клубу интересен с точки зрения анализа имеющихся недостатков. Вместе с тем для него, как и для предыдущих докладов, характерен буржуазный подход к исследованию макроэкономических процессов мировой экономики: подмена социально-экономического метода анализа технико-экономическим. Это нашло отражение и в предлагаемых рекомендациях.

Как показывает практика, проблема заключается не только и не столько в создании системы меж- или наднационального регулирования, сколько в разработке новых принципов и норм деятельности будущих органов. Сами по себе новые наднациональные объединения и союзы лишь закрепят на неопределенный период существующую систему неравноправного разделения труда. В докладе не рассмотрен и такой вопрос, как обеспечение суверенитета наций. Предполагается оставить этот вопрос на усмотрение стран, наднациональных органов или современных ТНК. Судя по содержанию доклада, последний подход преобладает.

Неправомерным является принцип деления стран по отдельным группировкам. Деление в соответствии с общественно-политическим строем подменяется разбивкой по технико-экономическим показателям. С этим связано практически полное игнорирование интересов социалистических стран.

Как пишет по этому поводу советский экономист Э. Е. Обминский, «во всех разделах доклада деление стран на группы дается по степени централизации и децентрализации, в то время как принципы социального устройства, различия между плановыми и рыночными методами регулирования экономики полностью игнорируются»⁸.

Иначе говоря, источники кризисной ситуации авторы видят в неправильно оформленной связи между противоборствующими сторонами, и предлагаемая ими новая наднациональная система регулирования должна снять источники конфликтов и напряжений. Между тем первопричиной кризиса в сфере международных экономических отношений является частнокапиталистическая собственность на средства производства и прежде всего использование в своекорыстных интересах международными монополиями сырьевых и трудовых ресурсов развивающихся стран.

Программа Тинбергена представляет собой эклектическое соединение самых разнообразных программ и теоретических положений: неокейнсианцев, абсолютизировавших программу создания мирового правительства, действующего на наднациональном уровне; структуралистов, выступавших за создание интеграционных зон. В какой-то степени учитываются требования развивающихся стран, видящих в объединении своих усилий на наднациональной основе средство активного противодействия империалистической экспансии.

В последующих исследованиях Римский клуб переходит от проблем экономического развития на основе расширения и модификации международных экономических отношений к социальным, техническим, экологическим и демографическим аспектам. Так, например, в докладе «Энергия: обратный счет»⁹ исследовались возможности науки и техники в решении сырьевой и продовольственной проблем; в докладе «Цели для человечества: доклад Римскому клубу о новых горизонтах мирового сообщества»¹⁰ рассматривался основной, по мнению авторов доклада, вопрос — о целях и судьбах человечества и т. д. Соответственно вопросы наднационального регулирования экономических отношений отходят на второй план и не являются объектом самостоятельного исследования.

2. НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ЕГО СВЯЗЬ С НОРМАМИ И ПРИНЦИПАМИ ДЕЙСТВУЮЩИХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В последнее время широкое распространение получили исследования, авторы которых ставят задачу разработать новые глобальные наднациональные модели регулирования международных экономических отношений на основе абсолютизации норм и принципов уже действующих межгосударственных организаций, прежде всего ГАТТ, МВФ, МБРР.

Предложения этой группы экономистов связаны с расширением сферы охвата организациями новых форм международных экономических отношений: прямого инвестирования, передачи технологии при минимальных изменениях основополагающих принципов, обеспечивающих проимпериалистический характер деятельности этих органов. Собственно институциональные формы при этом играют второстепенную роль.

Одной из интересных работ такого рода может быть исследование М. Кемпса, разработавшего программу создания Глобальной торговой организации (ГТО)¹¹. Проект Кемпса представляет собой развитие и расширение положений по реорганизации уже действующих организаций развитых капиталистических стран — ГАТТ, МВФ, доведение этой реорганизации до своего логического завершения. В связи с этим многие предложения автора являются дальнейшим развитием идей реорганизации ГАТТ и МВФ, рассмотренных нами в предшествующих главах. В то же время Кемпс пошел дальше своих предшественников, выдвинув программу создания глобального органа, регулирующего международные экономические отношения как единого комплекса мирохозяйственных связей.

Как полагает автор, задача создаваемого органа должна заключаться в рассмотрении торговой и промышленной политики в широком плане, решении проблем структурных изменений, предоставлении услуг по глобальному распределению производства. Перед организацией также ставятся задачи осуществления контроля, консультирования по вопросам, связанным с прямым инвестированием и коммерческой деятельностью.

Таким образом, прогнозируемая организация должна объединить в своем лице выполнение функций, рассредоточенных в таких органах, как ГАТТ, МВФ, МБРР,

ЮНКТАД и ряде других, занимающихся вопросами регулирования отдельных сфер международных экономических отношений.

Исследователь обращает основное внимание на разработку принципов, на базе которых должны строиться организационная структура и характер деятельности ГТО.

Первый принцип деятельности Глобальной торговой организации, как он формулируется автором, предполагает признание всеми странами-участницами того факта, что «национальные действия в сфере, охватываемой данной организацией, могут оказывать вредное внешнее воздействие, и соответственно другие страны-члены, которые подвергнутся негативному воздействию, имеют право требовать изменения положения»¹².

Сформулированный таким образом принцип есть не что иное, как обязательство стран-участниц согласовывать и в необходимых случаях подчинять свою внешнюю и внутреннюю экономическую политику интересам всех стран членов. Местом такого согласования и урегулирования должна, очевидно, стать новая организация. Если учесть, что сфера, охватываемая данной организацией, расширена по сравнению со сферой действия ГАТТ и МВФ, то новый принцип означает предоставление данной организации права регулировать не только традиционные вопросы таможенного обложения, но и ряд элементов налоговых, финансовых и кредитных национальных программ.

Этот принцип означает серьезный шаг в сторону наднациональности в отличие от робких попыток координации стандартов и отдельных элементов финансовых программ, как это осуществляется в настоящее время в рамках ГАТТ и МВФ.

Второй важный принцип, заключающийся в «предоставлении странам, находящимся в равных условиях, одинаковых льгот», крайне расплывчат и неопределенен, что затрудняет его однозначную оценку. Разъяснение, даваемое автором, связывает данное положение с принципом недискриминации, принимающим конкретную форму взаимности тарифных и других уступок. Между тем именно это положение ГАТТ сделало для развивающихся стран невозможным их активное участие в деятельности этого соглашения. Принятие этого положения затруднит борьбу развивающихся стран за создание НМЭП и, в частности, удовлетворение их требований о налоговых и структурных изменениях в промышленности развитых стран с целью

стимулирования экспорта готовых изделий и полуфабрикатов из развивающихся государств.

В организационном плане предлагается включить в состав ГТО несколько независимых органов, специализирующихся на решении отдельных вопросов. Одним из новых органов должен стать отдел по торговле и тарифам, представляющий собой модифицированный вариант ГАТТ. Предполагается, что отдел будет заниматься собственно торговыми проблемами, как это предусматривалось в начальный момент создания ГАТТ. Специальный торговый комитет по развивающимся странам будет специализироваться на разработке программ торговли и сотрудничества между развитыми и развивающимися и между самими развивающимися странами.

Центральное место во всей организации должно занять управление по анализу торговой политики, по характеру выполняемых функций аналогичное соответствующим органам МВФ и МБРР; задачи управления будут заключаться в анализе национальной экономической политики стран-членов.

Передача вопросов торговой политики стран-членов в руки отдельного специально созданного органа неизбежно ведет к усилению элементов наднациональности в деятельности ГТО, росту ее влияния на действия правительств в сфере национального регулирования экономики. Кроме того, допускается вмешательство нового органа в регулируемую деятельность на наднациональном уровне. Автор также подчеркивает, что при определенных условиях национальные действия в сфере, охватываемой организацией, могут быть рассмотрены в соответствующих органах сообщества, что представляет собой попытку ограничить суверенитет стран-членов.

Ознакомление с основными элементами организационной структуры ГТО показывает стремление автора использовать некоторые конкретные организационные формы ГАТТ, МВФ, ввести их в качестве составной части модели глобального регулирования торговой политики, передачи технологии и валютно-финансовых проблем.

Аналогичным образом принципы ГАТТ и МВФ, хотя и несколько модифицированные в связи с расширением программы действия ГТО, предлагается распространить на новые сферы международных экономических отношений.

В целом предложения Кемпса представляют собой типичный образец попыток идеологов развитых капиталистических стран влить старое содержание в программу

НМЭП, ограничившись незначительными модификациями принципов регулирования международных экономических отношений, как того требует процесс растущей интернационализации капиталистического производства.

Отдавая дань веяниям времени, Кемпс предлагает создать специальный орган, который должен будет заниматься анализом требований развивающихся стран. Однако это не более чем внешняя формальная уступка. Как принципы, на которых основана работа ГТО, так и организационный характер ее деятельности исключают возможность регулирования международных экономических отношений на базе новых правил, за что выступают социалистические и развивающиеся страны. Программа создания и действия Глобальной торговой организации существует сама по себе без каких-либо изменений всей системы отношений, как этого добиваются развивающиеся страны.

Таким образом, программа Кемпса представляет собой расширение ГАТТ до уровня глобальной наднациональной организации, передачу в ее ведение вопросов валютно-финансового регулирования, технологии.

Аналогичной по характеру является идея пакистанского экономиста, члена правления МБРР М. аль Хака, пытающегося подойти к вопросу наднациональности с точки зрения расширения программы валютного регулирования, создания наднациональной валютной организации и передачи ей некоторых прав по решению глобальных проблем.

По мнению аль Хака, создание наднациональной модели регулирования связано прежде всего с расширением функций валютных институтов типа МВФ и МБРР. Кроме расширения членства этих организаций предлагается включить в сферу их деятельности ряд вопросов, относящихся к глобальным проблемам: экологические вопросы, проблемы энергетических ресурсов и т. д. Он считает, что МВФ и МБРР должно быть передано, например, право на взимание общемировых налогов на невозобновляемые ресурсы, которые должны быть введены в будущем, налогов на загрязнение окружающей среды и т. д.

Думается, однако, что использование МВФ и МБРР для взимания и перераспределения налогов, как это предлагается автором, малореально. Это противоречит как принципам, так и задачам, поставленным перед этими международными организациями развитыми странами, осуществляющими контроль над их деятельностью и в настоящее время. Более подробный анализ предложений

аль Хака затруднителен в связи с неразработанностью и расплывчатостью самих предложений, носящих в основном умозрительный характер.

Этот недостаток восполняют рекомендации, подготовленные Независимой комиссией по вопросам международного развития, возглавляемой В. Брандтом. Исследование, в проведении которого принимали участие представители как развитых, так и развивающихся стран, фактически состоит из двух независимых докладов, которые представляют собой всеохватывающую программу — список рекомендаций и предложений по изменению институциональных норм и принципов регулирования торговли, финансов, а также глобальных проблем современных международных экономических отношений.

Значительный интерес вызывает первый доклад, выпущенный в 1980 году, где авторы ставят радикальные и далеко идущие задачи¹³. Исследователи критикуют сложившуюся систему международных экономических отношений как обеспечивающую неравноправные и взаимные связи между развитыми и развивающимися государствами. При этом подчеркивается, что мир нуждается в новой системе экономических взаимоотношений. Однако тон доклада становится намного более сдержанным, как только авторы переходят к позитивным рекомендациям. Анализ предложений, касающихся реорганизации основных органов, регулирующих сферу международных экономических отношений, показывает, что и здесь речь идет о сохранении установившихся принципов и норм деятельности существующих организаций. Комиссия предлагает осуществить лишь отдельные изменения, не затрагивающие существа неравноправной эксплуатации. Таковы предложения по расширению функций ГАТТ и ЮНКТАД в процессе их превращения в наднациональные органы.

ЮНКТАД предлагается сохранить как форум, где выдвигаются новые идеи; в то же время за ГАТТ резервируется право претворения в жизнь разработанных общих программ. Данное предложение во многом лишь закрепляет сложившуюся систему и не несет в себе ничего нового. Более того, оно подводит юридическую основу под действия развитых капиталистических государств по фактическому уклонению от выполнения решений, принятых на сессиях ЮНКТАД. Об этом свидетельствует опыт борьбы развивающихся стран за введение системы взаимных преференций, выдвинутой ЮНКТАД и переданной для претворения в жизнь в ГАТТ.

Впервые идея невзаимных преференций была выдвинута во время I сессии ЮНКТАД в 1964 году в связи с разработкой важнейших принципов, определяющих торговую политику. Последняя из попыток претворения в жизнь этой системы была предпринята во время переговоров Токио раунд. Выгоду при этом получили развитые капиталистические государства. Поскольку основная масса тарифных уступок, полученных во время этой последней сессии, приходится на готовые изделия, снижение пошлин на товары, экспортируемые молодыми государствами, составит в среднем 25% по сравнению с общим снижением тарифных ставок на 32%. Результатом Токио раунд явилось также уменьшение предоставляемых ранее льгот в связи с падением средней разницы между преференциальными пошлинами (их имели в основном развивающиеся страны) и обычными пошлинами, которая уменьшится с 8 до 4,7% к 1988 году.

Как известно, претворение в жизнь идеи невзаимных преференций в рамках ГАТТ во время сессии в Токио во многом не удовлетворило развивающиеся страны, которые по окончании сессии выступили со специальным заявлением о недостаточности тарифных уступок. Аналогичными были результаты претворения в жизнь невзаимных преференций по линии ЕЭС в рамках Ломейских конвенций.

В перспективе комиссия Брандта выступает за создание некоей наднациональной организации, объединяющей ГАТТ и ЮНКТАД, хотя и не определяет четко и ясно ее цели и характер деятельности. Сохранение в неизменности норм деятельности уже существующих органов (типа МВФ, ГАТТ) в рамках глобальной организации лишь закрепит проимпериалистический характер регулирования на наднациональном уровне.

Определенной уступкой развивающимся странам можно считать предложения авторов доклада о постепенном переходе к коллективной валюте типа СДР, создаваемой на основе совместных решений и используемой для целей экономического развития развивающихся стран. Предложение дополняется идеей некоторого перераспределения голосов между странами — членами МВФ. Следует заметить, что эти рекомендации, несколько усиливая роль и значение МВФ в деле стимулирования экономического развития развивающихся стран, не меняют при этом его проимпериалистической направленности, оставляя неизменными основополагающие принципы деятельности, заложенные в момент создания этого межгосударственного

финансового органа. Предложения по существу не выходят за рамки простой экстраполяции уже выявившихся тенденций без каких-либо качественных модификаций принципов и методов деятельности МВФ и ГАТТ.

Рекомендации комиссии в области передачи технологии сфокусированы на решении трех важнейших проблем: большем учете нужд развивающихся стран при проведении исследований и НИОКР в развитых капиталистических государствах; улучшении доступа развивающихся стран к технологической информации и, наконец, создании специализированных исследовательских центров для нужд развивающихся стран в рамках ООН и региональных экономических организаций. Первые два предложения лишь облегчают технологическую эксплуатацию развивающихся стран империалистическими государствами.

Создание специальных исследовательских центров является важным элементом обеспечения независимого технологического развития; однако без внимания остается центральный вопрос — источники получения требуемых финансовых средств, без чего данное предложение не выходит за рамки общих рекомендаций.

Комиссия исходит из целесообразности регулирования деятельности ТНК в рамках международного органа. Признавая различия в интересах ТНК и отдельных развивающихся стран, где они действуют, доклад комиссии поддерживает идею создания международного органа. Однако никаких конкретных рекомендаций по этому поводу комиссия не дает.

До крайности доводится идея, касающаяся введения международного налога практически на все виды международной и даже национальной деятельности. Судя по всему, предлагается создать международную организацию, которая должна будет осуществлять контроль за взиманием некоего «глобального налога», охватывающего международную торговлю, зарубежные инвестиции, невозобновляемые минералы, дорогостоящие предметы длительного пользования, а также военные расходы, потребление энергии, мировую торговлю нефтью, международный воздушный и морской транспорт, океаническое рыболовство, морскую добычу нефти и газа, разработку полезных ископаемых на дне морей и океанов, использование космоса, радио и телевидения и т. д. По мнению комиссии, создание органов, ответственных за взимание налогов, должно явиться шагом к совместному управлению мировой экономикой.

Опасность такого внешне привлекательного для развивающихся стран предложения заключается в том, что в нем, хотя и в замаскированной форме, проводится идея о наличии некоей «глобальной ответственности» за складывающееся положение, то есть налицо стремление снять с империализма вину за отсталость и неравноправие освободившихся стран.

В целом рекомендации комиссии Брандта по вопросам наднационального регулирования выглядят намного менее радикальными, чем этого можно было бы ожидать, судя по вступительной части доклада, касающейся критики сложившегося неравноправного положения развивающихся стран в системе международного разделения труда.

Сколько-нибудь кардинальных реорганизаций уже действующих межнациональных организаций не предусматривается, предложения не выходят за рамки незначительной структурной перестройки. В целом следует согласиться с мнением советского экономиста П. И. Хвойника о том, что рекомендации эволюционной перестройки, в противоположность революционной, особенно типичны при обращении к транснациональным монополиям и межнациональным институтам типа МВФ, после обличения которых следует призыв к предоставлению различного рода гарантий их деятельности в интересах самих же развивающихся стран¹⁴.

Второй доклад комиссии Брандта, опубликованный в 1983 году, свидетельствует об отказе исследователей от ряда наиболее важных требований, касающихся изменения норм и принципов международных экономических отношений в пользу развивающихся стран.

В области внешней торговли исследователи продолжают выступать за расширение сотрудничества между ГАТТ и ЮНКТАД с последующим созданием международной торговой организации, о которой говорилось и в первом докладе. В то же время особый упор делается на расширение деятельности ГАТТ. Задача ставится таким образом, чтобы сделать этот орган более представительным с точки зрения числа участвующих стран и круга рассматриваемых проблем.

Развитым странам рекомендуется перенести решение ряда внешнеторговых вопросов из ОЭСР, которая носит слишком прозападный характер, в ГАТТ. По аналогии с Комитетом 20-ти, действующим в МВФ, при ГАТТ предлагается создать представительный и ответственный орган на

уровне министров, обладающий правом принимать решения по ряду сложных вопросов.

Выступая за быстрее создание общего фонда в рамках интегрированной программы по сырью, комиссия Брандта не останавливается на таком важном вопросе, как финансирование развития производства сырьевых товаров в противоположность финансированию складских запасов.

Не случайно в отношении внешней торговли авторы выступают за «усиление приверженности принципам открытой, управляемой в соответствии с разработанными нормами торговой системы»¹⁵, что напоминает идею «организованной свободной торговли», предложенную западноевропейскими экономистами и политическими деятелями.

В области валютно-финансового регулирования переориентация авторов на программы развитых капиталистических стран выступает еще более отчетливо. На неопределенную перспективу отнесено удовлетворение требований развивающихся стран относительно увеличения квоты голосов в процессе принятия решений в рамках МВФ и МБРР. После резкой критики принципа «обусловленного кредита», используемого МВФ и в определенной степени МБРР, комиссия фактически узаконивает его применение, ограничившись требованиями смягчения его влияния на развивающиеся страны. Рекомендации по увеличению выпуска СДР, росту квоты стран — членов МВФ и МБРР должны лишь несколько облегчить условия кредитования и практически не могут изменить принципы, на которых зиждется система МВФ.

Что касается идеи создания международного фонда развития, то как сумма выделенных средств, так и определение целей его деятельности остались за пределами рассмотрения авторов доклада.

Оценивая общие цели и задачи программ финансирования межгосударственных финансовых организаций, авторы прямо и четко заявляют, что «вышеуказанные меры должны заложить основу той уверенности, которая необходима для расширения деятельности частных банков»¹⁶.

Безусловным отступлением от требований развивающихся стран является отказ от включения в число рассматриваемых рекомендаций норм и условий передачи технологии.

В целом можно сказать, что основной упор в своих рекомендациях исследователи делают на программы мо-

дификаций деятельности ведущих органов развитых капиталистических стран МВФ, МБРР, ОЭСР в рамках тех предложений, за которые выступают представители этих государств (расширение сферы охвата и облегчение условий регулирования).

* * *

Объективной предпосылкой разработки и создания глобальных моделей, включающих программы наднационального регулирования международных экономических отношений, является рост производительных сил капитализма, когда вполне созрели объективные условия для осуществления социализма.

В глобальных моделях наднациональное регулирование рассматривается в связи и во взаимозависимости с такими кардинальными изменениями в мировой экономической системе капитализма, как резкое расширение деятельности ТНК, укрепление значимости международных организаций, уменьшение эффективности некоторых средств национального регулирования.

Анализ концепций наднационального регулирования в глобальных программах перестройки капиталистического мира показывает, что наднациональные органы рассматриваются в качестве абсолютного средства, позволяющего примирить противоположные интересы развитых и развивающихся стран. Необходимость наднационального регулирования вообще и в сфере международных экономических отношений в частности выводится из целесообразности балансирования в общемировом масштабе передачи ресурсов развивающимся странам. В связи с тем что, как показывает практика капиталистического развития, на добровольность здесь рассчитывать не приходится, выдвигаются идеи использования насильственной формы передачи некоторых вопросов, традиционно относящихся к национальному суверенитету, в компетенцию наднациональных органов.

Таким образом, наднациональность создаваемых мировых органов их авторы пытаются использовать для формального перераспределения некоторой части дохода в пользу развивающихся стран.

В принципе можно выделить две группы моделей глобального регулирования международных экономических отношений на наднациональном уровне. Первая группа представляет собой абсолютизацию некоторых теоретиче-

ских постулатов структуралистов и неокейнсианцев — направлений буржуазной экономической мысли, оказавшихся наиболее приемлемыми для разработки глобальных моделей. Отличительной чертой этих разработок является абстрактность и минимальная приближенность теоретических рекомендаций к конкретной практике межгосударственного регулирования.

Вторая группа основана на экстраполяции реальных тенденций развития межгосударственных организаций типа ГАТТ, МВФ, МБРР и носит более прагматичный и реалистичный характер. В своей основной части эти модели ориентированы на консервацию (при незначительных модификациях) основополагающих принципов деятельности организаций, ставящих задачу сохранения преимущественного положения развитых капиталистических стран в системе международного капиталистического разделения труда.

Апологетический характер всех рассмотренных моделей заключается прежде всего в том, что их авторы исходят из сохранения капиталистического способа производства как основы прогнозируемого развития общества. Одновременно предпринимаются попытки по возможности не учитывать в будущих международных экономических отношениях деятельность социалистических государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ознакомление с теоретическими разработками по вопросам наднационального регулирования мирохозяйственных связей, так же как и с практикой деятельности межгосударственных организаций типа ГАТТ, ОЭСР, МВФ и ряда других, показывает, что важнейшей особенностью буржуазной теории и практики является использование растущей взаимозависимости в международных экономических отношениях и мирохозяйственных связях для выдвижения на первый план так называемых концепций наднационального регулирования, ложно трактующих этот реальный процесс.

Теоретическая буржуазная экономическая наука, занимающаяся рассмотрением вопросов капиталистической интеграции, абсолютизировала отдельные организационные формы и тенденции развития региональных сообществ развитых капиталистических стран, прежде всего Европейского экономического сообщества. Разрабатываемые модели наднационального регулирования отличает крайне обобщенный подход, ориентация на бескризисный характер развития. Признавая в принципе правомочность создания наднациональных органов по регулированию международных экономических отношений, буржуазные теоретики не дают каких-либо рекомендаций по их конкретным организационным формам и принципам деятельности. Основное внимание уделяется вопросам управления на наднациональном уровне экономики развитых капиталистических стран; регулирование же международных экономических отношений развивающихся стран, как предполагается, должно развиваться по аналогии с развитыми государствами.

По-особому подходят к разработке рекомендаций специалисты-практики, занимающиеся исследованием деятельности межнациональных организаций, регулирующих

отдельные сферы международных экономических отношений.

Выявляя реально существующие тенденции по усилению координационных начал в деятельности этих органов, экономисты-практики концентрируют свое внимание на анализе важнейших норм и принципов их деятельности. Интересно, что их исследования практически никак не связаны с базисными разработками теоретиков капиталистической интеграции. Наиболее широко представленными оказываются программы усиления координации национальных экономических политик, предложения по расширению и распространению деятельности этих организаций на новые сферы международных экономических отношений.

Это связано с тем, как указывают советские исследователи, что новейшие тенденции интернационализации «поставили капитализм перед необходимостью координации экономической политики в ее разных аспектах, выработки международного механизма государственно-монополистического регулирования применительно ко всей группе стран развитого капитализма»¹.

При этом буржуазная экономическая наука не может не признать, что процесс интернационализации, расширение функций регулирования ведут к появлению новой фазы межимпериалистических противоречий, их перенесению в нетронутые ранее такие традиционные области регулирования национальных экономик, как налогообложение, финансовая политика, финансирование НИОКР и т. д.

Качественно иной подход характерен для представителей развивающихся стран: наднациональность в сфере международных экономических отношений связывается с противостоянием империалистической экспансии, коллективной борьбой против международных монополий. Особую роль при этом играют предложения по созданию представительных и полномочных органов (в основном в системе ООН), способных на равных вести переговоры от имени развивающихся стран с развитыми капиталистическими государствами.

Трудности, с которыми сталкиваются развивающиеся страны при создании глобальных организаций, заставляют их активизировать роль региональных (прежде всего арабских) банковских группировок и фондов.

В то же время в большинстве предлагаемых развивающимися странами проектов наднациональность не имеет достаточной экономической базы. В целом можно говорить

с наличием значительной несогласованности и противоречивости в рекомендациях экономистов развивающихся стран. Некоторые из предлагаемых программ по существу мало чем отличаются от соответствующих программ развитых капиталистических стран.

Проекты наднационального регулирования экономических отношений схематично могут быть разбиты на две группы: 1) созданные на основе теоретических разработок и представляющие собой абсолютизацию и экстраполяцию на будущее тенденций развития действующих межгосударственных организаций типа ГАТТ, МВФ и МБРР; 2) носящие конкретный характер и широко используемые буржуазными экономистами в качестве рекомендуемых программ будущего развития мира.

При всей условности и незаконченности модели наднационального регулирования международных экономических отношений объединяет ряд общих черт: фокусированность наднационального регулирования именно на сфере международных экономических отношений; перенос внимания на регулируемое (в противоположность стихийному рыночному) развитию капитализма. Стратегическая установка большинства наднациональных моделей заключается в обеспечении благоприятных условий развития капитализма в мировом масштабе, нивелировке влияния социалистического лагеря на мирохозяйственные связи.

Задачи создаваемых глобальных моделей состоят в исправлении имеющихся перекосов, сглаживании противоречий мирохозяйственных связей современного капитализма.

Бесперспективность этих и ряда других аналогичных программ наднационального регулирования мирового хозяйства на капиталистической основе связана с антагонистическими противоречиями, имманентно присущими частнокапиталистическому предпринимательству.

Объективной предпосылкой развития вышеуказанных программ явилась тенденция, гениально подмеченная В. И. Лениным и направленная на создание «единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме»².

Окончательную интеграцию мирового хозяйства на основе единого и регулируемого на наднациональном уровне плана может и должен осуществить только социализм.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Правда, 1983, 16 июня.

Глава I

- ¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, с. 463.
- ² Там же, с. 464.
- ³ The Banker, Vol. 108, 1958, No 92, p. 580—588.
- ⁴ См. Weiller J. Les degrés de l'intégration et les chances de la zone de coopération internationale. — Revue économique, vol. 90, 1958, No 3.
- ⁵ См. Cooper R. N. The Economics of Interdependence. Economic Policy for the Atlantic Community. N. Y., 1968, p. 162.
- ⁶ Balassa B. Types of Economic Integration in: Economic Integration. Worldwide, Regional, Sectoral. L., 1976, p. 2.
- ⁷ См. Kramer H. R. Formen und Methoden der internationalen wirtschaftlichen Integration. Versuch einer Systematik. Tübingen, 1969, S. 41.
- ⁸ Шишков Ю. В. Теории региональной капиталистической интеграции. М., 1978, с. 78.
- ⁹ См. Haas E. Technocracy: Pluralism and the New Europe in: A New Europe? Ed. by S. Graubard. Boston, 1964.
- ¹⁰ Marechal A. L'intégration territoriale. P., 1965, p. 34.
- ¹¹ См. L'esprit, 1969, No 4, p. 584—585.
- ¹² См. Vernon R. Economic Analysis and the MNE. L., 1974, p. 90.
- ¹³ См. Kindleberger Ch. P. American Business Abroad. New Haven, 1969, p. 209.
- ¹⁴ См. Perroux F. Les poles de développement in: The Challenge of Development. Jerusalem, 1958.
- ¹⁵ Luard E. Types of International Society. N. Y., 1976, p. 547.
- ¹⁶ Pinder J. Problems of European Integration in: Economic Integration in Europe. Ed. by G. R. Denton. L., 1969, p. 145.
- ¹⁷ Mennis B., Sauvant K. P. Emerging Forms of Transnational Community. L., 1976, p. 31.
- ¹⁸ См. Lindberg L. N., Scheingold S. A. Europe's Would-be Policy: Patterns of Change in the European Community. N. Y., 1970.
- ¹⁹ См. Bernstein R. A. International Integration: Multidimensional or Uni-dimensional? in: Journal of Conflict Resolution, 1972, Sept., p. 403—408.
- ²⁰ См. Tinbergen J. International Economic Integration. Amsterdam, 1954.
- ²¹ Приложение к БИКИ, 1982, № 7, с. 59.
- ²² Mennis B., Sauvant K. P. Op. cit., p. 52.

- ²³ См. *Jayaraman T. K.* Economic Integration in the Indian Subcontinent Bombay, 1978.
- ²⁴ См. *Intereconomics*, 1977, No 9/10, p. 257.
- ²⁵ См. *Latin American Economic Integration. Experiences and Prospects* Ed. by M. S. Wionczek. N. Y., 1966, p. 3.
- ²⁶ Ibid., p. 45.
- ²⁷ Ibid., p. 59.
- ²⁸ См. Doc. UNCTAD TD/B/CX.7/28, 1978, Dec. 18, p. 3.
- ²⁹ См. *Abdalla S.* Third World Multinationals get Collective Self-Reliance. N. Y., 1980.
- ³⁰ См. БИКИ, 1977, 12 нояб.
- ³¹ См. *Amin S.* L'impérialisme et sous développement en Afrique. — *Anthropos*, 1976, Bd. 71, p. 443.
- ³² *Economic Impact*, 1975, No 4.

Глава II

- ¹ См. *Meyer F. V.* International Trade Policy. L., 1978, p. 137.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 117.
- ³ Приложение к БИКИ, 1979, № 7, с. 108.
- ⁴ In Search of New World Economic Order. L., 1974, p. 107—108.
- ⁵ *Balassa B.* The New Protectionism and the International Economy in: *Journal of World Trade Law*, 1978, Sept.—Oct., p. 434.
- ⁶ См. *Feketikuty G.* Towards an Effective International Trading System in: *Changing Patterns in Foreign Trade and Payments*. Ed. by B. Balassa. N. Y., 1978, p. 52.
- ⁷ Ibid., p. 51.
- ⁸ См. *Towards New International Economic Order: Selected Papers of C. F. Bergstein 1972—1974*. N. Y., 1975, p. 107 (далее: *Towards New International...*).
- ⁹ См. *Policy Perspectives for International Trade and Economic Relations*. P., 1972 (далее: *Policy Perspectives...*).
- ¹⁰ *Finance and Development*, Vol. 16, 1979, No 3, p. 22.
- ¹¹ *Policy Perspectives...*, p. 106.
- ¹² См. *Journal of Commerce*, 1977, Sept. 15.
- ¹³ См. *OECD Observer*, 1983, Jan., p. 29.
- ¹⁴ *Bahram N.* The Rise in Protectionism. N. Y., 1978, p. 66.
- ¹⁵ См. *Parliamentary Draft Outline of a Proporsal for an International Stabilization Fund of the United and Associated Nations*. Wash., 1943.
- ¹⁶ См. *White Paper. Proporsals for an International Clearing Union*. Presented by the Chancellor of the Exchequer to Parliament by the Command of His Majesty. L., 1943.
- ¹⁷ *Review of Economic Statistics*, Vol. 26, 1946, No 4, p. 178.
- ¹⁸ Ibid., p. 182.
- ¹⁹ *The Financial Times*, 1955, Sept. 12.
- ²⁰ См. *Triffin R.* Gold and the Dollar Crisis. New-Haven, 1960.
- ²¹ См. *World Banking*, 1961, Dec. 8, p. 29.
- ²² *Europe and the Evolution of the International Monetary System*. L., 1973, p. 101.
- ²³ См. *The Banker*, Vol. 132, 1982, No 67, p. 44.
- ²⁴ См. *Towards New International...*, p. 107.
- ²⁵ *Богданов О. С.* Валютная система современного капитализма. М., 1976, с. 75.
- ²⁶ *The Banker*, Vol. 132, 1982, No 67, p. 44.
- ²⁷ *International Affairs*, Vol. 58, 1982, No 2, p. 204.

- ²⁸ OECD. North — South Technology Transfer. P., 1982, p. 13.
- ²⁹ См. *Kravis I. B.* Availability and Other Influences on the Commodity Composition of Trade in: *Journal of Political Economy*, Vol. 64, 1956, Apr., p. 143—155; *Posner M.* International Trade and Technical Change in: *Oxford Economic Papers*, Vol. 13, 1961, Oct., p. 323—341; *Wahrer H.* Wage Rates, Labour Skills and United States and Foreign Trade in: *The Open Economy. Essays in International Trade and Finance*. N. Y., 1968.
- ³⁰ См. *Keesing D. B.* Labour Skills and Comparative Advantage in: *American Economic Review*, 1966, May, p. 249—258.
- ³¹ *King A.* Cooperation in Science and Technology. The OECD Approach in: *Coordination in the Field of Science and Technology*. N. Y., 1982, p. 82.
- ³² Ibid.
- ³³ Ibid., p. 29.
- ³⁴ См. *Buckley P. J., Casson M.* The Future of the Multinational Enterprise. L., 1976.
- ³⁵ Ibid., p. 45.
- ³⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 57.

Глава III

- ¹ TD/283. UNCTAD VI. Institutional Matters. Belgrade, 1983, June, p. 3.
- ² См. *Fawcett J.* International Economic Conflicts. Prevention and Resolution. L., 1977.
- ³ *Daam K. B.* The GATT Law and International Economic Organization. L., 1970.
- ⁴ Арушская программа коллективного самообеспечения и рамок для переговоров. Манила, 1979, май, с. 29.
- ⁵ См. TD/L.48 Suggested Draft Guidelines for a Charter on International Trade and Development. Santiago de Chile, 1972.
- ⁶ TD/B/535. Questions on the Establishment of a Comprehensive International Trade Organization. Geneva, 1975.
- ⁷ См. UNCTAD Bulletin, 1983, No 193, May, p. 6.
- ⁸ См. The First World. The Third World. N. Y., 1978.
- ⁹ Ibid., p. 244.
- ¹⁰ *Intereconomics*, 1977, No 9/10, p. 244.
- ¹¹ См. Les marchés tropicaux et méditerranéens, 1982, 17 déc.
- ¹² См. The Guardian, 1983, Jan. 8.
- ¹³ См. *Arthna Vijnana*, Vol. XXIV, 1982, No 3, p. 194—204.
- ¹⁴ ТД/275. ЮНКТАД VI. Международные валютно-финансовые вопросы. Белград, 1983, с. 32.
- ¹⁵ The Guardian, 1976, Apr. 26.
- ¹⁶ См. TD/B/80. Report of the Group of Experts on Payment Arrangement Among Developing Countries for Trade Expansion. N. Y., 1976.
- ¹⁷ См. Trade and Development, 1980, No 2, p. 82.
- ¹⁸ Приложение к БИКИ, 1977, № 11.
- ¹⁹ См. Trade and Development 1980, No 2, p. 69—82.
- ²⁰ См. Economic and Political Weekly. Annual Member, 1969, Jan.
- ²¹ См. TD/B/AC.10/4. UNCTAD. Financial and Payment Aspects of Trade Expansion, Economic Cooperation and Regional Integration Among Developing Countries, 1970.
- ²² См. ONU. Le système monétaire: l'initiative d'Arusha. Forum du développement, 1980, sept.
- ²³ См. Development dialogue, 1980, No 2, p. 75—91.

- ²⁴ Приложение к БИКИ, 1983, № 4, с. 27.
- ²⁵ См. *Annuaire française de droit internationale*. P., 1976, p. 65-72.
- ²⁶ См. *Trilateral Commission Task Force Report: The Triangle Papers*. N. Y., 1977, p. 159-177.
- ²⁷ OECD. *North — South Technology Transfer*. P., 1982, p. 91.
- ²⁸ *North — South Technology Transfer*, p. 13.
- ²⁹ TD/277 UNCTAD VI. *A Strategy for the Technological Transformation of Developing Countries*. Belgrade, 1983, p. 2 (далее: UNCTAD VI. *A Strategy for the Technological Transformation...*).
- ³⁰ Конференция ООН по науке и технике в целях развития. Вена, 1979, авг., с. 3.
- ³¹ См. OECD. *Gaps in Technology*. P., 1968.
- ³² См. *The Conference Board: Overseas Research and Development by US Multinationals 1966—1975*. Ed. by D. Craemer. N. Y., 1976, p. 70.
- ³³ Иванов И. Д. *Международные корпорации в мировой экономике*. М., 1976, с. 55.
- ³⁴ *Robinson J. Multinationals in the 1980*. L., 1979, p. 147.
- ³⁵ *Public Policy and Technology Transfer: Viewpoints of US Business*. N. Y., 1980, p. 58 (далее: *Public Policy...*).
- ³⁶ См. *Technology and International Transfer*. Ed. by H. F. Davidson. N. Y., 1974, p. 331.
- ³⁷ *Ibid.*, p. 460.
- ³⁸ См. *Public Policy...*, p. 58.
- ³⁹ См. *Appropriate technology: Report by the Ministry of Overseas Development Working Party*. L., 1977.
- ⁴⁰ См. *Towards Global Action for Appropriate Technology*. Ed. by A. S. Bhalia. N. Y., 1979, p. 169.
- ⁴¹ *Ibid.*
- ⁴² См. *Babatunda D. Thomas. International Cooperation and Technological Capabilities for Development*. P., 1981.
- ⁴³ См. *Le tiers monde*. P., 1976, p. 100.
- ⁴⁴ См. UNCTAD VI. *A Strategy for the Technological Transformation...*, p. 18.
- ⁴⁵ *Ibid.*, p. 31.

Глава IV

- ¹ *Barnet R. J., Muller R. E. Global Reach. The Power of Multinational Corporation*. N. Y., 1977, p. 137.
- ² См. *The Economist*, 1972, Jan. 22.
- ³ См. *Hymer S. The Multinational Corporation and the Law of Uneven Development in: Economic and World Order*. L., 1972, p. 114.
- ⁴ *Ibid.*, p. 112.
- ⁵ См. *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. L., 1972.
- ⁶ См. *Mesarovic M., Pestel E. Mankind at the Turning Point. The Second Report to the Club of Rome*. N. Y., 1974.
- ⁷ См. *Tinbergen J. Reshaping the International Order: A Report to the Club of Rome*. N. Y., 1976.
- ⁸ Обминский Э. Е. *Концепции международного экономического порядка*. М., 1977, с. 179.
- ⁹ См. *De Montbrial T. L'énergie: le compte à rebours. Rapport au Club de Rome*. P., 1978.
- ¹⁰ См. *Laslo E. Goals for Mankind: A Report to the Club of Rome on the New Horizons of Global Community*. N. Y., 1977.

- ¹¹ См. *Camps M.* The Case for a New Global Trade Organisation. N. Y., 1980.
- ¹² Ibid., p. 31.
- ¹³ См. North — South. A Programme for Survival. The Report of the Independent Commission on International Development Issues under the Chairmanship of Willy Brandt. 1979.
- ¹⁴ См. Мировая экономика и международные отношения, 1980, № 10, с. 44—58.
- ¹⁵ Common Crisis. North — South: Cooperation for World Recovery. The Brandt Commission. London and Sydney, 1983, p. 156.
- ¹⁶ Ibid., p. 155.

Заключение

- ¹ Мировая экономика и международные отношения, 1978, № 4, с. 17.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 164.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. ТЕОРИИ ИНТЕГРАЦИИ КАК ОСНОВА БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	6
1. Неолиберальная школа и ее роль в определении цели деятельности наднациональных организаций	6
2. Функционализм и его связь с противоречивыми тенденциями развития капиталистической интеграции	15
3. Структурализм — отражение противоречивости наднационального внутрифирменного международного капиталистического разделения труда	20
4. Неокейнсианство — ограниченность попыток осмыслить реальные тенденции и противоречия межгосударственного регулирования	24
5. Наднациональные органы в концепциях интеграции развивающихся стран	31
Глава II. БЕЗУСПЕШНЫЕ ПОПЫТКИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ КООРДИНАЦИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТЫМИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ	39
1. ГАТТ и ОЭСР в тисках противоречий торгового регулирования и координации	39
2. МВФ — неудачи попыток перехода к международному валютному регулированию	60
3. Передача технологии и ограниченные возможности межнациональной координации экономической политики	79
Глава III. МЕЖГОСУДАРСТВЕННАЯ КООРДИНАЦИЯ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ И НАДНАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОТСТАЛОСТИ И БОРЬБЫ ЗА НМЭП РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН	93
1. Международные организации и их роль в регулировании торговой политики	93

2. Программы наднационального регулирования развивающихся стран как средство перестройки валютной системы капитализма	106
3. Передача технологии и борьба за ее регулирование на межгосударственном уровне	124
<i>Глава IV. НАДНАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ</i>	<i>141</i>
1. Глобальные модели и теоретические постулаты буржуазной науки	141
2. Наднациональное моделирование и его связь с нормами и принципами действующих межгосударственных организаций	148
Заключение	159
Примечания	162

Вадим Борисович Буглай

ДОКТРИНЫ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ БУРЖУАЗНАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Редактор *Н. П. Огаркова*
Художественный редактор *В. В. Сурков*
Технический редактор *Т. С. Орешкова*
Корректор *Н. А. Борисова*

ИБ № 877

Сдано в набор 16.12.83. Подписано в печать 24.04.84. А-09552. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 9,14. Уч.-изд. л. 9,91. Тираж 4 000 экз. Заказ 2157. Цена 1 р. 60 к. Изд. № 214—Э/83.

Издательство «Международные отношения». 107053, Москва, Садовая-Спасская, 20.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Проблемы наднационального регулирования экономических отношений занимают важное место в разработках современных буржуазных экономистов, пытающихся доказать возможность выхода из кризиса, охватившего мировое капиталистическое хозяйство.

В книге раскрывается социально-политическая сущность теорий наднационального регулирования экономических отношений, их взаимосвязь с традиционными западноевропейскими и североамериканскими экономическими концепциями, а также их отражение в деятельности межгосударственных организаций развитых капиталистических стран.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА